

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- НАДЕЛАЕМ КОЛБАСЫ — И НЕ БУДЕТ ДИССИДЕНТОВ
- РАЗГОВОР НА СКОЛЬЗКУЮ ТЕМУ
- РУБЛЬ ЦЕНОЙ В ТРИ КОПЕЙКИ
- ГЕОГРАФИЯ НЕСВОБОДЫ

КАПИТАЛИЗМ

- СПРАВКА № 999 999
- БУДУЩЕЕ ПО ПАЙПСУ
- ТЕНЬ ГРОЗНОГО МЕНЯ УСЫНОВИЛА
- ТЕОЛОГИЯ САТАНЫ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка худ. Б.Рабиновича. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

Представители журнала:

В Москве – Сергей Лезов (125167, Ленинградский просп., 45, корп. 4, кв. 367).

В скандинавских странах – Борис Вайль (Det Kongelige Bibliotek, Chr. Brygge 8, 1219 København K, Danmark).

В Израиле – Рафаил Шапиро (Rehov Halot, 41/9 Gilo, Jerusalem 93384 Israel).

Стоимость годовой подписки в Европе 75 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 60 ам. долл., в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 70 ам. долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политическое обозрение	1
<i>Р.Бахтамов</i> . Общее и особенное	10
Редакционный квартет	22
Страна сегодня	24
"СССР уже не существует". <i>Интервью с Ю.Афанасьевым</i>	30
<i>А.Новиков</i> . Мысли вслух	37
"Тяжелая тема". <i>Беседа с Ю.Решетовым</i>	44
<i>Г.Давыдов, А.Фельдман</i> . Десять миллионов "Эпохи застоя"	57
Технология реформ. <i>Интервью с В.Белкиным</i>	61
<i>Ю.Власов</i> . Два человека	71
<i>Р.Пайпс</i> . Россия Горбачева: провал или прорыв?	78
<i>Н.Н.</i> Игроки и собственники	95
<i>Л.Колаковский</i> . Политика и Дьявол	116
Минздрав предупреждает	128
<i>В.Шаров</i> . Психология русской истории	129
<i>Г.Белая</i> . Искусство эпохи безвременья	141
<i>М.Харитонов</i> . Литература после катастрофы	148
<i>Л.Дымерская</i> . Томас Манн и "русский соблазн"	152
Новая книга	160

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Европа по де Голлю
Президентские нравы
Досье

ЕСЛИ БЫ ДЕ ГОЛЛЬ БЫЛ ЖИВ

Сегодня, когда исполняется сто лет со дня рождения генерала де Голля и двадцать со дня его отставки, очень хочется представить себе, как этот великий президент отнесся бы к нынешним грандиозным потрясениям в Европе и мире.

Мои встречи с де Голлем были краткими, причем говорил всегда только он. Первая состоялась во время приема в Елисейском дворце в честь президента Никсона в 1969 г. Меня представили де Голлю. Не тратя времени на любезности, де Голль равнодушно взглянул на меня и задал неприятный вопрос:

— Почему вы не уходите из Вьетнама?

Я ответил не очень уверенно:

— Потому что это подорвало бы наши позиции.

— Где? — спросил он настойчиво.

— На Ближнем Востоке, — ответил я.

Де Голль сказал, меланхолически глядя вдаль:

— Очень странно. Мне казалось, что на Ближнем Востоке как раз ваши противники не уверены в прочности своих позиций.

В этой беседе проявился весь де Голль. Он полагал, что дипломатия требует не обаяния или личных отношений, но скорее — и прежде всего — ясного представления о соотношении сил. Если это соотношение рассчитано точно, дипломатия даст результаты, если нет — ни добрая воля, ни личное обаяние делу не помогут. В своей внешней политике де Голль прежде всего стремился добиться для Франции положения, не зависящего от прихотей отдельных политиков. Это часто приводило к кон-

фликтам с американскими руководителями, которых возмущало то, что они расценивали как сомнения в их искренности. Де Голль же заботился о том, возможно, недалеком времени, когда его тогдашние американские коллеги уйдут со сцены, и США будут целиком заняты собственными проблемами или делами на других континентах. Иными словами, столкновения де Голля с американской администрацией отражали глубокое различие их исторического опыта и несовпадение взглядов на будущее.

К концу Второй мировой войны США вышли из традиционной изоляции и заняли положение, которое прежде не занимала никакая другая страна. При том, что население США составляло менее двух процентов населения Земли, в этой стране производилось более трети мирового объема товаров и услуг. США обладали монополией на атомное оружие. Однако стратегическая доктрина Америки, благодаря которой американцы оказались втянуты в обе мировые войны, заключалась в том, чтобы принять участие в отражении серьезной угрозы миру, которая рассматривалась как временная, и затем убраться восвояси, то есть вернуться в состояние изоляции. Оказывая экономическую помощь иностранным государствам, американцы исходили из убеждения, что внутренние проблемы возникают прежде всего из-за несоответствия между ожиданиями и реальностью и достаточно мобилизовать дополнительные ресурсы, чтобы проблемы были решены.

Два самых значительных послевоенных начинания США — НАТО и план Маршалла — оказались очень удачными, несмотря на то, что их авторы исходили из сугубо американского представления о природе международных отношений. Согласно этому представлению, специфическому, как и

сама история США, международное сотрудничество – самодовлеющая цель, мир между народами, равно как и международное разделение труда – нормальное состояние, не нуждающееся во внешних, дополнительных обстоятельствах.

Де Голль руководствовался иным опытом. Он возглавлял страну, которую частое крушение идеалов сделало осторожной, и его действия определялись не сознанием силы или единства нации, а скорее напротив, – ее скрытой уязвимостью.

Де Голль не считал мир естественным состоянием в международных отношениях: «Существует множество противоборствующих сил... Столкновение интересов – необходимое условие жизни... Международная жизнь, как и жизнь вообще, – это сражение».

В то время как американские лидеры подчеркивали важность партнерских отношений, де Голль настаивал на необходимости равновесия сил. Если Вашингтон стремился закрепить за каждым из партнеров определенную задачу в общем деле, то де Голль полагал, что сотрудничество имеет смысл лишь до тех пор, пока у каждого из партнеров есть реальный выбор. Американская администрация, понимая, что положению США по большому счету ничто не угрожает, концентрировала усилия на решении непосредственных практических задач. Она настаивала на создании блока западных стран с такой структурой, которая – во имя интеграции – не допускала бы сепаратных действий союзников. Де Голль же, управляя страной, которая десятилетиями страдала от войн и гражданской розни, утверждал, что форма сотрудничества не менее важна, чем его цель. И если Франции суждено восстановить статус великой европейской державы, ее действия следовало рассматривать как свободное волеизъявление, и, значит, ей была необходима свобода выбора.

Де Голль неизменно возражал против такого НАТО, где французские военные силы подчинялись бы иностранному командованию, и против такой Европы, где Франция потерялась бы в переплетении наднациональных структур. Он предостерегал, что наднациональная интеграция равносильна отказу Франции от самой себя. Де Голль считал, что такая позиция вовсе не противоречит его видению единой Европы, где «по обе стороны Рейна, Альп и, возможно, Ла-Манша, будет создано самое мощное, развитое и влиятельное сообщество в мире». Он всегда подчеркивал важность союза с США, хотя и сомневался, что американцы смогут – или захотят – бесконечно сохранять свои обязательства в отношении Европы, – осо-

бенно в области ядерного оружия. Во всяком случае, американская администрация была равно удивлена и обрадована всесторонней поддержкой де Голля во время Карбского ракетного кризиса.

Американцы склонны были обвинять де Голля в мании величия. Дело в том, что американские руководители, будучи в повседневной жизни людьми простыми, уверенно смотрели в будущее. Де Голль держался высокомерно, но эта манера была нарочно им выбрана как защита от вечного страха неизвестности, основанного на историческом опыте Франции. В сущности, здесь сталкивались личная скромность и исторически обусловленное высокомерие американцев с личным высокомерием и исторически обусловленной неуверенностью де Голля.

Я вспомнил все эти старые споры потому, что происшедшие за последний год перемены в Европе неожиданно придали идеям де Голля новый смысл. Его бы не удивило, что советская система оказалась в столь трудном положении. В сущности, он мог бы сказать, что предвидел это в самый разгар Берлинского кризиса 1959 года: «Эти организованные Советами проклятия и требования столь неправдоподобны, искусственны, что не знаешь, чему их приписать: то ли это сознательно подогреваемый разгул безумных устремлений, то ли за этим стоит желание отвлечь внимание от серьезных внутренних проблем. Второе предположение кажется мне тем более вероятным, что, несмотря на принуждение, изоляцию и акты насилия, которые коммунистическая система практикует в подвластных ей странах, и несмотря на определенные успехи, которые эта система добилась, выжимая соки из подвластных ей людей, – несмотря на все это, ее экономическая несостоятельность, внутренние поражения и, главное, ее бесчеловечность все больше и больше ощущаются и элитой и массами, которых становится все труднее обманывать и подавлять».

Но внезапное крушение коммунистической системы привело к неожиданному обстоятельству, которого де Голль не мог предвидеть и от которого не мог бы просто отмахнуться: оно привело к внезапному возникновению единой Германии. В минуты возбуждения де Голль не скрывал, что в этом случае он рассчитывает на силу оружия.

– Как вы помешаете Германии подчинить себе Европу, состоящую из национальных государств? – спросил я во время другой беседы.

– Объявим войну, – отрезал де Голль.

Как политический деятель де Голль был гибким и реалистичным. В шестиде-

сятые годы он явно верил в возможность достижения равновесия сил в Европе, опираясь на политическое доминирование Франции, на раздел Германии, на западно-германскую экономическую мощь и на продолжающееся (хотя и сократившееся) американское присутствие. Здесь каждому была отведена определенная роль: Советский Союз препятствовал бы объединению Германии; США защищали бы Западную Европу от СССР; а Франция – опираясь на экономические успехи ФРГ – со временем стала бы политическим лидером Западной Европы.

Однако эта схема была слишком сложной. В ней не было места для неожиданностей. Так или иначе, она рухнула. Де Голль, конечно, признал бы, что советская военная угроза ослабла, что американские обязательства в отношении Европы пересматриваются и что Франция своими силами просто не в состоянии создать равновесие в Европе. Традиционная французская политика – сдерживать Германию путем сближения с Россией – делается невозможной при любом из двух предполагаемых исходов внутреннего кризиса СССР. В случае развала Россия будет слишком слаба, чтобы сдерживать Германию. Если же восторжествует русский национализм, то в этой стране, обладающей большим количеством ядерного оружия, могут вновь проснуться гегемонистские устремления. Но и с точки зрения классической дипломатии совсем не очевидно, что Советский Союз выбрал бы своим партнером Францию. Во всяком случае, малейшая попытка изолировать Германию почти наверняка пробудит там национализм, которого панически боится Франция. Таким образом, после многолетних усилий сделать Европу более независимой от США, Америка вновь нужна континенту, чтобы гарантировать здесь равновесие сил. Другой вопрос, понимают ли в Вашингтоне, какие возможности для него открывает новая ситуация в Европе.

Я предполагаю, будь де Голль жив, он бы стал действовать в двух направлениях. Он постарался бы поскорее достичь своей давнишней цели – политического единства Европы. И обнаружил бы при этом новые достоинства в Атлантическом союзе.

Я думаю, что де Голль не принял бы концепцию Жана Монэ относительно наднациональной интеграции. Энергичнее, чем когда-либо, он отклонил бы предложения сторонников такой интеграции, стремящихся усилить Европу в области экономики. Он, безусловно, отверг бы идею Европы, управляемой чиновниками. В этом отношении его позиция была бы близка к позиции премьер-министра Мар-

гарет Тэтчер. Но он разошелся бы с ней по вопросу единства Европы в области коллективной безопасности и внешней политики. Исходя из своей уверенности в том, что для государства политика важнее чиновников, а внешняя политика важнее экономики, де Голль сделал бы все возможное, чтобы добиться единства западноевропейцев в области безопасности и внешних сношений. Как это ни парадоксально, но, отвергая идею наднациональной бюрократии, он поддержал бы систему обязательности решения большинства в Комитете Министров Европейского Совета, рассчитывая, что такая система оставит за Францией свободу выбора. Предпочтительнее всего для де Голля было бы тесное сближение с Германией. Он пошел бы на многое, чтобы избежать франко-германского конфликта, и еще на большее, чтобы выработать общие позиции. Но если, несмотря на все усилия, Германия поддалась бы соблазну политического доминирования в Европе, тогда де Голль мог бы взять курс на сближение с другими западноевропейскими странами. В обоих случаях Франция существенно влияла бы на решение большинства. Целью де Голля было бы не соперничество, а единство Европы, призванное создать систему обороны, подчиненную европейскому командованию, которому Франция вместе с Англией могли бы предоставить часть своего ядерного оружия, – особенно в целях сдерживания Германии.

По иронии судьбы, крушение советской системы и объединение Германии изменили бы отношение де Голля к роли США в Европе. Как трезвый политик, он бы признал, что французский и британский ядерные арсеналы – последнее отчаянное средство, которое скорее усиливает, нежели ослабляет необходимость американской помощи во всех других, не столь острых случаях. Он также понял бы, что хотя межнациональные конфликты и экономический кризис изменили характер советской угрозы в сфере обычных вооружений, тем не менее советский ядерный потенциал, составляющий более 10 тысяч боеголовок, по существу, не уменьшился. Поэтому де Голль добивался бы для Европы ядерной защиты со стороны США, что было бы невозможно без американского присутствия.

Но при этом де Голль руководствовался бы не только и не столько соображениями военного характера. Страх американского доминирования, который преследовал его 25 лет назад, значительно рассеялся бы ввиду установившегося в мировой экономике баланса, предстоящего вывода из Европы большей части американ-

ских войск и создания общеевропейских институтов, занимающихся внешней политикой и обороной.

Считая американское присутствие необходимым элементом равновесия в Европе, де Голль понял бы сегодня, как важно связать Германию с западной сверхдержавой. С другой стороны, зная историю, де Голль должен был бы опасаться влиятельных сил, заявляющих, что американцы уже выиграли холодную войну и теперь должны оставить Европу европейцам. Поэтому он считал бы, что политическое присутствие США в Европе невозможно без возрождения идеи атлантического сообщества, каждый член которого участвует в общем деле.

Таким образом, де Голль пришел бы к поддержке НАТО. Он понял бы, что единая Германия не может долго оставаться полноценным членом НАТО, если в него не вступит Франция. А такое решение было бы легче принять, если бы внутри НАТО Европа говорила единым голосом. Конечно, де Голль настаивал бы на равноправии Европы при решении вопросов мировой политики. И он поддерживал бы дружеские отношения с Восточной Европой, чтобы преодолеть страх Франции перед германской угрозой и американским изоляционизмом; однако он не зашел бы столь далеко, чтобы Восток стал вызывать аналогичные опасения.

Это отнюдь не портрет лидера, испытывавшего сентиментальность в отношении лишь своей страны. Де Голль был убежден, что его подход к европейским и мировым проблемам не был проявлением национального эгоизма. «Цель борьбы, которую ведет наша страна, – говорил он, – соединение, а не разделение; уважение, а не презрение; освобождение, а не господство. Тем самым наша страна сохраняет верность своей миссии, которая всегда была и остается гуманной и общечеловеческой».

Возможно, высшее достижение де Голля – институализация внешней политики. Все его преемники – к какой бы партии они ни принадлежали – в большей или меньшей степени разделяли его политическую философию. Поэтому многое из того, о чем здесь говорится, возможно, в недалеком будущем обнаружится в политике Франции и тогда станет ясно, может ли французская рассудительность совместить несовместимое: решимость Британии присоединиться к Европе, сдержанность Германии и желание США играть более серьезную и одновременно более решающую роль в мире. ●

Генри Киссинджер

И ТОГДА ЗАГОВОРИЛ ДИКТАТОР...

Переговоры в верхах в Вашингтоне многое добавили к образу Джорджа Буша, однако они существенно изменили наше представление о Михаиле Горбачеве, во всяком случае, в большей мере, чем это входило в его планы. Встреча вновь показала нам, что Дж.Буш – умный, приятный человек, имеющий как свой стиль, так и один важный для человека, принимающего участие в международных делах, недостаток: он любит все получать даром. Когда дело касается принципиальных вопросов, которые, по мнению Буша, могут помешать его замыслам, он просто отбрасывает их. Так, например, было с поддержкой освободительного движения в Китае или с планами борьбы с терроризмом.

На встрече в верхах отброшенной оказалась Литва.

Вначале Буш сказал Горбачеву, что торговое соглашение между США и СССР должно быть увязано с вопросом о независимости Литвы. Затем, когда он выслушал просьбы Горбачева о поддержке, у него вдруг появился пакет торговых соглашений с Кремлем уже без всякой Литвы. В пользу такой политики можно привести известный аргумент, но кто захочет признаться, что для Америки цель оправдывает средства? Поэтому администрация что-то бормочет, а мы затыкаем уши.

Однако на встрече в верхах отброшенной оказалась не только Литва. В результате соглашения по вооружениям Советский Союз остался с превосходством в наземных силах. В то же время эта страна разваливается столь стремительно, что использование силы против Запада потребовало бы непреодолимого желания всего народа совершить самоубийство. Соглашения по сокращению ядерных вооружений хороши для души и для кармана. Однако обе стороны (да, когда дело доходит до проблемы выживания в ядерный век по-прежнему существуют две стороны) сохраняют ужас перед разрушительной силой, которая предотвращала войну между сверхдержавами в течение полувека.

По поводу Германии М.Горбачев дал понять, что он намерен не торопясь делать то, чего от него ждут реалистически настроенные немцы: согласиться с объединенной Германией в НАТО в обмен на какие-то спасающие престиж переговоры и увесистый пакет экономических подарков и капиталовложений со стороны Германии. Сейчас у него нет другого выбора. Советский Союз и Запад не успели выработать линию поведения по отношению к

объединенной Германии до того, как проблема свалилась на их головы. Да у них и было всего-то лет 40 в запасе или около того.

Хорошим дипломатам известно, что эмоции значат больше, чем документы и речи. Американская публика придала визиту Горбачева мощную эмоциональную окраску. Где бы он ни появлялся, американцы выражали ему свое горячее желание оставить позади страх и враждебность и расслабиться. М. Горбачев держался иначе. Казалось бы, все надежды и планы на общую международную крышу, о которой он говорит, уже собраны и выражены в известном документе. Это Декларация Организации Объединенных Наций. Стоит ли нам опять начинать все сначала? Но нет, все были в восторге от возможности видеть и слышать человека, которого американцы сделали провозвестником новой эпохи надежды. Поэтому они и обнимали его. И все же никто иной, а сам М. Горбачев показал, что нам не следует связывать свою судьбу с его судьбой. Он говорит о демократии и, возможно, даже верит в один из ее вариантов, но однажды он проявил себя действующим и думающим как диктатор.

Арабы, сказал он на пресс-конференции, оказывают на него давление в связи с иммиграцией в Израиль советских евреев, так что если Израиль не послушает его и не предотвратит расселение новых иммигрантов на оккупированных территориях, он еще посмотрит, стоит ли давать евреям разрешение на эмиграцию из Советского Союза.

Президент Буш молчаливо слушал речи М. Горбачева: советские законы означают только то, что коммунистическая партия или ее глава имеют в виду в каждый данный момент. На этот раз было поставлено на карту обещание Советов относительно эмиграции. А что поставят в следующий раз?

Открытость американской публики — это теплый момент истории, который остается в умах. Но останется также и ледяной момент саморазоблачения в Вашингтоне.

Верно одно; если мы бросим все силы на поддержку Горбачева и только его, мы можем разрушить надежды советского народа, который хочет больше свободы (и больше еды), чем Горбачев в состоянии дать ему. И мы можем подорвать демократическое движение в Советском Союзе, лишив его возможности использовать шанс, чтобы повести страну к свободе, которой советские люди были лишены так долго и так жестоко. ●

А. Розенталь, главный редактор газеты «The New York Times»

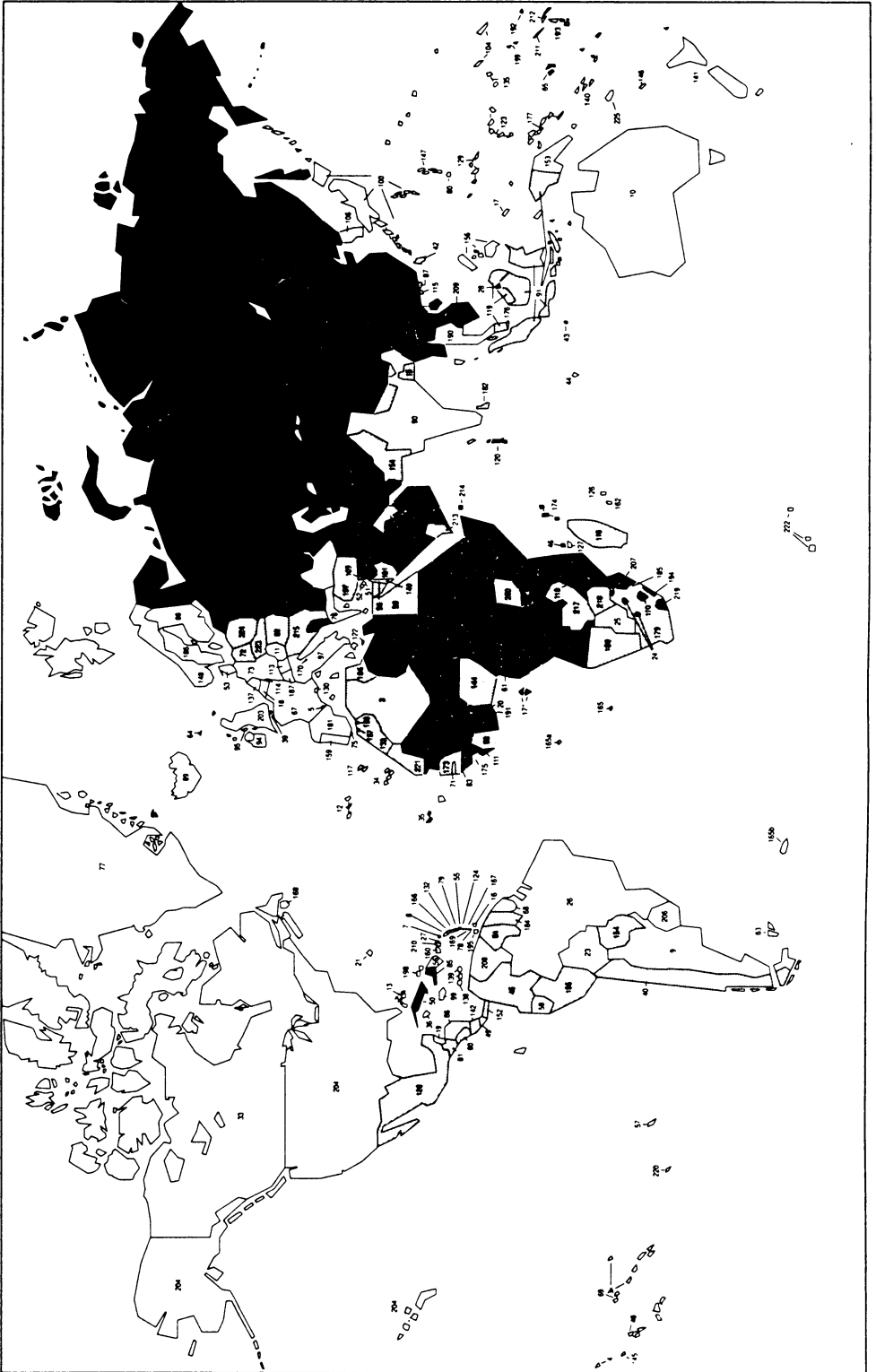
ДОСЬЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ

ГЕОГРАФИЯ НЕСВОБОДЫ

Начиная с 1978 г., американская неправительственная организация Freedom House («Дом свободы») проводит ежегодные оценки «уровня свободы» во всех странах мира. Оценки проводятся методом опроса экспертов — как внутри самой страны, так и внешних наблюдателей. Изучаются также официальные и неофициальные отчеты, данные правозащитных организаций, сообщения средств массовой информации.

Понятие «свобода» трактуется достаточно широко и охватывает две группы характеристик: политические права и гражданские свободы. Под политическими правами понимается возможность для граждан свободно участвовать в политическом процессе. В свободном государстве это означает право всех взрослых лиц избирать и быть избранными (право реальное, а не только декларированное) и возможность для избранных лиц иметь решающий голос в определении политики. Это общее положение в опросном листе подразделяется на ряд более конкретных вопросов, например: избран ли глава государства (правительства) и члены законодательных органов путем свободных и честных выборов; выдвигаются ли кандидаты независимо или под влиянием государственных органов; принадлежит ли какая-то часть власти не избираемым органам; существует ли самоопределение или автономия меньшинств и т.д.

Под гражданскими свободами понимается свобода взглядов, организаций, личности от государственного вмешательства. В числе конкретных выражений этих свобод: свобода печати; свобода культуры; свобода собраний и демонстраций; равенство граждан перед законом; свобода от политического террора; свобода предпринимательства и кооперативов и т.д. Всего по обеим категориям «свобод» для оценки используются 44 различных параметра. Разработана система численной оценки «степени свободы», выражаемой в баллах. Чем выше балл, тем ниже степень свободы. Страны, получившие оценки от 1 до 2,5, отнесены к категории «свободных». Страны, набравшие баллы от 3 до 5,5, рассматриваются как «частично свободные». Страны с отметками 5,5 и выше (максимальная величина — 7) определяют как «несвободные». «Дом свободы» публикует для наглядности и «карты свободы», на которых

несвободные страны закрашены черным, частично свободные – серым, свободные оставлены белыми.

Последний обзор, датированный 1989 г., включает данные для 167 стран и 58 зависимых территорий. Однако время, пока шла редакционная подготовка и печатание толстого (330 стр.) тома, сыграло с составителями злую шутку. Это было время бурных потрясений, когда за несколько месяцев «география свободы» потерпела значительные изменения. Поэтому составители вынуждены были сделать специальную вкладку в книгу, дабы отразить эту новую реальность. Так, из ряда «несвободных» в разряд «частично свободных» перешли Чехословакия, ГДР и Панама. Болгария и Румыния, хоть и остались в «несвободных», но степень их несвободы понизилась: для Болгарии по обоим параметрам – политических прав и гражданских свобод, для Румынии – только по второму параметру. Надо думать, что процесс изменений продолжался и после выпуска вкладки – при той интенсивности и скорости «ветра свободы», который дует сейчас по планете, ученым-аналитикам угнаться за ним мудрено. Но вот, тем не менее, как выглядела наша планета на 31 декабря 1989 г.

В высшую лигу – не просто свободных, но получивших наилучшую оценку – 1, входят все страны Западной Европы, за исключением Франции, Греции и Португалии (в этих трех положение несколько хуже и характеризуется балом 1,5). Не входит в группу «1» и турецкая половина Кипра: она набрала 2 балла (столько же, кстати, как и Израиль). Кроме Западной Европы, в «высшей лиге» находятся США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония. Эту честь с ними делят и несколько экзотических государств: Барбадос, Коста-Рика, федерация Сент-Китс и Невис, Соломоновы острова, Тринидад и Тобаго, Тувалу.

В «нижней лиге» свободных государств (с баллом 2,5) находятся такие государства, как Индия, Филиппины, Южная Корея. Далее идут уже «частично свободные». В их составе вся Восточная Европа (кроме Албании, Болгарии и Румынии, отнесенных к «несвободным»). Здесь же такие страны, как Турция, Мексика, Египет, Алжир и др.

В разряде «несвободных» тоже есть своя «высшая лига» с оценкой 5,5. Это, так сказать, самые свободные несвободные государства. Именно в этот раздел попало, наконец, наше отечество. Конечно, до Соломоновых островов нам еще далеко, но и это несомненное достижение. Много лет мы прочно держались на отметке 7. В

одной весовой категории с нами находятся, например, Болгария и Иран (Джибути, Лесото, Коморские острова и т.д. мы не будем перечислять).

Как же выглядят группа «хуже всех», с баллом 7? Здесь абсолютное большинство составляют страны, либо до сих пор «строющие социализм», либо строившие его в недавнем прошлом: Афганистан, Албания, Ангола, Бенин, Бирма (ныне Мьянма), Вьетнам, Кампучия, Китай (Народный, разумеется), Куба, Монголия (видимо, оценка устарела?), Северная Корея, Сомали, Экваториальная Гвинея, Эфиопия, Южный Йемен. Этот славный список дополняют наши арабские друзья: Ливия, Сирия и Судан.

Тем, кто хочет получить информацию о положении в других странах, предлагаем составленную «Домом свободы» карту. Цифры, которые вы видите, соответствуют номерам в списке стран. Мы этот список не приводим, полагая, что читатель сам разберется с географией. ●

К.Л.

ЗАБЫВЧИВЫЙ МИША ВОЛЬФ

Генерал-полковник госбезопасности в отставке Маркус Вольф сделался с некоторых пор весьма популярной фигурой в Федеративной республике Германии: о нем пишут в газетах, вещает радио, его показывают по телевидению. Буквально перед самой революцией в ГДР на Западе можно было услышать похвалы Вольфу за то, что он не побоялся потребовать общественного и парламентского контроля над деятельностью Штази – восточногерманского аналога КГБ.

Нужно заметить, что прежде, на протяжении всей своей 36-летней службы в органах госбезопасности ГДР, Вольф подобных требований не высвелял. Страдал ли он, «будучи интеллигентом», от отсутствия свободы в своей стране, – как он теперь заявляет, – тоже вопрос. Между тем дело дошло до того, что в январе этого года одна из евангелических академий Федеративной республики даже пригласила М.Вольфа для выступления и публично протестовала против приказа генерального прокурора ФРГ арестовать Вольфа, если он окажется на территории Западной Германии.

Трудно поверить и другим рассказам Вольфа: что его преждевременный выход на пенсию в 1987 г. был связан с тем, что он намеревался, пользуясь своими связями в СССР, проводить прогорбачевскую политику в ГДР или что бывший шеф Вольфа, министр госбезопасности ГДР и глава

Штази Эрих Мильке отказался сделать его своим преемником. Тридцать шесть лет Вольф был засекреченной фигурой. Он запрашивал публиковать даже свои фотографии. Сегодня он жаждет публичности. В многочисленных выступлениях и интервью он пытается внушить читателям или слушателям, что руководил «обыкновенной» разведывательной службой, какие существуют в любом государстве. Разве только его ведомство работало успешней, чем службы других стран. Даже в Штази, по его словам, существовали огромные отделы, «не имевшие ничего общего с репрессиями». Биография Вольфа противоречит этому утверждению.

Маркус Вольф вырос и получил воспитание в Советском Союзе в сталинские времена. Он был сыном немецкого коммуниста и политического эмигранта в СССР Фридриха Вольфа. Миша (его до сих пор часто называют так) окончил школу Коминтерна в Кушнаренково и в составе группы Ульбрихта прибыл после войны в советскую зону оккупации Германии. В 1949–50 годах он был советником посольства только что провозглашенной Германской демократической республики в Москве; очень вероятно, что уже в то время Вольф был по меньшей мере информирован о судьбе политических заключенных ГДР, которых переправляли из печально известных восточногерманских тюрем в Бауцене и Галле в советские лагеря. Служба Вольфа в «органах» официально началась в 1951 г. Уже через четыре года он стал генералом, с 1958 г. начальником Главного разведывательного управления, а с 1982 г. – первым заместителем министра госбезопасности ГДР. Сейчас он уверяет всех, будто даже на этом посту он ничего не знал о том, что происходило за пределами разведывательного управления, ничего не слышал ни о тотальной слежке, ни о подслушивании телефонных разговоров, ни о пыточных камерах, ни тем более о расстрелах.

Но и сам по себе шпионаж, которым он руководил, в условиях такого государства как ГДР, отнюдь не представлял собой «деятельность, аналогичную той, какая проводится во всех странах». Как выразился однажды Хонеккер, шпионаж – «важная область партийной работы на переднем крае классовой борьбы». Бывший подчиненный Вольфа, офицер Штази В.Шиллер в своих воспоминаниях, опубликованных под названием «В сердце шпионажа», пишет: «На собственном опыте я убедился, сколь бесчеловечной была практика работы министерства безопасности, как бесстыдно эксплуатировались человеческие пороки, низость, аморализм. Раз-

ведка ГДР в этом смысле ничем не отличалась от КГБ. Должен сказать, что Служба информации ФРГ представляет разительный контраст с этими организациями».

Вплоть до шестидесятых годов, похищение сотен людей многие из которых погибли, – было делом рук не просто Штази, но конкретно разведывательного управления. Напомню о случаях, вызвавших особенно большой резонанс: член комиссии расследования при Организации свободных юристов В.Линзе, бывший генеральный инспектор восточногерманской полиции Р.Бялек, журналисты Х.Брандт и К.-В.Фрикке. Совершенно особая тема – западногерманские террористы, которым аппарат М.Вольфа обеспечил возможность повышать свою квалификацию в палестинских учебных лагерях, а далее предоставил право спокойно жить в ГДР.

Выйдя на пенсию, генерал-полковник Вольф опубликовал книгу воспоминаний «Тройка», имевшую немалый успех в Федеративной республике. Он рассказывает о детстве в Москве, о своем брате Конраде (будущем кинорежиссере) и двух его друзьях. Книга начинается словами: «Тройка по-русски означает тройную упряжку». Человек, для которого русский – это второй родной язык, и к тому же специалист, тесно связанный с КГБ, не может не знать о том, что слово «тройка» в современном русском языке имеет и другое значение. Трех подписей под заочно вынесенным приговором было достаточно, чтобы схлопотать 10, 15 или 25 лет лагерей или сразу же отправиться на тот свет.

Но, быть может, и об этом рыцарь плаща и кинжала тоже ничего не знает и не помнит! ●

Майнрад фон Ау (Мюнхен)

КОНЧИНА ФЕРНАНДО КЛАУДИНА

16 мая, за несколько месяцев до своего 77-летия, в Мадриде скончался Фернандо Клаудин, один из выдающихся представителей испанской интеллигенции, сыгравший значительную роль в переосмыслении идеологии левых политических сил.

Фернандо Клаудин родился в 1913 г. в семье топографа. Еще в юном возрасте Клаудин вступил в ряды «железных людей», которые шли за «светом октябрьской революции» и мечтали коренным образом преобразовать свою страну.

Клаудин вступил в коммунистическую партию, стал со временем секретарем молодежной организации, а в 1936 г. способствовал объединению своей организации с Социалистическим союзом молодежи под

руководством Сантьяго Каррильо. (Позднее, став Генеральным секретарем Коммунистической партии Испании, Каррильо исключил Клаудина из ее рядов за «ревизионизм».) На исходе гражданской войны 1936–1939 гг. Клаудин одним из последних – вместе с Пальмиро Тольятти – покинет франкистскую Испанию.

После войны для него, как и для тысяч его соотечественников, начался долгий путь эмиграции: Мексика, Куба, Аргентина, Чили, Советский Союз, Франция. Но уже в 1956 г., после закрытого доклада Н.Хрущева на XX съезде КПСС, коммунистические убеждения Клаудина дают трещину. Видимо, процесс переоценки ценностей, в том числе идеологических догм, истории и практики коммунизма, начался еще в тот период, когда Клаудин занимал пост секретаря по идеологическим вопросам компартии Испании. Во всяком случае, именно тогда он впервые открыто подверг критике политическую программу собственной партии, поставил под сомнение незыблемость ее идеологических основ. «Диссидент» исключают из партии (вместе с Хорхе Семпруном), а в Советском Союзе заносит в черный список «ренегатов» и «социал-предателей».

Результатом переосмысления теории и практики коммунизма явились его труды: «Кризис международного коммунистического движения» (1970 г.), «Маркс, Энгельс и революция 1848 года» (1975 г.), «Еврокоммунизм и социализм» (1977 г.), «Оппозиция в странах «реального социализма» (1981 г.).

Из теоретических работ Клаудина и из его бесчисленных статей видно, что начиная с 60-х годов он по-новому смотрит на испанскую действительность и на проблемы, выдвигаемые «реальным социализмом». Краеугольным камнем его новой концепции стало убеждение, что социализм невозможен без демократии. Наверное, именно поэтому Клаудин все чаще обращает внимание на Советский Союз, как на источник уродливых явлений коммунизма: этот источник он видит в социализме без свободы.

Ф.Клаудин не стал дожидаться смерти испанского диктатора, чтобы вернуться на родину. Здесь, после установления демократии, Клаудин сотрудничает с социалистами, постоянно борясь против пережитков сталинизма среди левых сил Испании. Без личного ожесточения, избегая зоологического антикоммунизма, но с той силой, которую придает человеку признание собственных ошибок, Ф.Клаудин отстаивает в последние годы критические взгляды на Советский Союз. Для него приход к власти М.Горбачева, возвращение А.Сахарова из ссылки, преобразования в странах Восточной Европы, выборы в Советы народных депутатов в СССР, падение Берлинской стены стало осуществлением давней мечты.

В 1987 г., после 20 лет «опалы», Ф.Клаудин был приглашен ЦК КПСС в Москву, где он воспользовался «реабилитацией», чтобы публично выступить в защиту многопартийности и демократии. Год спустя Клаудин организовал в Барселоне симпозиум, посвященный перестройке в Советском Союзе. На этой встрече представители русской интеллигенции, – в том числе и эмигранты, – и специалисты по Советскому Союзу провели дискуссию в невиданной, пожалуй, до тех пор атмосфере терпимости и взаимопонимания.

В последнее время, чувствуя себя еще бодрым и деятельным, но все же постоянно слабея, Клаудин досадовал: «Будь я на 10 лет моложе, я бы поехал в Россию, чтобы окунуться во все невероятные преобразования, которые там уже происходят и которые еще будут происходить».

Его последняя лекция «Куда идет Советский Союз?» была посвящена анализу платформы ЦК КПСС к предстоящему съезду. Работал над ней он с большим трудом: сказывались первые симптомы болезни, одолевшей его всего лишь через два месяца.

Страстный интерес, проявляемый Ф.Клаудином к Советскому Союзу, нельзя объяснить только лишь девятью годами, проведенными в этой, ставшей близкой ему стране, или тем, что именно там он познакомился со своей женой Кармен Урондо, и там же родились две его дочери Кармен и Татьяна. Для него, как и для многих других, Советский Союз был сначала олицетворением мечты, потом источником заблуждений и, в конце концов, попранием для идеологической борьбы, без которой он не мыслил свою жизнь. ●

Рикардо Сан-Висенте (Барселона)

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

НРАВИТСЯ НАМ ЭТО ИЛИ НЕТ, НО МЫ ЖИВЕМ В ЭПОХУ СРЕМИТЕЛЬНОГО РОСТА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ, УСИЛЕНИЯ ЦЕНТРОБЕЖНЫХ СИЛ ВОЗМОЖНО ЛИ В ЭТИХ УСЛОВИЯХ СОХРАНЕНИЕ ТАКОГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, КАК СОВЕТСКИЙ СОЮЗ? ВИДИМО, ВОЗМОЖНО. ОДНАКО ДЛЯ ЭТОГО ГОСУДАРСТВУ ПРИДЕТСЯ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ДЕМАГОГИИ И НАСИЛИЯ, ЭТИХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СОХРАНЕНИЯ ИМПЕРИИ, И ИСКАТЬ РЕШЕНИЯ В ИНОМ: В РАВНОПРАВИИ НАРОДОВ, УЧЕТЕ СПЕЦИФИКИ И ОСОБЫХ ИНТЕРЕСОВ КАЖДОЙ РЕСПУБЛИКИ, ВО ВЗАИМНОЙ ВЫГОДЕ.

Нынешнее состояние советской идеологии можно определить одним словом: хаос. Общественный строй – гуманный, демократический социализм; система хозяйствования – планово-рыночная экономика; государственная структура – сильные республики, сильный центр.

Трудно сказать, на кого рассчитано это варево. Думаю, сами создатели новой идеологии понимают, что для практических целей она не пригодна. Поэтому пропаганда, наряду с официальной версией, предлагает публике иную – не столь "научную", зато имеющую хоть какое-то отношение к реальному миру.

Собственно, так было всегда. Кроме высокой марксистской науки (базис... надстройка... диалектический материализм... материалистическая диалектика...), которую вколачивали в единый для всей страны день политучебы (кажется, это был вторник), существовала еще пропаганда на *каждый день*. Здесь все было доступнее, проще, нагляднее. Пропаганда строилась на *противопоставлении*, на бесконечных рядах антонимов. У них – кризисы, безработица, нищета, национальная рознь. У нас – планомерное развитие производства, полная занятость, рост благосостояния, дружба народов.

С некоторых пор направленность изменилась. Теперь нас убеждают – деликатно и ненавязчиво, – что все обстоит *наоборот*. Что мир един, что люди и там, и здесь сталкиваются, в общем, с теми же проблемами и решают (или не решают) их одинаково. Мы признаем частную собственность, они – плановое начало; они пытаются ограничить безработицу, мы ее допускаем – хотя и в ограниченных пределах; и они, и мы стоим перед угрозой экологической катастрофы, ищем выход из "квадратуры" атомных станций, стремимся совместить центробежные силы национализма, раздирающие государство, с центростремительными силами экономической интеграции.

Таким образом, налицо вполне четкая идеологическая установка – не на противопоставление, а на *единство*, совпадение, сближение. Нам говорят: если к этому единству (концу истории?) человечество еще и не пришло, то оно к нему стремительно идет – хоть и с разных концов.

Платформа не только новая, но и весьма серьезная. Настолько серьезная, что если в советском идеологическом хаосе можно выделить *определяющую* тенденцию, то вот она, перед нами. Зачем менять систему, которая в конечном счете похожа на другую, вполне себя оправдавшую? Надо лишь позволить ей эволюционировать, двинуться по тому пути, который она свободно выбрала.

Самое удивительное, что в новой идеологической платформе немало такого, что делает ее похожей на правду. Именно поэтому человек, достаточно долго

проживший на Западе, не может от нее отмахнуться, как отмахивается советский гражданин, который в совершенстве владеет приемом познания мира по принципу "от обратного". Коль скоро советская пропаганда уверяет, что это черное, то ясно, что в действительности оно ослепительно белое. Как первый, только что выпавший снег.

Увы, все обстоит не так просто. Не станем объяснять то, о чем грамотный человек догадывается. Что в самой богатой стране есть очень бедные люди; что безработица — совсем не благо, даже если пособие по безработице выше советской зарплаты; что в мире немало государств со свободной рыночной экономикой, где уровень жизни ниже, чем в СССР; что западный бюрократ немногим симпатичнее своего советского коллеги.

Еще сложнее логика (если это логика) национальных отношений. Объединенная Европа — и бесконечная война в Северной Ирландии, баски-сепаратисты, корсиканцы, требующие отделения от Франции, национальные трения в Канаде, Бельгии, итальянском Тироле. Последней точкой в длинном ряду конфликтов такого рода стала для меня история маленького двухостровного государства, несколько лет назад получившего независимость. Через год или два после этого радостного события жители меньшего из малых островов подняли восстание, связали десяток полицейских, олицетворяющих на острове "чужеземную" власть, объявили себя самостоятельными и потребовали, чтобы ООН признала микроостров отдельным государством.

1. Исторические процессы трудно привязать к датам. Несомненно, однако, что где-то в начале нашего столетия произошел перелом. Если в прошлом веке казалось, что государственные границы стираются, что человек становится космополитом, представителем всего человечества, то "настоящий, не календарный" XX век определил совсем иные тенденции. Рубежом принято считать Первую мировую войну. Но ведь и сама война, и проявившееся в ходе войны ожесточение возникли не вдруг и не на пустом месте.

И все последующие события вряд ли можно рассматривать исключительно сквозь призму этой злосчастной войны. Оба основных конфликта нашей эпохи — классовый и национальный — не сводятся к типовым рамкам объективных условий. Разруха, голод, унижение побежденных, конечно, сыграли свою роль. Но одним этим всего не объяснишь. Кроме внешних обстоятельств, существовали, очевидно, и внутренние — какие-то психологические предпосылки, которые способствовали формированию людей в группы, делению на *своих* и *чужих*. И если, например, для викторианской Англии главной ячейкой "своего" мира была семья — общность малая, замкнутая на себе, то в XX столетии семью сменили класс и нация — общности большие и несравненно более агрессивные, для которых "чужие" — это не просто *не свои*, но уже *враждебные*. Именно *ненависть к чужим* и составляет общую базу таких (во многом различных) движений, как коммунизм и национал-социализм.

Для анализа было бы удобно, если бы последующие события (в частности, Вторая мировая война) ясно обозначили судьбу каждой из этих идей. Но чего нет, того нет. Похоже, правда, что девиз "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" утратил практическое значение. Рабочие и сами не идентифицируют себя с пролетариатом, и, что еще важнее, не идентифицируют остальную часть человечества с другими, враждебными классами.

С националистической идеей дело обстоит много сложнее. Исход Второй мировой войны можно было при желании рассматривать как крушение всего лишь *одной* модели националистической идеологии и даже еще конкретнее — как поражение германского нацизма. Такая интерпретация позволяла верить, что *иные* модели — китайская, арабская или русская — никак не скомпрометированы и имеют шансы на

успех. Вопрос, следовательно, свелся к тому, сложатся ли в конкретном обществе условия, способствующие развитию националистических идей, делению его не только на своих, но и на чужих.

Последнее уточнение существенно. Признаем, что тенденция идентифицировать себя по национальному признаку стала в XX веке определяющей. Можно этому удивляться, можно печалиться, но факт остается фактом: люди ощущают свою общность в рамках не семьи, класса или человечества, но главным образом — *нации*.

Причины этого явления многообразны. Среди них и ослабление традиционных родственных связей, и ломка классовых границ, и боязнь остаться одному в огромном, постоянно усложняющемся мире, и стремление сохранить свою "особливость" (хотя бы на уровне нации) в эпоху, когда все различия стираются, и неосознанная надежда на бессмертие — опять-таки в облике или при посредстве нации...

Тенденцию эту нужно принимать, очевидно, как *данность*. Тем более, что в делении людей на *одних* и *других*, вообще говоря, нет ничего худого. Худое начинается с противопоставления, с превращения других в *чужие* и *враждебные*. Испанское правительство предоставило баскам широкую автономию. Настолько широко, что сами баски — в подавляющем большинстве — сочли ее достаточной. Однако меньшинство продолжает борьбу, используя (что для меньшинства закономерно) террор. Сепаратисты добиваются создания независимой Страны Басков. Зачем? Откинув риторику, личные амбиции и прочее, получим национализм в чистом виде. Они не хотят жить в одном государстве с чужим и "враждебным" народом, испанцами.

Примеров такого рода *отталкивания* более чем достаточно. И не только в "темной" Африке, но и на просвещенном Западе. Католики Северной Ирландии не хотят жить в протестантской Англии; французы — в английской Канаде; корсиканцы — во Франции; даже между фламандцами и валлонами в двуязычной Бельгии порой возникают трения: каждая нация ощущает себя живущей в государстве "чужо-го народа".

Параллельно, однако, совершается другой процесс — *сближение* государств, стирание границ, формирование объединенной Европы. Естественно, что процесс этот связан с ограничением суверенитета, то есть с известным ущемлением национального самолюбия и размытием национальной монолитности. Пройдет немного лет, и француз или итальянец будут иметь в Германии те же права на работу, покупку земли и т.п., что и немец. Иначе говоря, теоретически вполне возможен вариант, когда в том или ином районе коренные жители страны окажутся в меньшинстве. Подобная перспектива никого не радует.

И если (пусть медленно, пусть со скрипом) этот процесс идет, значит тому должны быть очень серьезные причины. Первая — его *добровольный* характер. Процесс объединения Европы начался не раньше, чем закончился процесс утверждения национального суверенитета. Каждая из стран, вошедших в Европейское сообщество, именно потому и согласилась поступиться некоторыми элементами своего суверенитета, что никто ее к этому не принуждал, что делалось это вполне добровольно. Иными словами, процесс объединения никак не затрагивал *национальных чувств* подавляющего большинства населения.

Ясно, однако, что одного лишь отсутствия отрицательных эмоций было бы недостаточно. Для объединения было необходимо, чтобы в обществе возникли центро-стремительные силы — как минимум не менее мощные, чем центробежные. Источник этих сил очевиден: *экономические интересы, выгода*. Вскоре после войны государства Западной Европы (и побежденные, и победители) обнаружили, что их шансы преодолеть экономические трудности в одиночку (и даже просто выжить) крайне малы, что единственная их надежда — экономическая интеграция, *объединение*. Мы знаем, что путь к Общему рынку не был легким. Но уже с самого начала объединение оказалось настолько эффективным, что даже государствам, где тра-

диции изоляционизма были сильны (пример — Англия), пришлось признать, что иного выхода нет.

2. Сейчас, когда Советский Союз раздирают национальные конфликты, можно искать их истоки в прошлом. Одни ищут ошибку в самом проекте создания Союза, другие утверждают, что изначально все было правильно, но Сталин, обураваемый имперскими амбициями, исказил ленинскую идею союза свободных республик и создал нечто совсем иное — централизованное государство по типу Российской империи, лишь слегка закамouflированное под федерацию.

Спор этот представляется не очень существенным. Ясно, что Ленин был осторожнее и "деликатнее" своего преемника: как представитель господствующей нации он лучше понимал чувства малых народов и проявлял готовность с ними считаться — хотя бы в известных пределах. Столь же ясно, однако, что он (как и Сталин) считал эти чувства *атавизмом*, чем-то таким, что постепенно отомрет, атрофируется, растворится в идеях несравненно более мощных: классовой борьбе, мировой революции, переходе к коммунизму.

А коль скоро это так, не столь уж важно в конечном счете, в состав какой республики, Армении или Азербайджана, войдут Нагорный Карабах и Нахичеванская АССР, будут ли три закавказских народа существовать отдельно или объединятся в федерацию, где пролягут границы между Узбекистаном и Таджикистаном. Неизмеримо важнее другие границы — между бедными и богатыми, пролетариатом и крестьянством. Как писал один из руководящих деятелей той эпохи: "Были бы солнце и Советская власть!"

Сталина подобные тонкости вообще не интересовали. Для него национальные чувства были инструментом политики — одним из тех инструментов, с помощью которых он манипулировал населением. Однако и его преемники не видели здесь проблемы. Легкость, с которой Хрущев "подарил" Украине Крым, — лишь наиболее известный, но далеко не единственный пример такого рода беспечности. Лозунг нерушимой дружбы народов повторялся так часто, что, похоже, сами вожди в него поверили. Недели, декады, месячники дружбы... демонстрации, плакаты, поэмы, стихи... новая историческая общность — советский народ... все больше людей считает родным языком русский... А что противостоит этой тенденции? В общем, ничего, разве что кучка националистов где-нибудь в Грузии или на Украине.

Началом конца дружбы народов принято считать события в Казахстане — самой, пожалуй, денационализированной из республик. Полагаю, Горбачев искренне удивился. Замена одного руководителя другим была делом рутинным. Какая этим казахам разница, кого назначат первым секретарем ЦК республики: казаха или русского?

Разница в самом деле невелика. Исследователи, пытающиеся рассматривать национальные проблемы СССР в *привычных категориях* империи, господствующей нации, угнетателей и угнетенных, оказываются в трудном положении. Советский Союз имеет мало общего с традиционной империей: не только с британской или французской, но и с дореволюционной российской. И это понятно. Всякая империя (по крайней мере с момента появления наций) строилась по *национальному* признаку: метрополия эксплуатировала колонии в интересах господствующей нации.

Обнаружить в СССР следы такой — национальной — эксплуатации едва ли возможно. Разумеется, каждая республика может предъявить "центру" уйму претензий — длинный перечень действий, которые нанесли ей ущерб. Монокультура хлопка в Средней Азии. Строительство вредных химических предприятий в Армении. Создание агропромышленных комплексов в Молдавии. Хищническая эксплуатация нефтяных месторождений в Азербайджане. Неумеренный вывоз продуктов питания из Прибалтики. Все так. Однако нет ни малейших свидетельств того, что эти дей-

ствия совершались в интересах "господствующей нации", русского народа, и привели к его обогащению за счет других, "угнетенных" наций.

Более того, можно привести и сколько угодно противоположных примеров. Использование средств Российской Федерации для развития других республик, искусственно заниженные цены на сырье (добываемое преимущественно в РСФСР), строительство самых современных предприятий не в центре, а на окраинах и т.д. Да и уровень жизни населения "метрополии" мало отличается от "колониально-го". Правда, в РСФСР он несколько выше, чем в Туркмении или Узбекистане, но ниже, чем в Литве, Латвии или Эстонии. И если местный "национализм" жестоко преследовался, то столь же жестоко искоренялось и русское национальное самосознание.

Похоже, что мы совершаем достаточно *типичную* при анализе советской системы ошибку, пытаясь втиснуть *новое* явление в *старые* схемы. Если Советский Союз можно назвать империей, то это империя, построенная по другому принципу – не национальному. Какому? Условно говоря, *по классовому*. Понятно, что попытки рассматривать советскую империю как империю российскую (или какую-нибудь иную) бесплодны, ибо не проясняют, а затуманивают истинную *сущность явления*.

На Западе, к примеру, широко распространена теория, согласно которой советский империализм прямо выводится из империализма российского. Доводы? Дореволюционная Россия, начиная то ли с Ивана Грозного, то ли с Ивана Калиты, проводила политику захватов, присоединяя к своей территории соседние земли. Ту же политику проводил, как известно, Советский Союз. Значит... А ведь это ровно ничего не значит. Потому что внешнее сходство мало что доказывает. Важны не сами действия, важны *мотивы*, по которым эти действия совершаются.

Столь же наивны отечественные теории, объясняющие все национальной принадлежностью очередного хозяина страны. Можно допустить (да и то с изрядной натяжкой), что в каких-то частностях у того или иного вождя существовали национальные предпочтения. Однако в принципиальных вопросах они были едины: интересы империи, интересы строя были для них неизмеримо выше национальных симпатий и антипатий.

Русский Ленин искоренял все русское (церковь, памятники, обычаи) никак не менее беспощадно, чем грузин Сталин или еврей Троцкий. Искоренял не потому, что к его русской крови была примешана еще какая-то кровь, а потому, что русское национальное сознание в первые послереволюционные годы было особенно сильным и, следовательно, представляло наибольшую опасность для новой империи. Сталин в двадцатые годы продолжал ту же политику. И изменил ее в тридцатые–сороковые вовсе не потому, что внезапно возлюбил русский народ. Изменилась *ситуация* с годами русские национальные чувства не только утратили свою антиимперскую направленность, но стали фактором, который можно было использовать для укрепления строя.

Вообще без понимания того, что у Советской империи всегда существовали *свои* интересы, отличные от интересов любой нации, входящей в состав Союза, разговор по национальному вопросу теряет смысл. Уже в первые послереволюционные годы большевики обнаружили, что основные идеи марксизма непродуктивны и не пользуются поддержкой подавляющей массы населения. С этого момента их главной целью стало удержание власти. Решению главной задачи было подчинено все: коллективизация, индустриализация, создание мощной военной промышленности, расширение империи, распространение ее влияния на любые районы, которые оказывались в поле ее досягаемости. Идея "мировой революции", "последнего решающего боя" никогда не предавалась забвению. Напротив, с годами, по мере того, как строй все полнее демонстрировал свою ущербность, идея обретала все большую актуальность. Только победа в мировом масштабе могла обеспечить устойчивость системы на вечные времена. Смешно думать, что хоть кто-то из вождей мог забыть об этом. Расхождение между Сталиным и Троцким было сугубо

тактическим. Речь шла о методах. "Кавалерийской атаке" на капитализм Сталин предпочел медленную и хорошо подготовленную осаду – постепенное усиление позиций перед решающим боем.

Ни одна империя – ни британская, ни российская, ни даже римская – таких *глобальных* задач перед собой не ставила. И не могла ставить. Во-первых, потому, что в этом не было необходимости. Во-вторых, национальный "ресурс" любой национальной империи ограничен численностью господствующей нации. Людской потенциал советской империи был неисчерпаем, ибо ее господствующий класс формировался совсем по иному признаку, а ее идеологией был интернационализм. Космополитизм не случайно был ей враждебен. Ей нужны были не "граждане мира", а сообщники, люди любой национальности, готовые стать под знамена социальной империи, чтобы утверждать эту систему отношений во всем мире.

Решению этой сверхзадачи была подчинена вся политика империи – и внешняя, и внутренняя. Тот же Нагорный Карабах был отдан Азербайджану просто потому, что этого желала Турция. А Турция считалась потенциальным резервом мировой революции, воротами, которые могли открыть революции путь на Восток.

И все эти споры 20-х годов – о федерации, конфедерации, правах республик – носили отвлекающий характер. Уже тогда было очевидно, что победит схема государственного устройства, наилучшим образом отвечающая *сверхзадаче* – усилению власти господствующего класса и распространению ее на весь остальной мир. Союз свободных республик для этой цели не годился. Поэтому и так называемый Союзный договор, и статьи 3 и 4 Конституции 1924 года, декларирующие суверенитет республик и право их выхода из СССР, были *фикцией*. Но фикцией, существенно важной для *фасада* того мифического государства, которое стремились изобразить в Кремле. Поэтому чем жестче проводилась политика централизации, тем больше внимания уделялось отделке фасада. Патока лилась рекой. Недели дружбы, декады дружбы, месячники дружбы. Впечатляющие цифры успехов каждой республики: рост производства... число кандидатов и докторов... расцвет науки и культуры...

В этом красочном театральном действе трудно было отличить действительное от мнимого. Да это и не имело значения. Кандидатами химических наук становились люди, не знавшие формулы серной кислоты; хирургами – не умеющие держать скальпель; целые национальные литературы создавались трудами переводчиков. Вряд ли все это делалось сознательно, с ясным намерением лишить народы окраин собственной интеллигенции и тем теснее привязать их к центру. Видимо, о дальних последствиях такой политики никто не думал. Важно было сейчас, как можно скорее, украсить фасад. Советскую империю строили временщики – люди, которые кожей ощущали призрачность этого мира: непрочность и собственного положения, и всей конструкции. Они чувствовали, что все это скоро кончится – то ли мировой войной, то ли всемирным потопом. Какие уж тут последствия...

Теперь, когда выяснилось, что "последний и решительный" невозможен, пришло время подводить итоги. Мало того, что они печальны, главное, что каждой республике они навязаны *извне*. Невозможно представить, чтобы сами узбеки решили травить себя монокультурой хлопка, сами украинцы – строить под Киевом смертельно опасную Чернобыльскую АЭС, сами армяне – уничтожить национальную святыню Севан, сами литовцы, латыши, эстонцы – провести коллективизацию. Но если не они, то кто? Ссылка на центр ничего не дает. Если все это делал центр, то в чьих интересах? Должно быть, в интересах русских, нации-колонизатора.

Однако русские тоже с полным основанием могут утверждать, что и собственно Россия, и русские как нация от этого ничего не выиграли и пострадали никак не меньше других. Россия может перечислить свои Севаны, свои монокультуры, свои (путь потенциальные) Чернобыли. Эти нелепые, бессмысленные, чудовищные решения русские тоже принимали не сами. У них даже ведь и собственной власти не

было: ни партии, ни комсомола, ни Академии наук. Значит, люди, сидевшие на самом верху (а там были и грузины, и евреи, и узбеки, и латыши, и азербайджанцы), действовали в интересах кого-то другого. То ли евреев, то ли грузин, то ли латышей.

3. Ни одна из республик (включая Россию) не вошла в Союз добровольно. Они были включены в единое государство *силой*. Многие к тому времени не имели или давно утратили опыт собственной государственности. Из "тюрьмы народов" *старого типа* их перевели в *новую*. В этой новой тюрьме им ежедневно читали лекции о суверенитете, о дружбе народов, расцвете нации. На деле же они не пользовались даже элементарной самостоятельностью – свободой принимать решения хотя бы по частным вопросам и отвечать за последствия собственных действий. Решения же, которые им навязывали, почти всегда были губительны. Странная двойственность их положения должна была породить у людей сложный психологический набор: стремление к независимости и комплекс неполноценности, ненависть к "чужим" и глухое, неосознанное раздражение против всего на свете, склонность к мгновенной, взрывной реакции и поразительную политическую инфантильность. *Результирующей* этого конгломерата чувств и явились те мощнейшие *центробежные силы*, которые сегодня раздирают не только страну, но и каждую республику, родственные и исторически (или религиозно) близкие народы, вызывая конфликты, по видимости бессмысленные: узбеков и турок-месхетинцев, таджиков и армян, грузин и абхазцев, казахов и "кавказцев".

В нормальном государстве (пусть даже империи) центробежным силам противостоят *центростремительные*, противостоит *польза*, которую приносит его провинциям жизнь под одной крышей. Эти выгоды ощущают не только "угнетатели", но и "угнетенные". Не случайно Британская империя не распалась, а трансформировалась в Британское содружество наций.

Советский Союз – система *особого* рода. В свое время Анатолий Аграновский, журналист и исследователь, предлагал коллегам любопытный вопрос: возможен ли торговый обмен, который для всех партнеров убыточен? Поколебавшись, коллеги ответили, что нет, кому-то он все-таки выгоден. И – ошиблись: убедительно, с цифрами и фактами, Аграновский доказал, что именно так обстоит дело в СЭВ, Совете экономической взаимопомощи. На этой "взаимопомощи" теряют все: и сельскохозяйственная Болгария, и промышленная Чехословакия, и индустриально-аграрный Советский Союз.

Внутри самой страны эта парадоксальная закономерность проявляется еще отчетливее. В конце прошлого года газета "Аргументы и факты" опубликовала беседу с одним из руководителей Госкомитета по статистике, озаглавленную "Сколько стоит самостоятельность?" Из приведенной там таблицы следует, что при расчете по внутренним ценам положительное сальдо в торговом обмене имеют всего две республики (Белоруссия и Азербайджан), а в мировых ценах – и вовсе одна, РСФСР.

Комментарий к беседе убеждает, что эти устрашающие цифры не надо понимать буквально. Цифровая казуистика, произвольные цены, условность расчетов – все это искажает истинную картину. Но пороки *статистики* тут не главное. Гораздо существеннее пороки *системы*. Республики производят не то, что им выгодно, не тем способом, каким следовало бы, используя не ту технику, технологию, материалы, которые приняты в цивилизованном мире. Все это им *навязывают*. О какой же экономической эффективности можно говорить в таких условиях? Сизиф работал не покладая рук, и не его вина, что результат его усилий был равен нулю.

Не станем гадать, в какой степени стремление республик Прибалтики, Грузии или Азербайджана к независимости продиктовано собственно национальными чувствами, а в какой – "комплексом Сизифа", полной безнадежностью попыток вы-

рваться из экономического тупика, в который завела страну социалистическая система хозяйствования. Вспомним, что конфликт республик Прибалтики с центральной властью начался именно с *экономики*. Попытки узаконить частную собственность, ввести свою валюту, поставить расположенные на территории республики предприятия под контроль местных властей вызвали резко отрицательную реакцию центра. Декларируя приверженность "новым методам хозяйствования", высшие власти не желали выводить страну из социалистического тупика. В конце концов в Прибалтике поняли: путь к изменению экономики, к нормальным условиям жизни лежит через обретение собственной государственности.

Конечно, трудности на этом пути огромны. Противодействие могучей метрополии — лишь одна из них. Любая советская республика на протяжении десятков лет была изолирована от мирового рынка, от современной науки, техники, технологии, организации труда и производства. Она не просто застыла в своем развитии, как Рип Ван Винкль, но *деградировала*. Атрофировались за ненадобностью инициатива, предприимчивость и добросовестность, были во многом утрачены стимулы деятельности. К этим *субъективным* факторам надо добавить *объективные* разрыв экономических связей с прежними поставщиками и потребителями, тяжелое экологическое наследие, одностороннее развитие, ориентированное на нужды метрополии, устаревшее оборудование и проч.

Короче, республике, отделившейся от Союза, предстоит начинать не просто с нуля, а с величины *отрицательной*. Это справедливо даже для Литвы, Латвии, Эстонии, имевшим в недавнем прошлом опыт собственной государственности и уже по одному этому менее подверженным разлагающему воздействию советской системы хозяйствования. Что же говорить о Грузии и Азербайджане, которым предстоит учиться буквально всему: национальной, политической и религиозной терпимости, умению работать, своеобразной селекции — отделению настоящих специалистов от "образованщины", искоренению коррупции, принявшей характер национального бедствия, от той практики "подбора кадров" по признаку землячества, что сильно смахивает на трайбализм.

Итак, доводов *против* отделения более чем достаточно. Доводов же в пользу подобного решения всего *два*. Первый исходит из такой тонкой, но бесконечно ценной материи, как национальное самосознание. С республиками Прибалтики все ясно. Каждому объективному наблюдателю очевидно, что подавляющее большинство их жителей (и, что особенно важно, коренного населения) предпочитает жить отдельно, в своем государстве. Сейчас не так существенно, что тому причиной: оккупация этих республик в сороковом году или полувековой опыт пребывания в составе метрополии. Важно, что такова *воля народа*, выраженная четко, спокойно и трезво. Можно не сомневаться, что эмоций в этом решении тоже хватает. Однако определяющим фактором остается разум. Прибалтика вовсе не собирается рвать связи со страной, причинившей ей много зла. Напротив, она хотела бы сохранить прежние связи, готова к уступкам и компромиссам. При одном лишь условии: это должны быть связи и отношения между самостоятельными государствами.

Настроения народов других республик — Грузии, Азербайджана, Молдавии — не так отчетливы, во всяком случае, выражены они менее прямо и определенно. Пока что эмоции тут перехлестывают через край, и трудно понять, кто сегодня говорит от имени этих народов: их законные представители или экстремисты, присвоившие себе это право. Но что отсюда следует? Только то, что этим народам (как и всем другим) должна быть предоставлена возможность решить вопрос о пребывании в составе Союза спокойно и цивилизованно. До сих пор, увы, на это не похоже. И разгон мирной демонстрации в Тбилиси, и явное потакание экстремистам в Азербайджане — явления одного порядка. Центральные власти *маневрируют*. В одном случае они пытались запугать население; в другом — убажить фанатиков, отдав им на растерзание другой народ.

Можно не сомневаться, что в арсенале властей есть и иные средства "воздействия" (некоторые уже испробованы: стравливание наций, экономическая блокада, территориальный шантаж). Вопрос в том, насколько *эффективны* эти средства. Опыт показывает, многовековой опыт, что эффект воздействия бывает обычно обратным. Остановить стремление к национальной независимости не удастся, зато в глазах мира страна-колонизатор вновь обретает тот облик, от которого советскому руководству очень хотелось бы избавиться.

Второй довод в пользу отделения носит как раз сугубо материальный, почти меркантильный характер. Легко предвидеть, что первым шагом отделившегося государства станет изменение общественного строя — переход к нормальной рыночной экономике. А эта экономика (то ли вопреки советской пропаганде, то ли именно благодаря ей) в сознании миллионов людей ассоциируется с изобилием товаров, высоким уровнем и качеством жизни, свободой и благополучием. Вероятно, массовое сознание в какой-то мере идеализирует рыночную экономику, полагая, что переход к ней позволит решить все и всяческие проблемы. Специалисты (а они есть в любой республике) оценивают ситуацию трезвее. Но и они высказываются за независимость в уверенности, что хуже не будет. Ибо хуже — *некуда*.

Вообще-то это утверждение представляется спорным: если "лучше" имеет пределы, то "хуже" — нет. Однако бесспорно другое. Тяготы, которые лягут на плечи отделившейся республики, будут тяготами ее *собственными*, а не навязанными ей извне чужим народом и чужим строем. Этим вроде бы нематериальным фактором не следует пренебрегать. Новейшее тому свидетельство — опыт Польши.

А как оценивают перспективы отделения объективные специалисты на Западе? Эстонии, например, они предсказывают пять "тощих" лет, после чего ожидается, что уровень жизни ее населения превысит нынешний. И это при условии, что он и сейчас выше, чем в большинстве регионов страны.

Избежем соблазна порассуждать об эффективности социалистической системы, о ее поразительном свойстве перемалывать человеческий труд в *ничто*. Подумаем о другом. Почему даже лучшие из советских руководителей не пытались изменить систему хотя бы до такой степени, чтобы пребывание народа в составе империи было ему *выгоднее* (пусть только экономически), чем вне ее?

Ответ на этот вопрос неизбежно приводит нас к анализу основ системы. Система *противоестественна*. Это ее изначальное свойство с особой отчетливостью проявляется в двух моментах: в полнейшем *игнорировании человеческой природы* и в глубочайшем *безразличии к реальности*. Там, где любая нормальная система стремится достичь нужных ей результатов, используя такие свойства человека и людского сообщества, как выгода, личный (или групповой) интерес, социализм действует силой, навязывая человеку модель поведения, противоречащую его природе и интересам, но отвечающую неким *догмам*, возведенным в ранг высшей истины. При таком подходе важна уже не реальность, а ее отображение. Чем больше этот мираж соответствует догме, тем правильнее и лучше действительность.

Советская модель буквально наспигована примерами подобного рода. Навязав руководителям Узбекистана нереальный план и повышенные обязательства, от них требовали еще и перекрыть эти фантастические цифры. Чем, хлопком? Конечно, нет. Хлопок тут дело десятое, *одни* цифры надлежало перекрыть *другими*, еще более высокими. Не надо думать, что это просто игра. За коловращением цифр стоит *символика* успехи социалистического соревнования, дальнейший подъем экономики, очередное торжество ленинской национальной политики. И бездействующий канал "Волго-Дон-2", стоимостью в 137 миллионов, и убыточный БАМ, на который угробили миллиарды, в *высшем смысле полезны*, ибо служат утверждению догм: народной стройки, трудового энтузиазма, неисчерпаемых возможностей социализма.

В этих условиях было бы противоестественно, если бы отношения центра с республиками строились на основе общего интереса, взаимной выгоды. Тут тоже

все было подчинено несравненно более высоким принципам: дружбы народов, братской взаимопомощи, интернационального долга. В строительстве БАМа должны были непременно участвовать все республики, в пострадавшую от землетрясения Армению оборудование и материалы везли самолетами даже с Сахалина — неважно, что за день до того все это было доставлено на Сахалин (разумеется, тоже самолетом) из не самой близкой к нему Грузии.

4. Нам, современникам, нелегко ощутить *извилистую* логику перестройки. И все-таки похоже, что эта логика существует. Главная *идея* перестройки, видимо, в том, чтобы от призрачного, полностью мифологизированного мира перейти к реальному, существующему не в трудах классиков или в цитатах основоположника, а в действительности.

Этот переход, при всей его двойственности и непоследовательности, уже принес нам множество *открытий* в самых разных областях жизни — в том числе в национальном вопросе. Казалось бы, при этом можно было ожидать от руководства понимания некоторых простых истин. Например, той, что бесчисленные узлы национальных проблем, завязанные советской властью за семьдесят с лишним лет ее существования, пора *развязывать*. И если торопливость в таком деликатном деле опасна, то промедление — подобно смерти.

Я не собираюсь сейчас анализировать конкретные "узлы" и предлагать рецепты — национальные проблемы чужими советами не решаются. Но безусловно не способствуют их решению потоки общих слов, лозунгов и заклинаний. А тем более насилие. Между тем создается впечатление, что именно два этих средства — *демагогия* и *насилие* — до сих пор остаются главными аргументами советского руководства.

Вряд ли имеет смысл ревизовать прошлое. Пора просто признать, что "сплочение" народов в нерушимый союз осуществлялось преимущественно силой, с непременным участием Красной Армии. Едва ли не каждая республика — Украина, Грузия, Армения, Азербайджан — вправе заявить, что в Союз ее загнали, разрушив только начавшую складываться государственность. Сейчас, однако, разумнее говорить не об этом, а о принципах, на которых должно строиться современное многонациональное государство. Некоторые из этих принципов изложены в проекте Конституции, разработанном академиком Сахаровым. Повторять их нет надобности. Не только потому, что проект опубликован, но и потому, что сами эти принципы давно стали общепринятыми в отношениях между нациями в цивилизованном государстве.

Конечно, переход от империи к союзу республик требует времени и терпения, готовности к жертвам и компромиссам. И тем не менее общее направление пути очевидно. Прежде всего необходимо, чтобы каждая республика ощутила себя *суверенным* государством, которое само вправе решать, остаться ли ему в составе Союза или выйти из него на взаимоприемлемых условиях. Это решение, в свою очередь, будет зависеть от того, что *ждет* республику, пожелавшую остаться в составе единого государства.

С некоторых пор принято искать решение всех проблем в юридических актах, в данном случае — в грядущем Союзном договоре. Известно, что сталинская конституция выглядела едва ли не самой демократической в мире, а право республик на свободный выход из СССР было зафиксировано и в первом Союзном договоре, и в Конституции 1924 года. Не менее хорошо известно, чем кончалась любая попытка воспринимать это право всерьез...

Неудивительно, что республики склонны оценивать свои перспективы не столько по будущим законодательным актам, сколько по нынешнему состоянию дел. А состояние это плачевно. И в Алма-Ате, и в Нагорном Карабахе, и во всех других горячих точках центральные власти продемонстрировали свою фатальную неспособ-

ность решать проблемы иначе как силой, свое неумение (и нежелание) считаться с чувствами народов. Даже в Прибалтике, где конфликтов, в сущности, не было и все сводилось вначале лишь к изменению системы хозяйствования, руководство страны проявило прямо-таки ослиное упрямство: оно никак не могло допустить, чтобы местные власти провели ту самую перестройку, которую столько лет декларирует Горбачев.

История не знает сослагательного наклонения. И все-таки я рискну предположить, что обстановка в Эстонии, Литве и Латвии была бы иной, если бы кремлевские вожди дали себе труд хотя бы вникнуть в ситуацию, созданную в Прибалтике их собственными стараниями. Унифицированной (одной на всех) системой руководства. Планированием всего и вся из Москвы. Избытком денег в обращении, сводящим на нет все усилия упорядочить хозяйство. Заселением Прибалтики людьми других национальностей, грозящим коренному населению демографической катастрофой.

Ни одну из этих проблем центральные власти даже не пытались решить. Вся их деятельность сводилась к запретам, угрозам, демагогии. Прибалтам объясняли, что частная собственность недопустима, ибо порождает эксплуатацию, а введение собственных денег противоречит мировой практике — как будто во всем остальном советская экономика неукоснительно следовала этой практике.

В конце концов население Прибалтики поняло, что добиться перемен в рамках Союза не удастся, что единственный путь — отделение. То, что за этим последовало — экономическая блокада, демонстрация силы, вмешательство военных во внутреннюю жизнь и партийные споры, — еще раз доказало (и самим прибалтам, и другим народам), что Литва, Латвия и Эстония оценили ситуацию *правильно*. А если после этой конвульсивно-лихорадочной деятельности у кого-то еще сохранились сомнения, то Москва поспешила их развеять. Принятый в начале апреля "Закон о порядке решения споров, связанных с выходом союзной республики из СССР" замечателен не только сам по себе, но и как свидетельство *общих тенденций в национальном вопросе*.

5. Первое, что привлекает внимание в этом документе, — его основная посылка. Законодатель явно исходит из того, что нынешняя ситуация *сохранится*. Иными словами, республика всегда будет *заинтересована* в выходе из Союза, а задача Союза (то есть центра) всегда будет состоять в том, чтобы всеми правдами и неправдами ее *удержать*. Эта общая направленность выражена настолько явно, что читать этот документ неприятно и просто стыдно. Неужто руководители великой страны сами убеждены, что союз народов в рамках этого государства не содержит в себе ничего *привлекательного* и единственный шанс удержать их в составе СССР — бесчисленные рогатки на пути выхода? Если так, у страны нет перспективы.

Описывать подробно конструкцию юридических *рогаток*, расставленных новым законом, долго и скучно. Референдум. Повторный референдум. Решение о выходе, почему-то требующее двух третей голосов. Отдельное голосование по каждой национальной автономии и каждой "компактно проживающей национальной группе". Урегулирование бесчисленных претензий государства к выходящей республике, связанных с общесоюзной собственностью, финансово-кредитными расчетами, прежними договорными обязательствами, территориями, переселением граждан...

Все это еще как-то можно было понять, если бы аналогичная процедура предшествовала *вхождению* республик в Союз. Но ничего похожего не было. Ни референдумов, ни двух третей, ни взаимных расчетов. Войска одного государства просто оккупировали территорию остальных, — с этого момента все вопросы считались решенными. В этом смысле история Литвы, Латвии и Эстонии отличается от прочих (скажем, от украинской или грузинской) лишь большей *наглядностью*. По

существо же ни одна из республик не вошла в Союз добровольно, с соблюдением хотя бы элементарной юридической процедуры.

Но допустим на минуточку, что Союзный договор 1924 года был документом правовым. На каких же условиях республики входили в СССР? "За каждой из союзных республик, — гласит ст. 4 Конституции, — сохраняется право свободного выхода из Союза". Как видим, ничего похожего на требование квалифицированного большинства, пятилетнего переходного периода и прочей казуистики в Конституции нет. Может быть, новый закон лишь конкретизирует эту норму права? Однако "уточнения" настолько существенны, что *меняют* условия договора. Следовательно, их принятие требует согласия *всех* республик. Между тем ни о чем подобном мы не слышали. Получается, что республики согласились (если даже согласились!) войти в Союз на *одних условиях выхода*, а явочным порядком им навязали *другие*.

В том, что дело обстоит именно так, убеждает самый простой пример. Положим, некий гражданин Эстонии, проснувшись однажды утром в 1940 году, вдруг обнаружил, что стал гражданином иного государства. Положим далее, что это ему не понравилось, и он решил эмигрировать. Было ли ему гарантировано "право выбора гражданства" и "компенсация издержек, связанных с переселением"? А когда такое "переселение" (в тюрьмы, лагеря, ссылку) все-таки состоялось, получил ли он хотя бы компенсацию за эти незаконные действия?

Глупо, конечно, игнорировать факты. Десятилетия пребывания республик в составе единого государства породили взаимные связи, отношения, обязательства, которые нельзя оборвать простым решением о выходе. Все эти вопросы требуют урегулирования в ходе переговоров. Понятно, на основе полного равенства сторон. В данном случае такой подход тем более оправдан, что если Союз "не виноват" в том, что республики пожелали из него *выйти*, то и республика не виновата в том, что в него *попала*. Совсем не так очевидна и ее ответственность за такие акции, как строительство на территории республики военных и космических объектов, получение под это строительство иностранных займов и т.п., ибо все это было ей навязано и далеко не всегда отвечало ее собственным интересам.

Похоже, однако, что авторам нового закона *чужда* сама мысль о *равноправии* бывших провинций, о том, что претензии могут быть не только у Союза к республике, но и у республики к Союзу. Условия выхода подозрительно напоминают условия *капитуляции*: таким языком победитель в войне говорит с побежденным.

Тон этот удивления не вызывает. За семьдесят лет советские руководители настолько привыкли разговаривать со "своими" (да и с чужими) народами языком приказов и уголовного кодекса, что понадобится, видимо, немало времени, прежде чем они осознают сегодняшнюю реальность. И все-таки факт сохранения привычного лексикона не следует недооценивать. И новый закон, и "меры наказания" Литвы, и угрозы Эстонии и Латвии, да и вся политика внутрисоюзных отношений свидетельствуют, что *имперское мышление живо* и умирать не собирается.

А это важно не столько даже для тех республик, которые выходят, сколько для тех, что остаются, и для самого Союза. Ведь если центр намерен и дальше строить свои отношения с народами страны на основе *не взаимной выгоды*, а силы, шантажа, сомнительных комбинаций, то ясно, что напряженность в отношении будет нарастать. И дай Бог, чтобы те, кто определяют политику, осознали опасность раньше, чем грохнет взрыв.

РЕДАКЦИОННЫЙ КВАРТЕТ

Кронид Любарский

Борис Хазанов

Великий Пан умер!

Тезис о том, что коммунизм скончался, стал уже общим местом, а некоторые даже утверждают, что он уже предан земле. Рухнула не только преступная политическая система, прекратила существование целая цивилизация.

Коммунизм действительно породил свою собственную цивилизацию, охватившую практически все народы Земли и просуществовавшую целый век мировой истории. Это филология со всеми ее ответвлениями – ортодоксальным, вульгарным, нео-, евро-, африканским, латиноамериканским и т.д. и т.п. Это литература и живопись, музыка и кино, синтетические искусства... Даже наука испытала на себе сильнейшее влияние коммунистической доктрины (правда, в естественных науках ее атака была отбита гораздо раньше). Целые народы, целые общественные слои восприняли новый, совершенно особый образ видения мира. Можно говорить о коммунистической цивилизации так, как мы говорим, скажем, о цивилизации античной...

И вдруг, подобно Атлантиде, цивилизация сгинула, не оставив следа. Только катаклизм был не геологическим...

Случай, в истории беспримерный. Античная цивилизация ушла, оставив в человечестве корни своей эстетики, которые будут давать побеги вечно. Уходит христианская цивилизация под напором века свободомыслия, но этические семена, посеянные ею, всегда будут прорастать в нас добрым урожаем. И вообще – смерть цивилизаций до сих пор всегда была смертью зерна-Осириса.

Впервые за всю историю человечества цивилизация умерла, оттого что сгнили самые ее корни. Те плоды, что созрели ранее, обречены на разложение, а новых урожаев не будет. Тексты, некогда зажигавшие души, невозможно читать, музыку – слушать, фильмы – смотреть. Выжило лишь то, что цивилизация породила отраженно, как свой антипод. Мир более не виден через магический кристалл коммунизма.

Великий Пан умер. Да нет, и это сравнение хромает. У Пана, помимо козлиного облика, была все же бессмертная флейта.

Вскоре после войны Томас Манн опубликовал свой ответ на призыв вернуться в Германию; в его письме Вальтеру фон Моло была фраза, которая вызвала большой шум. Собственно говоря, писал Манн, книги, изданные в рейхе за годы нацизма, следовало бы сдать скопом в макулатуру, потому что они источают запах крови и позора.

Не только города, но и культура лежала в развалинах, все духовное достояние было загажено, и казалось, что нужно попросту выкинуть его на свалку и начать с нуля.

Нечто подобное – крах целой культуры – происходит в СССР.

Может быть, масштабы крушения еще не вполне осознаны нами.

То, что еще недавно не решались додумать до конца, сказано вслух и даже успело стать банальностью; то, что было предметом мучительных сомнений, вопросом веры или верности, – сейчас вообще не вопрос. Иначе, собственно, и не могло быть, ибо марксистско-ленинская идеология была тотальной; пошатнувшись, она повалилась вся, целиком.

Конечно, этот король разгулировал нагишом и до того, как кто-то ляпнул: король голый! Но в том-то и дело, что обанкротилось не только Учение.

Взгляните, что происходит. Вся система школьного преподавания гуманитарных наук пошла насмарку; все учебники надо спустить в мусоропровод. Огромное множество учреждений закрыть или хотя бы радикально почистить. Библиотеки набиты книгами, которые надо целыми контейнерами вывозить на свалку. Нечего и говорить о жалком положении, в котором оказалась когорта профессоров марксизма-ленинизма, ведь их наука – это теология умершего бога; но и широкие области гуманитарного знания, экономика, историография, психология, философия – все более или менее запачкано, все основано на полуправде. Что делать со всем этим?

И, наконец, литература. За вычетом немногих имен – внутренних эмигрантов, принадлежавших к ней лишь номинально, – вся советская литература оказывается под вопросом. Раскройте самых лучших, самых талантливых. Эта словесность издает трупный запах. Обвал культуры. Вот что это такое.

РЕДАКЦИОННЫЙ КВАРТЕТ

Эйтан Финкельштейн

Рафаил Бахтамов

Все критикуют, ругают, обвиняют.

Коротич воюет с неосталинистами, Шафаревич – с «малым народом», Горбачев – с Литвой, Ельцин – с Горбачевым. Афанасев поднял руку на партию, Арбатов – на армию, Ципко – аж на самого Маркса. И ничего, всем все сходит. Новые времена!

Такие ли новые?

На конференции Демократической платформы в КПСС отставной генерал-майор КГБ Олег Калугин дал, мягко говоря, неприятную оценку деятельности Комитета, в стенах которого проработал 30 лет. Что же он сказал? Что никакой перестройкой в «органах» и не пахнет. Методы, средства, цели – прежние, сталинские. Или брежневские. А если и происходит на Лубянке что-то новое, так это полное разложение: бегство агентов, предательство руководителей, торговля секретной информацией.

Не успел Калугин и рта раскрыть, как грянул президентский указ вкупе с постановлением Совмина. Президент лишил Калугина генеральского звания, Совмин – правительственных наград. Ну совсем как в старые добрые времена, совсем как другого генерал-майора – Петра Григоренко или академика – Андрея Сахарова.

Можно было бы, конечно, покачать головой с укоризною: что же это вы, Михаил Сергеевич, вроде бы и пиджак носить умеете, а ведете себя совсем как дорогой Леонид Ильич. Однако, может быть, и не стоит укорять Президента, может, ему и не по нутру такие указы подписывать, да не сумел в трудную минуту отказать? А может быть, правы те, кто считает, что и всю-то перестроечную музыку славные «органы» затеяли и ею дирижуют? Если так, то все становится на свои места, – ведь дирижеру, как известно, даже первая скрипка подчиняться обязана.

Однако положение первой скрипки уникально; известны случаи, когда во время исполнения с дирижером случался конфуз или несчастье. Тогда его палочку подхватывала первая скрипка, и концерт продолжался. Так не кажется ли вам, Михаил Сергеевич, что наступил момент, когда вырвать дирижерскую палочку из рук Генштаба ЦК КП ГВ совершенно необходимо?

Память автономна. Событиям исторической важности – съездам, пленумам, проектам законов – она предпочитает эпизоды не слишком значительные. Например, дискуссию в «Правде» и опрос общественного мнения, проведенный еженедельником «Семья».

Дискуссию начал корреспондент «Правды» В.Большаков статьей «Париж, зона риска». В статье разоблачались «их нравы»: проституция, «бытовой эротизм», порнографические журналы, сексуальные фильмы... Большакову возразили два сотрудника издательства «Просвещение». Дескать, ничего такого в Париже они не заметили: ни проститутток, ни сексфильмов. Даже журналы типа «Плейбой» выставлены на самых нижних полках витрин, что затрудняет к ним доступ. Корреспондент отмел возражения, уж он-то нравы Парижа знает досконально. А каковы нравы – такова и нравственность.

Так вот, о нравственности. Незадолго до этой дискуссии журнал «Семья» захотел выяснить отношение читателей к жертвам генетики, умственно отсталым детям. Результат оказался ошеломляющим. Из каждых пяти опрошенных четверо решительно высказались за то, чтобы этих детей уничтожать. Редакция привела отрывки из возмущенных писем, большинство их авторов – женщины. В то время, как в стране всего не хватает, этих уродов содержат в роскошных интернатах, их кормят и одевают, на них тратят средства...

Это, конечно, гипербола – какая уж там роскошь: разваливающийся здания, нехватка персонала, голод, лохмотья, грязь. Я видел такие интернаты в иных странах. Одни из них богаче (комнаты отдыха, ковры, диваны, телевизоры, видеомагнитофоны), другие – беднее. Но все здания отвечают своему назначению, персонал терпелив и внимателен, о питании и одежде нечего и говорить.

Тем не менее в западных газетах можно прочесть статьи с требованием уделять больше внимания этим несчастным, перед которыми общество бесконечно виновато. А вот вопросов, кормить ли этих детей или убивать, я никогда в печати не встречал. Ни в одной стране, в том числе и в порочной Франции. Как вы думаете, почему?..

*Алма-Ата, 1986 год
Прибалтика: выбор пути*

КАЗАХСТАН НЕ ЗАБЫЛ

Казахстану принадлежит грустная честь – с него начался ряд народных волнений в союзных республиках, жестоко подавленных властями («Страна и мир», № 1, 1987 г.). Декабрьские демонстрации в Алма-Ате стали своего рода предвестием и прообразом Тбилисских событий в апреле 1989 г. Однако, если расправа в Тбилиси привлекла внимание всей страны, если имена жертв не канули в небытие, если сохраняется (пусть слабая) надежда, что будут названы и имена палачей (а некоторые уже названы), то об Алма-Ате этого не скажешь. Наши знания об этих событиях не слишком выходят за пределы штампованных обвинений: «проявление казахского национализма».

Казахская общественность не мирится с этим. Давно и упорно собирает факты общество «Кайрат», названное по имени одного из осужденных по делу о «волнениях» – Кайрата Рыскулбекова. Занято независимым расследованием общество «Желтоксан». Большую работу проделала и комиссия Верховного Совета КазССР, однако результаты этой работы практически положены под сукно.

В апреле с.г. члены общества «Желтоксан» провели в Алма-Ате длительную голодовку, требуя освобождения лиц, осужденных за участие в декабрьских событиях 1986 г., снятия с этих событий клейма «казахского национализма». Член общества М.Кубекон выступил в июне с.г. в Москве на выездной сессии Международной Хельсинкской Федерации.

Точка зрения демократической общественности Казахстана выражена в публикуемом ниже обращении Казахстанского общественного комитета по правам человека.

ОБРАЩЕНИЕ

к народным депутатам СССР,
общественности и средствам массовой информации

Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 6 июня 1989 г., утвержденным сессией Верховного Совета, была создана комиссия по расследованию обстоятельств, связанных с декабрьскими событиями 1986 г. в Алма-Ате. Постановлением Верховного Совета Казахской ССР от 14 ноября 1989 г. эта комиссия упразднена.

Создание комиссии по расследованию декабрьских событий было воспринято общественностью республики как убедительное проявление развития перестроечных процессов.

Фактом создания комиссии и наделения ее всей широтой полномочий Верховный Совет республики однозначно подтвердил необходимость и своевременность пересмотра устоявшихся представлений и политических оценок указанных событий.

Твердое обещание предать гласности результаты работы комиссии вселяло надежду на то, что народ узнает наконец правду, какой бы горькой она ни была.

Поскольку в первоначальный состав комиссии были включены в основном официальные и должностные лица, многие из которых имели непосредственное отношение к декабрьским событиям, общественность выражала обоснованное сомнение в ее объективности. При поддержке общественности и по настоянию 92 членов Верховного Совета СССР дополнительным Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР в комиссию были включены восемь народных депутатов СССР, а член Верховного Совета СССР поэт М.Шаханов назначен ее сопредседателем.

При комиссии были созданы 8 рабочих экспертных групп с привлечением независимых квалифицированных специалистов, ученых и практиков — юристов, врачей, деятелей науки и культу-

Голодовка общества «Желтоксан»

ры. Утверждая программу работы экспертных групп и выдавая им мандаты на право доступа к любой информации во всех инстанциях, Верховный Совет республики выразил доверие их компетентности и объективности.

За месяц, с начала октября до начала ноября 1989 г., экспертные группы комиссии проделали значительную работу. Изучено более 300 заявлений и обращений граждан, множество официальных документов и справок, 201 дело об административной и 16 дел об уголовной ответственности. Опрошено более 500 граждан и официальных лиц — непосредственных участников событий, работников правоохранительных органов, военнослужащих, советских и партийных работников, руководителей предприятий, учреждений и учебных заведений. Представила предварительное заключение экспертная группа Минздрава Казахской ССР.

4 ноября 1989 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР потребовал от комиссии представить отчет на сессию Верховного Совета и выразил мнение о нецелесообразности ее дальнейшей деятельности. В обоснование этого мнения приводились старые аргументы: «Незачем ворошить прошлое, будоражить общественное мнение». Такой постановкой вопроса Президиум опровергал собственный Указ от 6 июня 1989 г., в котором ставилась задача доведения работы комиссии до конца и обнародования результатов.

Комиссия и ее экспертные группы не считали возможным выносить на рассмотрение сессии вопрос о своей работе до ее полного окончания и получения конкретных выводов, но с их мнением не посчитались. По настоятельному требованию Президиума 14 ноября 1989 г. сессии было представлено сообщение о предварительных результатах работы комиссии, согласованное и подписанное 16 членами Верховного Совета КазССР и СССР. В отсутствие одного из сопредседателей, К.Мурзалиева, находившегося в заграничной командировке, комиссия поручила огласить это сообщение второму сопредседателю — М.Шаханову.

Печать и телевидение республики обошли молчанием ход обсуждения этого сообщения на сессии Верховного Совета. Вся официальная информация по этому вопросу заключена в Постановлении Верховного Совета КазССР, опубликованном 17 ноября, и в небольшой заметке в газете «Известия» от 15 ноября 1989 г.

В Постановлении не содержится никаких оценок работы комиссии, хотя пункт 2 — обращение с просьбой к ЦК КПСС о снятии формулировки «проявление казахского национализма» в оценке декабрьских событий — напрямую вытекает из предложений комиссии, из ее оценок характера событий. Поэтому совершенно неожиданным и странным выглядит пункт 5 Постановления — о преобразовании комиссии в рабочую группу по контролю за выполнением этого Постановления как фактически упраздняющий саму комиссию.

Из заметки в «Известиях» мы узнали, что группа депутатов Верховного Совета КазССР обвинила Комиссию в предвзятости, односторонности и тенденциозности. Кто же эти депутаты? Это — прокурор республики Г.Елемисов, второй секретарь ЦК Компартии Казахстана В.Ануфриев, председатель комитета народного контроля Б.Исаев (сам, кстати, подписавший текст сообщения Комиссии, в качестве ее члена), министр местной промышленности И.Едилбаев и др. По приведенному перечню постов и фамилий можно судить, кому именно пришлось не по душе сообщение Комиссии, кто настоял на ее ликвидации в самый разгар работы, не рассмотрев по существу ни одного документа, не выслушав доводов специалистов.

В этой обстановке, когда правда утаивается, а общественность республики дезинформируется и вводится в заблуждение, мы считаем своим долгом довести до ее сведения следующее.

Да, сегодня у нас еще нет оснований считать, что мы знаем всю правду о декабрьских событиях. Мы хотели ее узнать и обнародовать. Но стоило только прикоснуться к «святая святых», шевель-

Голодовка общества «Желтоқсан»

нуть глубоко запрятанные корни, как немедленно последовал строгий окрик — «стоп!» Показателен такой факт. Нас не допустили к информации в штабе САВО (Среднеазиатского военного округа) без разрешения Министерства обороны СССР, что объяснимо. Но стоило только М.Шаханову обратиться с депутатским запросом к т.Язову и получить от него такое разрешение 1 ноября, как уже через 3 дня, 4 ноября, Президиум Верховного Совета КазССР поставил ребром вопрос о роспуске Комиссии. О том, что Комиссия так и не успела получить необходимые документы из ЦК Компартии Казахстана и КГБ республики, говорить уже не приходится.

Неясно пока многое. Как могла небольшая мирная политическая демонстрация протеста против решения 5-го Пленума ЦК Компартии Казахстана от 16 декабря 1986 г. так стремительно вылиться в массовые беспорядки, когда уже к концу дня 17 декабря 1986 г. шли ожесточенные стычки между демонстрантами и правоохранительными органами? Почему не получился диалог между руководством республики и вышедшей на площадь молодежью? Что послужило толчком для противоправных действий с ее стороны? Можно ли было предотвратить беспорядки без применения силы?

На эти и другие вопросы только предстояло ответить.

Из тех документов, которые успели изучить эксперты только по городу Алма-Ата, однако, кое-что уже проясняется. И главное состоит в том, что официальная оценка событий как вылазки националистически настроенных экстремистов, алкоголиков и наркоманов далека от действительности как по характеру, так и по масштабу явления. Декабрьские события, кроме Алма-Аты, так

или иначе отозвались в Алма-Атинской, Джезказганской, Актюбинской, Мангышлакской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Талды-Курганской и Целиноградской областях. Ясно высвечивается неполнота и неправдивость официальных сообщений. Выявляются массовые нарушения социалистической законности как в ходе «стабилизации обстановки», так и в ходе следственных и судебных действий и в последовавшей затем кампании по искоренению призрака национализма. Становится очевидным несоответствие мер, принятых для подавления выступления молодежи, степени его общественной опасности, жестокость и бесчеловечность этих мер.

Мы не можем пока огласить все имеющиеся в нашем распоряжении факты — многое требует документальной проверки. Приводим только те, что взяты из официальных источников.

Оперативное руководство по «стабилизации обстановки» осуществлял штаб МВД СССР во главе с первым заместителем министра внутренних дел страны генерал-полковником Елисеевым. Политическое руководство было доверено хорошо известному в Казахстане члену Политбюро ЦК КПСС Соломенцеву. Оперативный штаб размещался на 6 этаже здания ЦК со стороны улицы Мира. Устный приказ о введении на площадь 698 человек личного состава АВОКУ получен от командующего САВО генерал-полковника Лобова. Документально установлено наличие малых саперных лопаток в их экипировке. О применении саперных лопаток свидетельствует характер телесных повреждений у гражданских лиц, именно — наличие резаных и резанокоротых ранений. Установлено применение служебных собак для разгона демонстрантов, дубинок и водометов в количестве 20-ти лафетных стволов на 18-градусном морозе.

Известно, что металлические прутья из арматуры для вооружения дружинников организовано изготовлялись на АЗТМ, заводах им. Кирова, «Электроприбор» и электровагоноремонтном. Установлена численность подразделений МВД, задействованных в событиях, — 7618 человек, и города, откуда прибыли части внутренних войск — Уфа, Свердловск, Челябинск, Новосибирск, Фрунзе, Ташкент, Тбилиси. Без данных по госпиталю САВО и КТБ установленное число пострадавших превышает официальные данные на 465 человек. Характер и количество телесных повреждений (имеются и огнестрельные ранения) говорят о масштабах и жестокости побоища с обеих сторон. То обстоятельство, что процент тяжелых телесных повреждений у гражданских лиц в 7,4 раза выше, чем у представителей правоохраны, ясно говорит о том, на чьей стороне было преимущество в силе воздействия.

Не подтверждается официальная версия об алкоголиках, наркоманах и преступных элементах, якобы задававших тон в поведении демонстрантов. С 16 по 19 декабря 1986 г. в медвытрезвители города не было доставлено ни одного пьяного с площади, где разворачивались события. Не выявлено пьяных и среди задержанных органами МВД. Ни один человек не направлен в эти дни в наркологические диспансеры города для освидетельствования по поводу алкогольного и наркотического опьянения. Из 2401 задержанных, 99 осужденных и 326 подвергнутых административным арестам, штрафам и исправительным работам — только 13 человек (0,5%) имели ранее судимость. Зато среди осужденных — 23 женщины и 5 несовершеннолетних, что составляет около трети.

Анализ судебных постановлений выявляет факты грубого попрания прав граждан, предвзятости, нарушения норм процессуального права, давления на судебных работников, осуждения невиновных. Об этом свидетельствует как факт оправдания троих осужденных по протесту Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления, так и спецная кампания по условно-досрочному освобождению, развернутая с января-февраля 1989 г. И то, что прокуратура КазССР вдруг стала вносить массовые протесты по уголовным делам, в которых она ранее не усматривала никаких нарушений, говорит не столько о ее гуманности, сколько об отсутствии должного и своевременного прокурорского надзора, о сознательном попустительстве с ее стороны беззаконно следствия и суда.

В свете этих фактов пункт 4 Постановления Верховного Совета КазССР от 14 ноября 1989 г. о передаче на рассмотрение правоохранительных органов республики всех заявлений и жалоб, связанных с декабрьскими событиями, вызывает естественное недоумение.

Этот далеко не полный перечень сведений и фактов, ранее скрытых от общественности, показывает, кому нежелательно продолжение работы Комиссии и почему ее столь срочно ликвидирова-

ли. В односторонности и тенденциозности Комиссию обвиняют те, для кого опасно именно всестороннее и объективное исследование обстоятельств событий.

В свете изложенного, мы, коммунисты и беспартийные, никак не причастные к декабрьским событиям, считаем своим человеческим и гражданским долгом обратиться к народным депутатам СССР, к ответственности республики и страны с заявлением:

— мы решительно поддерживаем и разделяем позицию члена Верховного Совета СССР М.Шаханова в том, что правда и одна только полная правда о декабрьских событиях способна в какой-то мере исправить урон, нанесенный ими моральному здоровью народа и восстановить утраченное доверие к государственным и партийным органам;

— мы намерены продолжать свою работу по всестороннему и объективному исследованию обстоятельств, связанных с этими трагическими событиями, при поддержке республиканских, союзных и международных общественных организаций;

— мы будем информировать общественность о ходе и результатах этой работы всеми способами и средствами, предусмотренными законами, Конституцией, международными соглашениями по правам человека;

— мы просим народных депутатов СССР поддерживать требования 282 народных депутатов СССР и 92 членов Верховного Совета СССР о создании специальной депутатской комиссии по исследованию декабрьских событий 1986 г. в Казстане.

Казахстанский общественный комитет
по правам человека

ПЕРЕД ШАГОМ В НОРМАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

После заседания Совета Федерации Верховного Совета СССР 12 июня состоялась долгожданная встреча председателей Верховных Советов Эстонии, Латвии и Литвы с М.Горбачевым и Н.Рыжковым. Встреча продолжалась немногим более 1,5 часа, и на ней, по словам председателя ВС Эстонии А.Рюителя, обсуждалась туниковая ситуация, сложившаяся в отношениях между прибалтийскими республиками и центральной властью. Вечером того же дня, находясь уже в Таллинне, Рюитель выступил по радио с рассказом об этой встрече.

Среди прочего Рюитель сказал, что он поставил условием для начала переговоров юридическое признание объявленного ВС Эстонии переходного периода и что после долгих споров М.Горбачев на это согласился. Впрочем, стенограмма встречи не

опубликована и приходится полагаться на слова А.Рютеля. Стоит, однако, напомнить, что о начале переговоров между Советским Союзом и Эстонией о восстановлении ее государственной независимости за последнее полугодие тот же А.Рютель успел сообщить уже несколько раз.

Затем корреспондент задал вопрос о Литве: там ведь независимость объявлена официально, и хотя фактически и там существует переходный период, статус этой республики все же иной? Да, отвечал Рютель, с Литвой сложнее. Здесь самое время оставить председателя ВС Эстонии и поговорить о Прибалтике вообще.

Слово «Прибалтика», все более входящее в употребление, отражает тот факт, что по обе стороны потрепанного железного занавеса различия между тремя Балтийскими республиками не очень-то и видны. В то же время именно различия между Эстонией, Латвией и Литвой в определенном смысле объясняют разный подход к проблеме независимости, который они обнаруживают на современном этапе.

Прилагательное «прибалтийский» сравнительно молодо и связано с появлением в этом регионе советской власти. Исторические же судьбы Эстонии, Латвии и Литвы вследствие ряда языковых, культурных, религиозных, этнических и иных различий были несхожи. Объединило их судьбы создания Страны Советов. В 1918–1920 гг. все три страны вели с Советской Россией освободительные войны, в 1940 г. одновременно попали в оккупацию, в 1941 г., после нападения Германии на Советский Союз, одновременно были завоеваны немцами, а в 1944 г. – вновь попали под советскую оккупацию. Массовые демократические манифестации также начались в трех республиках почти одновременно: в 1987–1988 гг.

Однако эта синхронность невольная: в годы Второй мировой войны очень мало что зависело от воли народов Эстонии, Латвии и Литвы. На самом деле слово «Прибалтика» мало что означает, кроме того, что все три республики действительно находятся на берегу Балтийского моря. Но на тех же берегах находятся Польша и Германия, Дания и Швеция, не говоря уже о Финляндии, однако в понятие «Прибалтика» их не включают. В этом смысле более правильным является выражение «Советская Прибалтика» – это уже не географическое, а сугубо политическое понятие. В переводе на обычный язык оно значит: «наша» Прибалтика.

Возвращаясь к политическому понятию «Прибалтика», надо сказать, что с его помощью у читателя вырабатывается упрощенное представление, будто эстонцы, латыши и литовцы являют собой единое

целое. Такие же нелепые, но с точки зрения империи полезные обобщения имеют место и в отношении других районов Советского Союза: так, с точки зрения любого осведомленного человека, обобщения «Кавказ», «кавказский человек» должны представляться бессмысленными.

Различия между тремя «прибалтийскими» республиками очевидны. Эстонский язык принадлежит к угро-финской группе, латышский и литовский – к балтийской. В Эстонии преобладает лютеранство, в Литве – католичество, в Латвии на равных правах исповедуются лютеранство, православие и католичество. Удельный вес коренного населения в трех республиках тоже различен: 80% в Литве, 60% – в Эстонии, 50% – в Латвии. В историческом плане резко выделяется Литва, которая в XIV–XV вв. была одним из самых сильных государств Европы. У Эстонии же и Латвии до XX в. не было своих государственных образований.

Переходя к современности, надо заметить, что первая массовая политическая демонстрация состоялась в столице Латвии Риге в июне 1987 г. В Литве массовые выступления начались позднее, чем в Латвии и Эстонии, но приняла более всеохватывающий характер. Только в Литве сейчас преобладает одно большое массовое движение – «Саудис». В Латвии и Эстонии картина куда более пестрая.

В Эстонии сейчас можно выделить четыре различных политических силы: это Верховный Совет Эстонии, Конгресс Эстонии, Конгресс на платформе федерации и, конечно, Советская Армия, находящаяся на территории Эстонии. Последняя участвует (будет участвовать) в развитии событий в республике только по указанию из Москвы. Советская Армия (около 150 тысяч человек личного состава) представляет собой господствующую физическую силу. В политическом же плане армия в эстонских делах пока не участвует (если не считать четырех военных – депутатов Верховного Совета Эстонии).

Интердвижение в Эстонии, несмотря на шумное начало, медленно, но верно теряет свои позиции. Тем не менее, в ВС Эстонии оно может пока рассчитывать на 25 голосов. 27 мая был создан Конгресс на платформе федерации – группа русскоязычных депутатов Верховного Совета плюс участники Интердвижения, Комитета защиты советской власти в Эстонии и Объединенного совета трудовых коллективов. Этот Конгресс взял на себя и функции законодателя. Степень влияния этой группы трудно определить. Прослеживаются ее связи с российскими ультранационалистическими организациями. Цент-

ральная власть своих связей рекламировать не собирается. В Эстонии, как уже было сказано, база этой группы сокращается.

Верховный Совет Эстонии декларировал готовность сотрудничать с Конгрессом Эстонии. Однако до последнего времени это сотрудничество существовало скорее на бумаге. Исходя из этого, Конгресс на своем втором съезде (25 мая) решил придать своему постоянному органу – Эстонскому комитету – законодательные права. Массированная атака на него, начавшаяся после этого в средствах массовой информации, сейчас в основном кончилась. То, что Конгресс Эстонии выдержал натиск официальной пропаганды, доказывает его жизнеспособность. Сама эта атака в свою очередь продемонстрировала, что нужда в сильной оппозиции Верховному Совету не миновала.

Точнее, дело не столько в необходимости оппозиции, а в том, что оба эти органа – Верховный Совет и Конгресс Эстонии – недостаточны. Верховный Совет имеет формальную власть, но может ее осуществлять только во внутривнутриполитических делах. Для внешнего мира – как на Западе, так и на Востоке – он является лишь местным органом центральной власти. Конгресс Эстонии (см. «Страна и мир», № 2 за этот год) создан на совершенно иной правовой основе: он представляет граждан Эстонской республики, которая, будучи *de facto* оккупирована уже пятое десятилетие, *de jure* продолжает существовать, и это существование *de jure* признает большинство западных демократий.

В определенном смысле сотрудничество Верховного Совета и Конгресса Эстонии действительно представляется идеальным путем к независимости. Однако перейти от деклараций к делу совсем нелегко.

Среди прочего, это объясняется составом Верховного Совета и Эстонского комитета. В Верховном Совете 105 мест распределены между последователями очень разных политических идей (см. «Страна и мир», № 2 за этот год), причем преобладают бывшие коммунисты и представители Народного фронта (НФЭ). В то же время среди депутатов имеются и 44 члена Конгресса Эстонии.

В Эстонском комитете – 78 человек, и доминирующей силой в нем является Партия национальной независимости Эстонии (ПННЭ), в настоящее время самая крупная партия в республике, если не считать коммунистической (эстонское объединение КПСС сейчас находится в двусмысленном положении, а наполовину созданная КПЭ, видимо, тоже не очень привлекает членов: до сих пор в ней зарегистрированы лишь очень немногие).

Таким образом, трудности в отношениях между Верховным Советом и Эстонским комитетом сводятся к трудностям в отношениях между НФЭ и ПННЭ. Обе организации существуют немногим более двух лет, хотя у ПННЭ наблюдается преемственность с более ранними движениями за независимость Эстонии. За время своего существования НФЭ многое заимствовал в идейном отношении у ПННЭ и заметно при этом радикализовался. На сегодняшний день из рядов Народного фронта выделились по крайней мере три политические партии, пока еще очень немногочисленные и потому действующие под эгидой НФЭ. Сам НФЭ, точнее его руководство, до сих пор подтверждает свое нежелание преобразоваться в партию. Таким образом, сейчас под общим названием Народного Фронта существует фактически коалиция партий, слишком слабых, чтобы работать самостоятельно. Трудно предсказать будущее НФЭ, если одна из его составляющих окрепнет до самостоятельности.

В настоящее время в Эстонии в разных партиях (не считая коммунистической) состоит около двух тысяч человек, в том числе в ПННЭ – 800, в либерально-демократической – 300, в социал-демократической – 200, остальные партии более мелкие. Достаточно ли этого для обеспечения нормальной политической жизни? Мнения по этому поводу весьма различны.

Сейчас политическое будущее Эстонии определяет много факторов, и далеко не все из них нам известны. Какова, например, роль КГБ? Не случайно же в течение двух месяцев были заменены председатели всех трех республиканских КГБ: в Эстонии, Латвии и Литве. Немаловажными для Эстонии являются и события в остальных частях советской империи.

В силу ряда причин случилось так, что Эстония, Латвия и Литва первыми начали выбираться из кошмара социалистического лагеря. Но сбежать из него мало – надо еще доказать свою способность, умение жить в демократическом мире. Образно говоря, надо еще выбрать, по какому пути идти: по пути Иллиску или по пути Гавела. В Эстонии выбор пока не сделан. Это плохо, ибо в условиях разваленной экономики вероятность возрождения тоталитарной власти все еще велика.

Сейчас у Эстонии есть шанс. Я не знаю, сколько времени нужно для перехода от ненормального к нормальному обществу. Ясно, что путь этот не может быть коротким. Похоже, что большинство жителей республики ясно осознали, что в любом случае этот путь придется пройти. ●

«СССР УЖЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ...»

Интервью с Юрием Афанасьевым

Ректора Московского историко-архивного института Юрия Николаевича Афанасьева не надо представлять читателям. Он – постоянный автор нашего журнала. Наш специальный корреспондент Кронид Любарский встретился с Ю.Афанасьевым и взял у него интервью.

Есть ли сейчас в Советском Союзе власть? Существует ли она вообще? Создается впечатление, что Президент и правительство, все имеющиеся структуры власти уже в течение нескольких лет не могут обеспечить выполнения даже тех решений, которые принимают они сами. Власть существует де-юре, но не существует де-факто. Вы согласны с этим?

Я, пожалуй, соглашусь, но только и де-юре она существует очень странным образом. Такой громоздкой структуры власти, как у нас, по-моему, нет нигде и, наверное, вряд ли была когда-нибудь. Существуют две палаты Верховного Совета, Президиум этого Верховного Совета, комитеты и комиссии Верховного Совета, кроме того, Президентский совет, Совет министров тоже имеется. Вряд ли такая структура способна функционировать нормально. Разграничение функций, скажем, между Президиумом Верховного Совета и Президентским советом, отсутствует. Президентская власть вроде бы исполнительная, но есть еще и Совмин, без каких бы то ни было уточнений относительно того, кто чем должен заниматься. То, что мы называем «аппаратом», существует только по одной линии, по партийной: устоявшийся аппарат со связями, с отработанными приемами. Я сейчас не говорю – как, но этот аппарат функционирует.

И мне кажется, одна из причин, почему Горбачев так упорно не хочет уйти с поста Генерального секретаря, состоит в том, что именно здесь есть налаженная структура, есть аппарат, есть механизм власти. Если он уйдет с этого поста, то лишится каких бы то ни было структур, которые по вертикали пронизывали бы все общество, лишится всех важных механизмов власти. Потому что Советы – это органы совершенно безвластные. Но самое главное: даже при наличии партийного аппарата, при наличии каких-то структур советской власти, все последние указы и постановления, кроме вот, может быть, приказа о блокаде Литвы, элементарно не выполняются.

А партийные шестеренки надежны, или они тоже уже начинают давать сбой?

Крутятся ли они, это сейчас очень большой вопрос. Раньше ведь все решалось просто по телефонному звонку, теперь никто не слушается партийных приказов. Ситуация, по-моему, просто ужасная, потому что даже нужные решения – наверное, и такие есть – никакого воздействия не имеют. Я по своему институту знаю. Министерство высшего образования и Госкомитет по народному образованию просто перестали руководить институтом. Это, может быть, и хорошо для института, но для заводов, для отраслей промышленности это может обернуться тяжелыми последствиями – полной несогласованностью, невыполнением обязательств, взаимопоставок.

Можно ли считать, что дело идет к параличу власти?

Он уже, по-моему, налицо, и давно.

Возникают ли где-то какие-то альтернативные структуры, которые, пускай не сегодня, а в обозримом будущем могут заменить эту парализованную власть?

Нет, таких структур сейчас нет. Появились в качестве зародыша таких структур рабочие комитеты в шахтерских городах, и они работали довольно эффективно, держали в руках не только производственную сферу, но и социально-бытовую. Но сейчас они опять отошли от выполнения таких функций. И теперь все по-прежнему, если говорить о российской глубинке, и не только российской. Все держится пока на райкомах. Это единственные, пожалуй, органы, которые по-прежнему играют какую-то роль.

А Народные фронты? Мы знаем, что они показали свою силу в Прибалтике и, до разгрома воинской силой, даже в Азербайджане.

Не в Азербайджане. Я там был, встречался с руководителями Народного фронта. До вопросов производства они не доходили совершенно, не касались социальной сферы и даже, в отличие от шахтерских комитетов, не занимались проблемой поддержания дисциплины в регионе. Был перманентный митинг в Баку, были местные отделения, которые в случае необходимости могли созвать митинг. У них были также способы воздействия на железнодорожников, чтобы осуществить блокаду дороги. Наконец, они начали блокировать райкомы и горкомы партии, неудобные им: они их окружали, начинали митинг, требовали ухода руководства с постов и объявляли новые выборы. Я не думаю, что они могли бы многое сделать.

То есть прибалтийская ситуация в каком-то смысле уникальна?

Уникальна. Ни российские народные фронты, ни какие бы то ни было другие не являются силой. Азербайджанский народный фронт – это была реальная сила, но сила негативная.

Давайте тогда поговорим о деятельности Межрегиональной депутатской группы. Начинает ли она организовываться как какой-то зародыш теневого кабинета? Возникают ли в ней какие-то структуры? Как вообще работает эта группа, какова механика ее работы как парламентской организации?

Здесь много проблем. Межрегиональная группа – это не есть что-то стабильное. За время, протекшее с момента ее зарождения, она существенно изменилась. Даже цели, которые объединяли Межрегиональную группу, которые ее сформировали, меняются очень заметно. Межрегиональная группа сформировалась на общем порыве против шестой статьи конституции. Это то, что ее объединяло. И кроме того, ее объединяло недовольство итогами, результатами работы Первого Съезда народных депутатов. Вот истоки Межрегиональной группы.

Это немножко напоминает то, что вы сказали об Азербайджанском Народном фронте: отрицательная солидарность.

Именно так. И туда пришли очень разные люди. Все были недовольны тем, что существует эта шестая статья, у всех был наказ избирателей способствовать отмене этой статьи. Объединяло также сознание нерешенности таких кардинальных проблем, как закон о собственности, о земле, о союзном устройстве. Как только продвинулись дальше, как только более конкретно встал вопрос о том, что есть союзное устройство, как понимается закон о собственности, что есть закон о земле, группа стала разделяться. И она сократилась численно: по данным последней регистрации, это двести – двести двадцать человек, а сначала было около четырехсот. Но и эти двести не

представляют собой какого-то единства в подходах к решению этих проблем. Между первым и вторым съездами народных депутатов перед нами стояли вопросы: как структурировать, организовать эту группу в качестве внутрипарламентской депутатской группы, создать ли координационный совет, избирать ли председателя, образовывать ли какие-то секции, комиссии, платформы. Сейчас все очень сильно изменилось. Как мне представляется, сейчас под вопросом уже сам институт народных депутатов СССР, сам Съезд народных депутатов.

Поясните, что это значит.

Это значит: Литвы уже на Съезде нет, другие прибалты, я думаю, скоро будут лишь в качестве наблюдателей. В Грузии очень остро стоит вопрос о том, что народные депутаты СССР не представляют Грузии. В значительной мере это относится к Украине, сейчас уже народные депутаты Украину с ее интересами не представляют. И потом, Верховный Совет сейчас главным образом занимается иллюзорной деятельностью, он сеет иллюзии законотворчества: он принимает законы, изначально никуда непригодные. С первого съезда по теперешнее время страна настолько продвинулась вперед, настолько глубоко изменилась, что сейчас реально стоит вопрос о ненужности Съезда народных депутатов как такового, о ненужности Верховного Совета в том составе, в котором он существует.

При этом и Межрегиональная группа, ее функции, конечно же, меняются. В глазах очень многих избирателей она была надеждой, олицетворением того, что все-таки есть сила, которая будет представлять интересы избирателей. Сейчас Межрегиональная группа, как мне представляется, должна быть не столько внутрипарламентской группой, сколько иницирующим и в какой-то мере координирующим началом общедемократических движений по всему Советскому Союзу. Были такие предложения – добиться единства по какому-то ряду проблем и объединиться в некий монолит на основе этого общего подхода, даже ценой потери значительной части членов Межрегиональной группы. Если будет всего лишь тридцать, так пусть будет тридцать, но – зато единых взглядов, позиций, убеждений. Но против этого решительно выступали многие, в том числе и я. Это будет что-то вроде большевизма в новом качестве. Надо все-таки попытаться сохранить Межрегиональную группу, но превратить ее не в монолит, а в союз платформ общей направленности. Пусть они будут разные – по вопросу о земле, о собственности, о Союзном устройстве, но все-таки какая-то общая линия должна в них просматриваться. И вот эту задачу пока решить не удалось. Но я все-таки думаю, что только так ее и можно решать, потому что если мы отсечем членов Межрегиональной группы, которые думают иначе, то тем самым мы отсечем Межрегиональную группу от разноцветья демократических движений, которое сейчас появилось. У нас было выработано несколько общих позиций, с которыми Межрегиональная группа выступала и на Втором, и на Третьем съезде народных депутатов, и на сессиях Верховного Совета. Выступали по правительственной экономической программе, по вопросу о президентстве. Сейчас только что прошли собрания Межрегиональной группы, на которых обсуждался ряд законов, в том числе о кооперации. С докладом выступали Тихонов, Попов, Афанасьев, Станкевич, Фильшин, Богомолов. Богомолов, например, сделал доклад с анализом правительственной экономической программы. Мы даже договорились о том, что у нас будут распределены функции между членами Межрегиональной группы, скажем, по национальным проблемам, по экономическим проблемам, по международным делам, по проблемам военной реформы и т.д. Члены Межрегиональной группы обязательно будут выступать на сессиях Верховного Совета, на съездах по этим вопросам. Мы о своей структурированности, о распределении функций постоянно думаем.

Из пяти сопредседателей группы сейчас практически осталось трое: Андрей Дмитриевич умер, Виктор Пальм с отходом Эстонии естественным образом тоже отходит от активной деятельности в группе. Существует ли между вами единство взглядов, позиций по главным вопросам ?

В основном, да. Не было еще такого случая, чтобы у нас далеко разошлись позиции. Мы пытаемся решать проблемы в унисон, и, мне кажется, в какой-то мере это получается. Но вот коллективно *действовать* эффективно не получается. Поэтому на последнем координационном совете мы договорились о том, чтобы функции председателя выполнять последовательно: сначала один, затем другой, третий. А вот всем сразу – это получается плохо.

А как вы действуете чисто практически? Встречаетесь ли вы с глазу на глаз – не на совещаниях, а просто для обкатывания ваших позиций?

Мы встречаемся, и довольно часто. Даже и не пересчитаешь, сколько таких было встреч. Правда, иногда Пальма не было, иногда не было Попова, иногда еще кого-то. Даже вот так встретиться вчетвером – это, оказывается, не так просто: кто-то в командировке, кто-то заболел и т.д.

Вы сказали, что сам Съезд народных депутатов, идея Съезда начинает устаревать и отмирать. Очевидно, что состав Съезда народных депутатов СССР плохо отражает нынешнюю расстановку сил. Но вот Съезд народных депутатов РСФСР избран только сейчас. Он ближе отражает реальную расстановку сил в стране, или он точно так же от нее далек?

Я думаю, несколько ближе, потому что там все-таки около трети его состава, наверное, представляют демократические силы. Но и он тоже все-таки реально не отражает эту расстановку. Дело в том, что было очень много округов, где были безальтернативные выборы, много «гнилых» округов, и много все-таки действительно заболоченных местечек. Там все идет как в доперестроечные времена, потому что после Первого съезда народных депутатов СССР произошел сильный спад социальной и политической активности общества. Съезды и сессии Верховного Совета как бы работали на то, чтобы эту активность сбивать. Они ничего не решали из того, что по-настоящему волнует общество, и у людей возникла апатия: если даже на Съезде народных депутатов СССР ничего не решается, то что могут сделать местные органы власти?

Я, например, участвовал на предвыборных собраниях избирателей в народные депутаты РСФСР: пятнадцать-семнадцать кандидатов, их доверенные лица и примерно столько же избирателей. С тем, что было при выборах на Съезд СССР, просто нет ничего общего. Глубокий спад политической и социальной активности. И, естественно, все это отразилось на депутатском корпусе.

Означает ли это, что практически исчерпаны возможности парламентского пути демократизации России? Или, нравится нам это или не нравится, практически остался только внепарламентский путь, то есть путь неконтролируемый?

В данный момент, конечно, парламентский путь продвижения в сторону демократии и осуществления структурных преобразований исчерпал себя полностью. Мне кажется, сейчас должны нарастать демократические движения в республиках, осуществляться консолидация демократических сил в этих республиках. В этом процессе на первом месте должно стоять единение демократических сил *России*, потому что от нее зависит и все дальнейшее. Только таким образом, мне кажется, сейчас и можно продвигаться вперед, потому что Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР практически не способны принять ни одного решения, не способны отреагировать на явно антиконституционные шаги Президента и Президиума.

В начале нашего разговора вы сказали, что российские фронты себя не показали как конструктивная политическая сила. С другой стороны, возможности властей тоже исчерпаны. Получается тупик: ни снизу, ни сверху мы не видим силы, которая могла бы направить страну по спокойному пути развития. Какой же выход из этого тупика?

Это, действительно, тяжелейшая ситуация. Я, например, не вижу реального ответа на этот вопрос. То, что я делал и делаю, — это попытка объединить все демократические силы, но в России, в частности, они очень слабы. Происходит снижение активности, нарастание апатии. Причина этого — полное разочарование в перестройке. Люди разуверились в ней, разуверились в Горбачеве, стал падать авторитет Съезда, в том числе даже Межрегиональной группы. Потому что прилавки-то пустеют по-прежнему, спекуляция растет, цены повышаются, преступность усиливается, тревога нарастает. Это то, чем человек живет каждодневно, чем он дышит. И сейчас я не знаю, какими вспрыскиваниями можно ситуацию эту изменить, я не вижу такой возможности.

В условиях, когда отсутствует конструктивная сила, а есть явная потребность в какой-то силе вообще, — свято место пусто не бывает — находится сила деконструктивная. Есть ли сейчас в нашем политическом спектре такая сила, которая может вмешаться и начать решать вопрос по-своему?

Сейчас получается примерно такая ситуация. После некоторой растерянности и после ударов, которые были нанесены по партийным органам, они пытаются активизировать свою деятельность и, что называется, взять ситуацию в свои руки. Но у них из этого ничего не получается. У них уже нет никакого авторитета, он полностью исчерпан. А что касается других сил, то я их не вижу. Сейчас на Западе спрашивают о возможности военного переворота. Мне она представляется нереальной, не потому, что военные — это не сила, — наоборот, это очень мощная сила. Дело в том, что единой эта мощная сила быть не может. Она расколота ровно так же, как и общество. Раскол идет и по родам войск, и по военным округам. И сами военные понимают — что такое расколоть армию на части, если части эти будут противоборствовать. Именно поэтому, мне кажется, такой переворот невозможен. И дворцовый переворот в любой форме сейчас невозможен. Если сейчас состоится что-то вроде октябрьского пленума 1964 г., то будет очень мощный протест, скажут: «Давайте, верните все на место, а потом поговорим».

Но вот апатия, снижение активности, которое сейчас имеет место, на меня они производят очень тревожное впечатление. Не то чтобы люди успокоились, а наоборот, вместе со снижением активности нарастает неудовлетворенность, зреет какая-то мощная сила, которая сейчас пребывает в затаенном состоянии.

Последние выборы на Съезд народных депутатов РСФСР и в местные советы показали, что рейтинг правых, «Памяти» и всего того, что вокруг «Памяти», оказался неожиданно низким, гораздо ниже, чем можно было судить по их активности в прессе, на митингах и т.д. Это тоже, по-видимому, не сила, которая может активно вмешаться?

Нет, я тоже думаю, что нет. У них нет совершенно никакой базы. Кроме вылазок то на Красную площадь, то в Дом литераторов, «Память» ничего практически больше сделать не может. Все-таки не ощущается авторитета и у таких кагэбешных организаций, как Объединенный фронт трудящихся.

А ОФТ — это кагэбешная организация?

Ну, аппаратно-кагэбешная организация, скорее всего. И лидеры их, и герои, и идеологи — это все народ очень определенный. Это люди против перестройки

как таковой, то есть против преобразований, они за сохранение сталинской модели социализма, с некоторыми, может быть, вариациями.

Как понимать такой странный состав Президентского совета, явно ориентированный направо? Чем объяснить его очень непрофессиональный состав?

Ну, мне кажется, это объясняется всецело личностью Горбачева. Если бы ему этот Президентский совет нужен был как работающий орган, то принципы его подбора были бы совсем другие. А это не работающий, а декоративный орган, поэтому в нем преобладает принцип представительства. Представлены якобы разные силы. Вот, пожалуйста, Шаталин – радикальная интеллигенция, Айтматов – писательские силы, Распутин, Ярин – русский народ, причем именно такой русский народ. А дальше чиновники, которые держат в своих руках все. Кроме того, наверняка присутствует личностный момент: к кому лично Михаил Сергеевич благоволит, в ком он уверен и т.д. Это, в сущности, то же Политбюро. По тем же принципам сформированный Президентский совет работать никогда не будет, он будет слушать речи Михаила Сергеевича и больше ничего не сможет сделать.

Можно ли сейчас сказать, учитывая паралич власти, который вы сейчас диагностировали, что Горбачев – человек вчерашнего дня?

Я раньше всегда осторожничал в этом смысле. Мне самому было еще не все ясно, я надеялся, что продемонстрированные им возможности динамизма еще не исчерпаны. Он менял позиции, когда менялись обстоятельства, говорил то, что раньше не мог произнести. Примеров тому можно было бы привести сколько угодно. Я думал, что он и дальше будет двигаться в этом же направлении. Но последние события просто не дают никаких оснований для таких надежд. Мне кажется, что он исчерпал полностью свой потенциал.

Мы с вами перебрали все возможные и невозможные силы, которые могут сделать что-либо в этой стране, консолидировать ее по-хорошему или по-плохому. Мы не нашли ни одной. Что же остается? Правильным ли будет вывод, что единственной реальной перспективой является полный распад не только системы, но и государства, страны, империи, когда каждый ее клочок, большой или маленький, будет решать свои проблемы сам, по-разному в разных частях? Или вы видите какие-то другие альтернативы?

Не вижу я других. Страны нет. А мы продолжаем говорить: «СССР, Советский Союз, страна, государство», – но ведь фактически этого уже нет...

Распад уже произошел?

Уже произошел. Нет Прибалтики как региона. Я думаю, что нельзя сейчас считать Азербайджан и Грузию в составе СССР. Формально они там остаются, фактически они уже ушли. Мне кажется, то же самое можно сказать и о Молдавии, и, видимо, о значительной части Украины. И пытаться в этой ситуации найти общее решение для всей страны – это и есть самая большая, пожалуй, иллюзия. Сейчас Верховный Совет, Президентский совет, сам Горбачев действуют как лидеры, как руководители всей страны, а страны-то уже нет, ее уже не существует. И в этом трагизм ситуации. Верховный Совет, Съезд народных депутатов могли бы обрести себя в этой ситуации при одном-единственном условии – если бы они смогли занять такую позицию и проводить такую политику, которая была бы опережающей. То есть, если бы они взяли в свои руки управляемый демонтаж Советского Союза. В этом случае они сразу обрели бы и силу, и способность влиять на ситуацию, обрели бы авторитет, и с ними бы считались все демократические движения. Но для этого им надо стать не самими собой.

Запад ведет сейчас переговоры с Горбачевым на самом высоком уровне, по самым важным мировым вопросам. Значит ли это, что он ведет переговоры с призраком или, по крайней мере, с человеком, который не может гарантировать выполнения подписанных им соглашений?

Совершенно так. Я не знаю, как это они ощущают сами, но, действительно, СССР уже не существует. Горбачев может, конечно, как-то пытаться скрепить саморазваливающийся СССР такими действиями, какие он предпринимает в отношении Литвы, или такими, какие он предпринимал в отношении Грузии и Азербайджана. Но с каждым таким шагом, с каждым таким движением он падает все ниже и ниже. И это он, видно, сам уже почувствовал. Любой его новый указ такого же свойства – это еще один шаг к полному крушению центральной власти.

Мой последний вопрос к вам – личного свойства. Я попрошу вас, используя любимое словечко Михаила Сергеевича, «определиться». Вы вышли из КПСС, с чем мы вас все сердечно поздравляем. Многие ждали, что вы на съезде социал-демократов окажетесь одним из лидеров. Этого не произошло. Как бы вы определили свое мировоззрение? Я понимаю, любые ярлыки относительны, но все-таки кое о чем они говорят.

Мне не чужды программа и общая позиция социал-демократии. Меня не вполне удовлетворяет недостаточная четкость их программы, но я думаю, что это придет со временем. Однако в нашей реальной теперешней ситуации указать на что-то и сказать: «Вот я за это», – пока нельзя. Но в общих словах – я за то, чтобы было сосуществование всех форм собственности и, главным образом, за то, чтобы была частная собственность на всех уровнях и во всех сферах, то есть собственность на землю, собственность в сфере промышленности, торговли. Я за свободу предпринимательства во всех формах. И я, конечно, за активную социальную политику, за защищенность немощных, больных, неспособных, безработных. Безработные – да, они тоже, видимо, будут в этой системе. Но партии, которая представляла бы вот такую позицию, ее пока просто не существует. Социал-демократы к этому близки, но они пока точно не прояснили, что такое словечко «социал». Сейчас они его расшифровывают как «социальная демократия»: дескать, мы против социализма. Можно понять, что социализм себя дискредитировал. Но мне кажется, что надо просто уточнить реальное содержание того, что подразумевается под словом «социал». Я бы левые искания, в том числе западноевропейские, не отбрасывал, а, как и все остальное, взял себе на вооружение. И штудии франкфуртской школы, и опыт западноевропейской социал-демократии начала XX века – это тоже запечатленный опыт социальной практики, культуры человечества, его отбрасывать, конечно, нельзя. Равно как и чисто либеральные идеи, которые представлены были в России кадетской партией. И это направление, эту традицию тоже, конечно, надо развивать. Так что я бы определил свое место между социал-демократией и кадетами.

Такой партии нет, сказали вы, но есть ли отдаленный план такую партию создать?

Сейчас я думаю о том, чтобы все, что есть и что действительно является демократическим, объединить. Если это объединение потом выльется в более четкие партийные формы, я не против, но я все-таки думаю, что эпоха политических партий тоже закончилась. С разделением мира ушла в прошлое эпоха политических партий. Сейчас, видимо, настроения, устремления разных слоев общества будут представляться какими-то движениями, ассоциациями, объединениями, больше союзом платформ, чем какой-то одной политической платформой. За этим, видимо, будущее.

●

МЫСЛИ ВСЛУХ

Молодой журналист из города Рыбинска, публикующийся только в независимой прессе, неоднократно выступал на страницах нашего журнала. Одним из объектов его профессионального интереса является "неформальное" движение, нарождающаяся в нашей стране независимая политическая жизнь, связанные с этим стратегические, тактические и — едва ли не в первую очередь — этические проблемы. Под этим углом зрения, в частности, он анализировал в № 6 нашего журнала за 1988 г. деятельность "Демократического союза". В публикуемых ниже заметках А.Новиков рассматривает более широко комплекс проблем, поставленных существованием "неформального" политического движения.

1. Быть или бороться?

Не знаю, как в других странах, но в нашей — понимание *борьбы* своеобразно. Проблема России — это проблема "быть или бороться". В то время, как мы 70 лет за что-то боролись, не щадя ни себя, ни других, — за Светлое Будущее, за Счастье, за Свободу, за развитие каждого, которое по теории должно было быть условием развития всех и наоборот, — в других странах люди просто *были* свободными и счастливыми. Для западной ментальности понятие "борьбы" — в том безумно-героическом, абстрактно отвлеченном смысле, в каком оно свойственно нам, — вообще, кажется, отсутствует, может быть, как следствие секуляризации, на основе которой возникла современная западная цивилизация, не смешивающая Землю и Небо, может быть, в силу прагматизма и здравого смысла или еще чего-нибудь. "Борьба" для западного человека предельно конкретна, прагматична; она не отрицание "бытия", не жертвоприношение во имя далеких прекрасных целей настоящей жизни, но ее органическое продолжение. Для него немислим дисбаланс *целей и средств*, Будущего и Настоящего. Каким бы светлым и желаемым ни было Будущее, оно не способно зачеркнуть Настоящее, его самоценную значимость.

Коммунистическая ментальность в этом смысле прямо противоположна западной. Еще в 1907 г. основоположник "научного антикоммунизма" Николай Бердяев писал: "Ужасна по своей жестокости теория прогресса, доведенная марксизмом до крайнего выражения. Будущее общество, будущее человеческое поколение, совершенное и благое состояние, к которому ведет прогресс, — это какое-то чудовище, пьющее кровь поколений былых и современных, истязующее каждую личность во имя свое, во имя своей отвлеченности. И происходит погоня за призраком, каждое новое поколение оказывается таким же средством для будущих, как и все предшествующие..."

"Погоня за призраком" стала характерной чертой нашего способа мышления за 70 лет безумного строительства "нового мира". Иногда мне кажется, что происходящее в современном неформальном движении — не столько отрицание, сколько органическое продолжение того, что происходило у нас раньше. 70 лет нас к чему-то призывали. Сначала с броневиков, потом с трибуны Мавзоля. И мы вот-вот вздохнули свободно, бац — и нас опять к чему-то приывают. На этот раз пока что с фонарных столбов. Взамен коммунистического агитпропа появился агитпроп демократический. Другие лозунги, другие идеи — и все тот же психологический настрой, тот же менталитет.

Однажды передо мной встала такая жизненная дилемма: либо вступить в Демократический союз и начать *бороться* за плюрализм, демократию, многоукладную

экономику и пр., и пр., либо никуда не вступать и не бороться за свободу, а попытаться *быть* свободным человеком. Здесь, сейчас, в настоящем. В сущности, свобода немыслима вне этих трех составляющих; она предельно конкретна и в пространстве, и во времени, и в своем субъекте, носителе. Я говорю о личности, об *индивидууме* как основном субъекте свободы. Свобода (в отличие, скажем, от демократии) – глубоко *индивидуальное* понятие по самой своей природе, поскольку понятие это (так же как, например, и понятие счастья) неразрывно связано с *мыслью, осознанием* мира и себя в мире, себя по отношению к миру. В предельном выражении есть два фундаментальных понятия: "Я" и "Не-Я" (Мир).

С понятием *свободы* неразрывно связано и понятие *прав*, которое также имеет исключительно индивидуальный характер. Ни правительство, ни организация, ни какой-либо коллектив не могут иметь прав в философском смысле этого слова, потому что высшей метафизической целостностью является только *личность*, и только личность обладает некоторыми неотчуждаемыми, имманентно присущими ей правами.

Спиноза писал, что "наши права определяются нашими возможностями". Перефразируя это высказывание, можно сказать, что самое право есть не что иное как *осознанная возможность*. Говоря здесь об индивидуальном характере права или свободы, я подразумеваю прежде всего то, что сам *акт осознания* может быть прерогативой лишь индивидуума.

Понятие свободы для меня имеет не политический, а прежде всего глубоко человеческий, экзистенциальный смысл. Ходить туда, куда я хочу ходить, не ходить туда, куда я не хочу; говорить то, что я думаю, и не говорить того, чего я не думаю. Это – некий минимум, отсутствие которого способно моментально обесценить любые программные политические заявления. Главное трагическое ощущение, преследующее меня после того, как я познакомился с политическим неформальным (гораздо меньше – с традиционным диссидентским) движением: *отсутствие психологической альтернативы*. В человеческих отношениях, в психологических схемах, по которым происходит процесс мышления, в непосредственной поведенческой тактике и многом другом. Более или менее благополучно пройдя через Демократический союз (ДС) "по касательной" (несмотря на активное сотрудничество, я никогда не был членом этой организации), я натолкнулся на тот же синдром, который, говорят, испытывают некоторые эмигранты: иллюзию эмиграции. В данном случае это была иллюзия новой жизни внутри страны. Я столкнулся в своих попытках самовыражения по сути дела с теми же проблемами, что и раньше, когда находился в социуме. Прежде всего для меня, как для человека пишущего, это была проблема *свободы мысли*.

А.Д.Сахаров в своих "Размышлениях..." заметил, что столь распространенному слову "инакомыслящий" он предпочитает другое, более емкое – *свободо-мыслящий*, которое передает не целевую, а сущностную, методологическую грань понятия "инакомыслие": мыслить не просто "иначе", а прежде всего "свободно", "самобытно", "независимо".

Независимо, спросите вы, – от кого и от чего? От всего.¹ Я в это понятие вкладываю абсолютный смысл. Независимо от любой среды, от любых догм, от самого себя, наконец.

Интеллект, мысль – есть нечто изначально "левое", противостоящее "реальности", "жизни". Сартр говорил, что "интеллигенция может быть только левой". Сейчас любое упоминание о "левизне" несет на себе мрачный отпечаток Эксперимента, проводившегося под знаменем всеобщего отрицания многовекового человеческого опыта и истин, постигаемых в процессе специфического

¹ Андрей Синявский в эссе "Диссидентство как личный опыт" сформулировал предельно-экзистенциальный аспект *и н а к о м ы с л и я*, творчества: "Само писательство есть *инакомыслие* по отношению к жизни".

априорного опыта в е р ы. Я разговаривал с людьми, которые, вслед за А.Солженицыным, фундаментальную предпосылку коммунизма, обрушившегося на человечество в XX веке, усматривают в секуляризации, начавшейся еще в Новое Время. "Люди забыли Бога — оттого и все!"

Но Сартр говорил всего лишь об интеллигенции. Левизна в *интеллекте* — способ его существования. Будучи же спроецированной "на мир", на общественно-политическую проблематику, на исторический процесс, в *сферу практики*, левизна ведет к чудовищным трагедиям.

2. Самиздат глазами автора

Взрыв политизации в последние два года, появление сотен неформальных организаций и независимых изданий приводит порой к грустной мысли. В этой всеобщей гонке, в этой погоне за призраком не было чего-то очень важного. Какого-то *момента рефлексии*. Обращенности не только на мир, который мы взяли так рьяно переделывать, но и на себя тоже, как одновременно на объект и субъект нашего политического активизма.

Кто-то назвал наше время эпохой Предренессанса. В странах Западной Европы процессу становления демократии предшествовала длительная и драматическая эпоха Просвещения, духовно подготовившая общество, сделав возможным осознание некоторых фундаментальных ценностей. У нас такой эпохи не было. Мнение, что мы являемся свидетелями и участниками не столько демократии, сколько анархии, может показаться предвзятым, но меня не покидает ощущение какой-то изначальной *дефективности* нашей демократизации.

Читая программы бесчисленных организаций, ловишь себя на мысли, что читаешь одно и то же. В разных стилях, в разных лицах, под различными названиями. Генезис новых и новых структур не сопровождался параллельным генезисом новых идей, — это печальная примета нашего времени. Поспешная политизация создает впечатление поверхностного, суетливого, конъюнктурного. В принципе верные идеи искажаются, их интеллектуальная структура деформируется.

Вообще политизация в наших условиях, при нашей политической культуре порождает кентавров. Жили некогда неплохие ребята, создали историко-культурное общество "Память". Никому не мешали, занимались своей культурой. Потом мужики резко политизировались и пошли с мегафонами орать на улицы.

Были другие неплохие ребята. Называли себя семинаром "Демократия и гуманизм". Просвещали публику, никому не мешали. Потом что-то стукнуло им в голову, объявили себя "оппозиционной тоталитаризму партией", схватили мегафоны и тоже пошли на улицы.

Это состояние всеобщего брожения отражается и на Самиздате. С моей точки зрения, "политический Самиздат" (политический даже не по тематике, а по своему отношению к действительности, ставящий перед собой пропагандистские и агитационные задачи) — худшая разновидность Самиздата.

Существует несколько определений Самиздата. Одно из них рассматривает Самиздат как конкретно-историческое явление 60–70-х гг., как специфическое выражение правозащитного движения, порожденного хрущевской оттепелью. Однако, например, Д.Волчек в журнале "Родник" утверждает, что самиздат "возник, как только была введена "революционная цензура", а независимые издательства были благополучно закрыты". Наконец, третье — назовем его расширенно-историческим — определение рассматривает Самиздат как неподцензурную литературу, ходившую "в списках" в России еще в конце XVIII в.

Но попытки объяснить происхождение Самиздата лишь реакцией на общественную несвободу — не исчерпывающи. На Западе, например, где существует полная свобода печати, тоже есть своеобразный "самиздат" — огромное количество разнообразных любительских журналов, выпускаемых на персональных компьютерах.

По-видимому, сущность Самиздата шире и глубже. Самиздат – особая форма интеллектуального самовыражения, необходимость в которой сохраняется при любом политическом режиме. Самиздат – непосредственное противостояние Автора и Мира, наиболее естественная, аутентичная форма творчества, не санкционированная внешними инстанциями, не отягощенная издательской конъюнктурой, той или иной разновидностью “социального заказа”.

С моей точки зрения, Самиздат – это когда человек садится за пишущую машинку, не особенно раздумывая, кому все это нужно. Когда у него не существует никаких внешних обязательств перед окружающим миром, перед редактором или читателем, нет *внешней ориентации*, внешнего долженствования: есть только внутренняя потребность, внутренние обязательства. Когда он пишет не *зачем*, а *почему*.

Поэтому я и утверждаю, что Самиздат есть единственно возможная технология аутентичного творчества. Впрочем... Существует еще один тип писательства – что называется “в стол”, но то – отдельный разговор.

То, что *сейчас* происходит с Самиздатом, я считаю трагедией. Трагедией прежде всего для самого Самиздата. Может быть, происходит рождение широкой неподцензурной печати, новых средств массовой информации, но это уже не Самиздат, а что-то другое.

Претензии порождают большие тиражи, тиражи порождают проблему рынка, проблема рынка – коммерциализацию, коммерциализация – конъюнктуру. Причем конъюнктуру не только в издательской деятельности, но и в самом творческом процессе. Наконец, появляется совсем что-то чудовищное – *партийная журналистика*. Когда человек пишет не потому, что хочет и умеет писать, а потому что он должен выражать политическую позицию. Потому что он член ДС или КПСС.

Вообще основное впечатление от наших независимых журналистов – тотальное ремесленничество. Было в годы застоя милое словечко, к сожалению, выкинутое из нашего словаря благословенным временем гласности, перестройки и всеобщего диссидентства – *антисоветизм*. Я условно делю для себя всех пишущих людей на две категории: на тех, кто пишет, желая сформулировать что-то новое (прежде всего для себя), и на тех, кто пишет *против* чего-то. Против коммунизма, против империализма, против гонки вооружений, против Горбачева, против Лигачева, против проведения в Москве Конференции по правам человека и т.д. И я, откровенно говоря, не знаю, чем ремесленничество на почве антикоммунизма лучше или хуже ремесленничества на почве официальной советской идеологии.

Прежде всего это относится к любой пропаганде как разновидности публицистики. Мне казалось, что в наших неофициальных mass-media агитпроп благополучно преодолен. Оказалось, что нет. Стилистический режим и тональность, в котором работают фирма “Гласность” и пропагандистская служба ДС, наводят на очень знакомые ассоциации.

Отсутствие психологической альтернативы – вот, пожалуй, что особенно остро ощущаешь, соприкасаясь с сегодняшними неформалами.

Недавно задал знакомому вопрос:

– “Вечерку” сравнивают с “Таймс”, а аналогом чего, по-твоему, является “Свободное слово”?

Знакомый почесал в затылке и то ли в шутку, то ли всерьез вдруг ляпнул:

– Аналогом газеты американских коммунистов.

– Почему?

– Трудно сказать. Исходные условия, наверное, похожие.

Исходные условия в самом деле похожие, но дело не только в этом. Есть в нашем самиздате “свой” “Огонек”, есть даже “своя” “Правда”. Но нет “своего” “Нового мира”. Конечно, существуют неплохие литературные журналы, но нет высококачественной художественной публицистики. Иногда кажется, что размышлять и неторопливо писать люди могли только в годы застоя. Сейчас можно только кричать. Тогда услышат.

3. Проблема протеста

Проблема Демократического союза в некотором смысле шире, чем это может показаться стороннему читателю. Я взялся за эти заметки с едва осознанной потребностью объяснить своему (быть может, вымышленному) читателю и самому себе, почему я так много внимания уделяю ДС. Один мой знакомый сказал, что, по его мнению, ДС как серьезного политического явления, как реального фактора в большой (да и не только в большой) политике не существует. На мой же взгляд, серьезность ДС именно в его несерьезности. ДС возник, неизбежно должен был возникнуть как промежуточный этап пробуждения нашего общества, как следствие попытки заняться политикой в то время, когда еще не создано предпосылок — экономических, социальных, интеллектуальных, — когда радикализм дээсовского типа определялся советской политической культурой, архетипами советского менталитета: "все сразу и до конца". Экологическая ниша ДС, с этой точки зрения, возникла раньше появления ДС как организации. Я вижу объективность и неизбежность этого в наше время, но не могу согласиться с традицией, которую формирует ДС самим фактом своего существования. Так же как и "Память", Демократический союз — нечто большее, чем просто организация. Это целый пласт нашего сознания. *Советского сознания*, вывернутого наизнанку.

Для меня "проблема ДС" — прежде всего *проблема протеста* в условиях советской системы, в условиях искаженной системы координат, где всякое, почти всякое, движение возвращает нас в исходную точку.

Я бы сказал, что свобода сейчас *важнее* демократии, и в некотором смысле свобода возможна и без демократии.

Свобода как экзистенциальное возрождение личности должна предшествовать, быть необходимой предпосылкой демократии как политического возрождения социума. Не хочу сейчас подробно останавливаться на соотношении этих понятий, — это уже блестяще сделано Н.А.Бердяевым в книге "Судьба России". Но замечу лишь: *свобода* — прерогатива *индивидуума*, личности, *демократия* же — понятие *социальное*.

Мы по-прежнему обречены идти марксистским путем, путем "социального детерминизма" и политического активизма, ставя социальность *перед* личностью, сосредоточив свои усилия на изменении лишь внешних и очевидных атрибутов тоталитаризма. В своей политической практике мы ориентируемся на социальность человека, а не на его экзистенцию, не на то, что Бердяев называл "внутренним одухотворяющим началом, но не внешним принципом в политике".

Здесь, правда, стоит сделать уточнение. Сама природа *политики* социальна, политика по определению ориентирована на социальные отношения, на их активизацию, рационализацию, трансформацию.

Но тогда — как же? Либо-либо? Либо мы занимаемся политикой, хороша она или плоха, либо чем-то другим, выходящим за рамки политической деятельности?

Однако жесткой дилеммы здесь, на мой взгляд, нет. Я имею в виду всего лишь самое *качество* нашей политики. Необходимость ценностной ориентации в ней на *человека*, индивидуум, на личность как на основной субъект нашей деятельности; ориентации также на *внутренний* смысл некоторых столь часто употребляемых понятий: "свобода", "демократия", "плюрализм"...

На первом съезде Демократического союза я говорил о том, что поспешное политическое конституирование, поспешная игра в создание "партий", обзаводящихся атрибутикой, в то время когда отсутствуют необходимые *предпосылки* (прежде всего интеллектуальные), может приводить к появлению изначально *дефективных* политических структур, свидетелями чему мы и являемся.

Борис Иванов в беседе со мной сказал, что прекрасно видит априорность интеллектуальных построений ДС, тривиальность этой организации, но не придает этому большого значения. По его мнению, это *неизбежная* тривиаль-

ность. Я отношусь ко всякой политике прежде всего как к интеллектуальному процессу, и рассматривая ДС в этих координатах, я далек от равнодушия.

И д е я, управляющая развитием ДС, — это "погоня за призраком", бесконечный и бесплодный поиск Абсолюта в политике. Бесплодный потому, что в политике Абсолют невозможен, "политика вся погружена в относительное" (Бердяев). Это — перманентное стремление к р а д и к а л и з а ц и и, стремление "поднимать планку" все выше и выше. Радикализм — это способ существования ДС, его экологическая ниша.

Правда, ленинградский активист ДС Вадим Лившиц говорил мне о положительном аспекте такой "полюсной экологической ниши" ДС. По его мнению, будучи "всегда впереди" (пусть даже такая позиция не всегда конструктивна), Демократический союз как бы "вытягивает" за собой все другие организации, первым пробивает брешь в стене, в которую затем идут "все остальные" — Народный фронт и др. Что ж, от скромности ДС, видимо, не умрет.

В сущности, логика, управляющая ДС, есть логика "от обратного", иными словами логика *негативная*. Девизом ДС вполне могло бы стать название пьесы М.Шатрова: "Дальше, дальше, дальше..." Так ДС решает *проблему протеста*. Но все это "уже было": и абсолютная уверенность в избранном пути, и апофеоз радикального Отрицания.

4. Мораль и нравственность

Мои размышления на эту тему начались с одного забавного случая. Около года тому назад некая оппозиционная партия, собравшись на очередной свой съезд, занесла в "Уставные принципы" программы следующие слова — "Жить не по лжи". Иначе говоря, члены этой организации *в уставном порядке* были обязаны быть нравственными людьми.

Некоторое время спустя, от одной женщины, члена этой партии, я услышал восхитительный силлогизм о том, что провозглашать в Уставе, что мы живем не по лжи — значит *уже жить по лжи*. Возводить нравственность в уставный императив — само по себе безнравственно.

Нравственность, на мой взгляд, есть нечто глубоко личное, неформальное. Устав, напротив, — нечто формально-обязательное, общественное, коллективное.

В этом контексте было бы интересно разобраться с тем, чем *мораль* отличается от *нравственности*.

Нравственность никогда не выступает в качестве позитивного императива, и в этом ее основное отличие от морали, которая всегда императивна. Нравственность есть некий минимум, ряд самодостаточных аксиом, не требующих доказательств. В конечном счете этих принципов не так много, и они могут быть сведены к набору библейских заповедей: "не убий", "не укради" и т.д.

В сущности, нравственность всегда выступает с частицей "не". Она — некий запрет, табу, граница, которую нельзя преступать. Именно поэтому нравственность самодостаточна, не нуждается в каком-либо дополнительном провозглашении, доказывании, тем более уставном навязывании. Нравственность однозначна и априорна.

Сущность *морали* как концепции, кодекса нравственности в этом смысле в корне противоположна. Мораль — всегда императив, призыв, обращение, воззвание.

"Ты записался в добровольцы?"

"Сможешь выйти на площадь в тот назначенный час?"

Последняя фраза, будучи строкой в песне Галича, оставалась чем-то внутренним, интимным, ненавязчивым. Эти слова звучат в песне больше как вопрос: сможешь ли? подумай!

Иное дело — когда видишь эти слова на партийном билете Демократического союза. Здесь встает призрак красноармейца с наставленным на тебя указательным пальцем:

"ТЫ ЗАПИСАЛСЯ В ДОБРОВОЛЬЦЫ?"

И точно такая же интонация, тот же самый а р х е т и п:

"ТЫ СМОЖЕШЬ ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ В НАЗНАЧЕННЫЙ ЧАС?"

Местоимение "Ты", отсутствующее в задушевной строке Галича, здесь появляется крупным плакатным обращением.

— Позвольте, позвольте! — скажет какой-нибудь Акакий Акакиевич. — С какой это стати я должен выходить на площадь в назначенный час? А может, я не знаю, как доехать до этой площади!

И вот тут наш призрачный красноармеец, на буденовке которого вместо звезды вдруг появились буквы "ДС", ухмыляется, преобразается в этакое агитатора с пачкой листовок и говорит нашему Акакию Акакиевичу:

— Не знаешь — научим! Не хочешь — заставим! По струнке ходить будешь, но счастливым станешь!

Но — остановимся. Право, слишком много фантазий от одной только строчки в Уставе — "Жить не по лжи". Пусть эти слова останутся индивидуальным кредо каждого из нас и никогда не превратятся в листовочный призыв. Слишком много идей было сведено на нет агитпропом. ●

Ленинград, 1 мая 1990 г. Дворцовая площадь

«ТЯЖЕЛАЯ ТЕМА»

Беседа с Юрием Решетовым

В июне с.г. наш специальный корреспондент Кронид Любарский, аккредитованный на совещании по сотрудничеству и безопасности в Европе («человеческое измерение») в Копенгагене, встретился для беседы с главой советской делегации на этом совещании Юрием Решетовым. Мы публикуем запись этой беседы.

Доктор юридических наук Юрий Александрович Решетов (р. 1935) в настоящее время возглавляет Управление по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД СССР. На дипломатической работе — с 1959 г., работал в посольствах СССР в Исландии и Дании, в Секретариате отделения ООН в Женеве. В 1980–1986 гг. работал научным сотрудником Института государства и права АН СССР. С 1986 г. снова в МИД СССР, в 1989 г. назначен начальником Управления по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД СССР. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посланника 2-го класса.

Давайте начнем наш разговор о правах человека с самого свежего документа — принятого буквально на днях Верховным Советом СССР Закона о гражданстве СССР. Это не закон времен «застоя», он принят в самый разгар перестройки и попыток создания правового государства. И тем не менее в нем сохранены практически все антидемократические черты прежних законов. Статья 15-я Всеобщей декларации прав человека гласит: «Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства». А по новому закону — вполне может, даже без особого труда.

Конечно, есть высокие стандарты, и к ним надо стремиться. Но есть еще и обязательства государства, и иногда эти обязательства и существующие высокие стандарты не совпадают. Мне кажется, по вопросу о гражданстве мы до этих стандартов не дотягиваем. По крайней мере количество оснований, по которым может быть отобрано гражданство, в этом законе сокращено. Теперь не может быть лишен гражданства человек, пребывающий на территории своей страны. Что же касается гражданства советских людей, постоянно проживающих за рубежом, то, по моему мнению, двойное гражданство, если не должно быть введено уже сейчас, то, по крайней мере, отношение к нему должно быть очень либеральным. И здесь шаг в направлении двойного гражданства сделан.

А как же ст. 11-я Закона: «Непризнание за гражданином СССР принадлежности к гражданству иностранного государства»?

Вы неправильно толкуете эту статью. В таком же плане построено законодательство 99% государств мира. Непризнание принадлежности к гражданству иностранного государства отнюдь не означает отрицание принципа двойного гражданства. Эта статья означает следующее: когда человек, являющийся гражданином Советского Союза и одновременно Франции, Бельгии, Израиля и т.д., попадает в Советский Союз, совершает уголовное преступление, и местная юстиция предъявляет ему претензии, то он может сказать: «Я гражданин, скажем, Бельгии». А мы ему отвечаем: «Мы не признаем вашего гражданства. Вы для нас — гражданин Советского Союза». Вот что означает названная вами статья.

А раньше существовало положение, когда были возможны такие, например, случаи. Наша гражданка, проживающая, скажем, в Чехословакии, имела еще

и чехословацкое гражданство. И наши органы чинили ей препятствия по въезду в Советский Союз. Вот этого более быть не должно. А когда человек на нашей территории, то к чьей же юрисдикции он относится?

Спасибо за разъяснение. Но ст. 11 – не главная статья Закона, которая меня тревожит. Главное, что вызывает не просто тревогу, а резкий протест, это статьи 22 и 23 Закона. В статье 22 речь идет об «утрате гражданства». Оказывается, например, что, «если лицо, постоянно проживающее за границей, не встало на консульский учет без уважительных причин в течение пяти лет», то оно автоматически утрачивает гражданство. Консульский учет – это всего-навсего бюрократическая процедура, и не более того. И вот оказывается, что принадлежность к гражданству, полученная по праву рождения, утрачивается, да еще автоматически, просто в результате невыполнения гражданином бюрократической формальности. Что касается статьи 23, то единственное ее «улучшение» – это то, что вы сейчас сказали: нельзя лишить гражданства лицо, находящееся на территории своей страны. В остальном все остается по-прежнему: можно лишить гражданства человека, временно находящегося за рубежом, за «действия, наносящие существенный ущерб государственным интересам или государственной безопасности СССР». Ясно, что лишение гражданства – это серьезное наказание для любого человека. И это наказание налагается не судом, а, согласно ст. 31 Закона, Президентом СССР, то есть исполнительной властью. Более того, не предусмотрено никакой процедуры судебного обжалования такого решения Президента. А решение это, в соответствии со ст. 40 Закона, принимается на основании «представлений» все тех же хорошо известных «государственных органов». Ясно, что Президент не может, да и не должен проводить свое собственное независимое расследование. А это значит, что фактически судьба человека решается теми «материалами», которые на него представляет КГБ. Никто не заслушивает возражений со стороны самого гражданина, доводов в его защиту. Такая возможность не предусмотрена, все делается даже без ведома гражданина.

Ну, я, собственно, с того и начал, что наш закон в отношении гражданства отстает от наших международных обязательств. Но не могу не высказать своих соображений по затронутым вами пунктам. Вы правы: учет граждан, проживающих в зарубежной стране, можно считать и формальностью. Но этот учет давно уже потерял характер слежки за гражданами: он нужен для организации работы с ними и выполнения некоторых важных функций. Например, для подготовки консульских округов, чтобы советские граждане приняли участие в выборах. Гражданство ведь предполагает целый ряд прав и обязанностей. Как же может гражданин реально осуществлять свои права и обязанности, если даже неизвестно, где он находится?

Вы упомянули о выборах. Сейчас и внутри Советского Союза явка к избирательным урнам составляет порой 60%, а то и ниже. Значит ли это, что не явившиеся 40% (в Армении, например) заслуживают, в сущности, лишения гражданства?

Нет, гражданин, который живет на территории Советского Союза, достаточно плотно связан с общественными структурами. А лицо, проживающее за границей, может быть с ними никак не связано, продемонстрировать полное отсутствие интереса к ним. Между прочим, возникает еще вот какой вопрос. Сейчас идут дебаты относительно Закона о въезде и выезде. Закон этот, видимо, скоро будет принят. Но одно из возражений против этого закона такое: он может разорить страну. Если сейчас в отношении граждан, выезжающих на постоянное жительство, выдача государством валюты сводится к очень небольшой сумме, не решен вопрос о вывозе имущества, то тем людям, которые выезжают временно, надо дать какие-то деньги. А те, которые критикуют закон, говорят: а почему советский гражданин, выезжающий за границу, живущий и работающий там три-пять лет, не должен быть связан никакими финансовыми обязательствами? Надо сделать так, чтобы выезд не сопровождался убытками для страны. Но как же это сделать, если даже неизвестно, где граждане живут?

Но ведь можно наказать такого недисциплинированного гражданина большим денежным штрафом за неуплату налогов, есть тысячи и других способов воздействия на человека, если он не выполняет своих гражданских обязанностей. Но лишить гражданства? Ведь вы же не знаете его обстоятельств, может быть, этот человек находится в бедственном состоянии и не может связаться с консульством, мало ли что с ним может случиться! Вы же его лишаете гражданства автоматически, даже не выслушав!

А разве я сказал, что я согласен с этой статьей? Более того, озабоченность, которую вы высказываете, это озабоченность патриотическая. Но я все-таки не мог не сослаться на этот бюрократический довод.

Теперь второе. Мы с вами тоже сходимся в отправных положениях в отношении лишения гражданства. Но вот один из доводов, хотя я всегда подчеркиваю: это не значит, что я его полностью разделяю. Понятие гражданства – это выражение юридической связи и лояльности гражданина по отношению к государству. Ну, лояльность – это, конечно, не юридический термин... Видимо, когда эта лояльность не только находится на нуле, но и приобретает отрицательный оттенок, тогда и возникают такие вопросы. Хотя, конечно, в принципе нужны подходы, полностью соответствующие нашим международным обязательствам.

Положения о «лояльности» как условия сохранения гражданства нет в законодательстве ни одного из цивилизованных государств. Но я говорил даже о другом: о процедуре установления факта «нелояльности». Это целиком оставлено на произвол КГБ, МВД и т.п.

Я с вами совершенно согласен, что здесь процедура должна быть какая-то другая: судебная или, если и административная, то полусудебная, чтобы человек мог себе нанять адвоката и защитить себя. Хотя, конечно, роль государственных организаций, вами упомянутых, сейчас сильно меняется, и сейчас никогда не бывает, чтобы те данные, которые они представляют, оставались без вопросов, не подвергались сомнению. Но по этому поводу я, в общем, с вами более согласен, чем несогласен.

Я думаю, что Закон о гражданстве имеет еще существенные недостатки, и вы привлекли внимание к таким его местам, которые, надеюсь, не долго в таком виде пробудут.

Вы считаете возможным, что только что принятый закон в скором будущем может быть изменен?

Ну, я говорю только за себя. Я думаю, нам надо знать вашу точку зрения, поскольку вы представляете определенную часть общественного мнения советских граждан, оказавшихся за рубежом. Но хотелось бы видеть побыстрее время, когда у нас будут созданы общественные структуры, где бы советские граждане и граждане, проживающие за рубежом, могли бы на равных ставить эти вопросы, а не так, как сейчас – в личной беседе, далеко от широкого общественного обсуждения. И вообще говоря, если сказать честно, все эти статьи закона должны были бы обсуждаться самими советскими гражданами, проживающими за рубежом.

Сейчас имеются многие импульсы, направленные на то, чтобы наше общение с соотечественниками за рубежом приобрело постоянный институционализированный характер. Сейчас в этом отношении имеются большие замыслы. Мы понимаем, что в основе нынешнего положения лежит стереотип отношения к соотечественникам за рубежом: как бы он ни уехал – он «плохой», потому что настоящие граждане обязательно должны «жить и умереть» в Москве, а не в Париже.

Я понимаю, что у разных наций отношение к проблемам такого рода складывается по-разному. У русских, жителей больших просторов, где общение с иностранцами было незначительным, отношение было иное, чем, скажем, у

норвежцев, основывавших разные государства. Но тем не менее современные представления прокладывают дорогу. Самое главное – сломать стереотипы. В отношении соотечественников за рубежом должна быть выработана государственная политика.

В этой связи я хотел бы спросить о вашем отношении к Указу ПВС СССР от 1967 года, согласно которому лица, выезжающие «по израильской визе», автоматически лишаются советского гражданства.

Этот Указ уже мертв. Все согласны с необходимостью его отмены. Но была сделана бюрократическая ошибка. Его формальная отмена связана с принятием Закона о въезде и выезде из СССР, хотя, по существу, он более относится к Закону о гражданстве. Но он уже вписан в типографской форме в Постановление о порядке ввода в действие Закона о въезде и выезде: считать его с этого момента лишенным силы.

Я всегда выступал против этого Указа. Во-первых, он противоправен, противоречит законодательству о гражданстве, которое предусматривает возможность лишения гражданства только специальным решением высшего органа власти в индивидуальном порядке и за конкретные действия. А здесь лишение гражданства производится огульно. Во-вторых, в условиях взрывоопасной обстановки на Ближнем Востоке отмена этого Указа – одна из тех мер, которая будет и в интересах евреев, и в интересах арабов. В интересах евреев потому, что Указ подрывает родственные, дружеские и иные связи с уезжающими. Арабские государства тоже приветствуют отмену этого Указа, потому что они считают, что разрывать пуповину, связывающую со страной еврейских граждан, уезжающих из Советского Союза, – это значит отдавать их в жертву продолжающей оставаться очень сомнительной внешней политике Израиля.

Будет ли в постановлении об отмене этого Указа специальный пункт о том, что все конкретные решения, уже принятые на основе этого Указа, также утрачивают силу? То есть будет ли это постановление обращено в прошлое?

Я понимаю, что полной справедливости мы тут не достигнем. Пока будет так, что те люди, которые хотят восстановить свое гражданство, должны обратиться с заявлением к Верховному Совету. Тут я вам приоткрою одну тайну, хотя, собственно, какие тут могут быть тайны! В действующем законодательстве говорится, что человек, который хочет восстановить свое гражданство, должен обратиться в Верховный Совет. Под это положение Закона была подведена ведомственная инструкция о том, что это заявление должно быть в письменной форме. Когда мы в комиссии по вопросам гражданства рассматривали вопрос о восстановлении гражданства М.Ростроповичу, то я был среди тех, кто сказал: «Нет, нам такие подзаконные инструкции не нужны». И мы тогда спросили министра культуры Н.Губенко, есть ли у него свидетельства того, что Ростропович ставит вопрос о восстановлении гражданства. Ответ его можно было интерпретировать таким образом, что такое обращение есть, оно было в устной форме. И было решено, что это полностью удовлетворяет существующей норме закона, а на инструкцию мы не должны обращать внимания.

Я думаю, что пока каких-либо действий, чтобы восстановить в гражданстве всех, лишенных гражданства, не будет, а будет это делаться на индивидуальной основе, в случае получения представлений от тех или иных граждан. И я думаю, это правильно. Ведь мы чего боимся: во многих случаях это может оказаться опять же огульным навязыванием гражданства. Мы не знаем, что произошло со многими из этих граждан. Может быть, в нынешней ситуации для гражданина, живущего в Израиле, восстановление советского гражданства приведет к каким-то трудностям для него, осложнениям. Может быть, он этому не рад...

Ну, во-первых, легко найти компромиссное решение. Граждане Израиля – бывшие советские евреи долго добивались своего права на алию, на возвращение на историческую родину. Практически все они подали заявление о выходе из советского гражданства, многие отказники по несколько раз подкрепляли это голодовками и т.п. Естественно, что вопрос о возврате им гражданства не стоит. Речь идет как раз о тех, кто никогда не подавал никаких заявлений о выходе из гражданства, – это, как правило, не жители Израиля. Справедливо было бы им гражданство восстановить, не дожидаясь просьб с их стороны. Далее, я хотел бы возразить против ваших слов: «огульное навязывание гражданства». У нас уже есть очень хороший пример «огульного» восстановления справедливости: отмена всех решений, вынесенных не судами, а знаменитыми «тройками», отмена без разбирательства с каждым случаем индивидуально. Логика проста: было совершено массовое беззаконие на основе антиконституционных постановлений, и, отменив эти постановления, справедливо отменить и принятые на их основе незаконные решения.

Я с вами опять же больше согласен, чем несогласен. Видите ли, и сам-то вопрос об отмене Указа вот только что недавно был решен и сейчас находится в последней фазе оформления. Ваша точка зрения тоже подталкивает на какие-то действия в этом направлении.

Существует еще и понятие человеческого достоинства. Для лиц, никогда не желавших покидать страну, не просивших о выходе из гражданства и уехавших вынужденно, подчас под угрозой ареста, будет ниже их достоинства просить о восстановлении гражданства. Оно должно быть им возвращено самим государством, и более того, перед гражданами должны публично извиниться. Мне вообще кажется, что советское руководство не понимает, что публичное извинение не только не унижает того, кто извиняется, а напротив, может вернуть ему утраченное уважение. Например, положение дел с реабилитацией репрессированных. Реабilitируют потихоньку (кроме немногих особых случаев) и никогда не извиняются, не просят прощения.

Ну, это вопрос политической культуры. Я с вами согласен в отношении такого рода действий со стороны властей. Надо сказать, что понемногу это входит в практику. Вот другой пример: недавно была очень волнительная встреча матерей «афганцев», и там выступал Д.Язов. Он говорил о том, что приносит извинения со стороны руководства армии. Но ведь вопрос этот воспринимается таким образом: те люди, которые сейчас будут извиняться, они не только не имели никакого отношения к этим действиям...

Но ведь они извиняются от лица государства!

Я с вами согласен. Мы знаем, что такие жесты – это, по существу, не просто жесты, а занятие определенной позиции по такому-то вопросу. Я думаю, что ваше наблюдение достойно пристального внимания и, по возможности, внедрения в практику. Хотя при том обилии кровоточащих проблем, какие есть у нас... Делать такие вещи в Бельгии, наверное, гораздо легче, чем у нас в стране.

Я бы хотел теперь коснуться вопроса, связанного с темой, которую вы ранее вскользь затронули. Меня очень поразило заявление, сделанное М.Горбачевым на пресс-конференции в Вашингтоне. Его смысл был таков: если Израиль будет продолжать расселять советских эмигрантов на оккупированных территориях, мы вынуждены будем приостановить эмиграцию. Получается так: когда надо удовлетворить конгресс США, чтобы добиться отмены поправки Джексона-Вэника, принимается закон о выезде, эмиграция расширяется. Когда надо удовлетворить арабские страны – эмиграция останавливается. Я сейчас не обсуждаю вопрос о правоте ближневосточной политики Горбачева по существу. Речь идет о том, можно ли одно из основных прав человека – право покидать любую страну, включая свою собственную, – превращать всего лишь в инструмент для достижения сиюминутных политических целей? Можно ли говорить о гарантиях прав человека при таком уровне правового мышления Президента?

По этому вопросу у меня согласия с вами будет меньше. Вопросы об эмиграции мы, конечно, должны решать в перспективе советско-американских отно-

шений, соглашения о торговле и т.п., но прежде всего мы должны думать о предоставлении этого права советским гражданам. Я всегда говорю: хорошо, чтобы тебя хвалили за границей, но когда тебя хвалит свой народ – это, наверное, самое важное, а когда хвалят и там, и здесь – это уже совсем прекрасно.

По вопросу же об Израиле я с вами полностью несогласен. И дело тут вовсе не в политике. Пакты о правах человека, Всеобщая декларация прав человека – все они пронизаны мыслью о том, что реализация прав не должна осуществляться за счет третьих лиц, за счет умаления прав и свобод кого-либо другого. Здесь мы имеем дело с ясным случаем осознанного поведения правительства, которое таким образом ведет дело в отношении лиц, эмигрировавших из Советского Союза, что под удар ставятся не менее фундаментальные права арабов. В этом отношении все ключи лежат не в Москве, а в Тель-Авиве. Можно провести такую параллель. У нас в Советском Союзе примерно двести человек в год отказываются служить в армии по религиозным убеждениям. Так вот, умного законодателя это должно подтолкнуть на мысль, чтобы принять закон об альтернативной военной службе. А глупый законодатель рассуждает: стоит ли в законе специальную статью иметь из-за того, что на весь великий и могучий Советский Союз есть двести человек отказчиков.

Так же и для израильского правительства, которое постоянно говорит о том, что это всего лишь горстка людей – на оккупированных территориях. Вместо того, чтобы нагнетать напряженность, и не только на Ближнем Востоке, и ставить под угрозу эмиграцию из Советского Союза, надо предпринять какие-то действия, чтобы этого не было. Ведь никто же не призывает к каким-то варварским действиями. Никто не призывает хватать и куда-то вывозить тех, кто уже поселился на территориях. Но создайте какую-то правовую процедуру предупреждения выезжающим гражданам о том, что им настоятельно не рекомендуется селиться на этих территориях. А израильское правительство из-за этой группки людей сейчас все кругом закрутило – и на Ближнем Востоке, и в московских ОВИРах. И никакого сдвига нет. Я думаю, что тут все ключи лежат в Тель-Авиве.

Ну, мы с вами обсуждаем не вопросы международной политики, а права человека, проблемы нашей страны, которые задевают нас больше всего. Вернемся к ним. Мы говорили о коллективном восстановлении справедливости в отношении лиц, принужденных к эмиграции, и об извинениях перед ними. В этой связи я упомянул о другой, сходной проблеме. Сейчас отменены статьи Уголовного кодекса РСФСР 190¹ и (в прежней форме) 70-я, признано, что они были антиконституционными. Лица, осужденные по этим статьям, освобождены (есть несколько исключений, когда в приговоре, кроме названных, фигурируют и другие статьи). Так не пришло ли время извиниться перед этими людьми и реабилитировать их всех сразу, не требуя, чтобы каждый из них отдельно просил о реабилитации?

Я думаю, что до этого дело должно дойти. Сначала были реабилитированы лица, репрессированные во внесудебном порядке. Теперь идет громадная работа по реабилитации лиц, репрессированных в судебном порядке. Конечно, мы хорошо понимаем, что это был за «судебный порядок», каков был характер инстанций, которые это осуществляли. Но тем не менее какой-то контроль за обстоятельствами дел возможен, а их, как вы знаете, десятки и десятки тысяч. Сейчас огромный аппарат, прокурорский и судейский, занят этим делом, все работают буквально до изнурения. Я знаю конкретных людей, которые этим занимаются. Я думаю, что дело должно потом дойти и до тех, которые были осуждены по названным статьям. Но на первом этапе надо довести до конца работу по пересмотру дел лиц, которые еще сидят по совокупности статей – общеуголовных и по ст. 190¹. Оставление ст. 190¹ в приговоре в любом случае неоправданно с юридической точки зрения. Но

кроме того, эта статья нередко была той каплей, которая утяжеляла суммарное наказание, так что и весь приговор должен быть соответственно пересмотрен.

Это правильно. Но, говоря о реабилитации, не лучше ли, учитывая «перегруженность» юристов, начать не с дел 20-х – 30-х годов, а с наших дней, и уже от них уходить в глубь времен. Для репрессированных пятьдесят и более лет назад реабилитация если и нужна, то лишь для восстановления исторической справедливости. Для политзаключенных же последнего времени это еще и сама сегодняшняя жизнь. Царь Соломон сказал: «Живая собака лучше мертвого льва».

Я с вами в этом отношении не согласен. Если уж говорить, с чего начинать, я бы все же предпочел начинать оттуда, и вот почему: если еще жив человек, которому в 1937 г. было, скажем, 25 лет, то сейчас самое последнее время, чтобы реабилитировать его при жизни.

Но, конечно, лучше всего было бы все вместе сделать. Такой подход правомерен, и мы эти требования сейчас все время слышим.

Будем надеяться, что это произойдет скоро. Теперь о политзаключенных, которые еще сидят. Вы знаете, что я уже больше десяти лет составляю списки политзаключенных. Я рад тому, что число политзаключенных в этих списках, первоначально только возраставшее, сейчас резко уменьшается и ко времени нашей беседы упало примерно до ста человек. Конечно, этому надо радоваться, но все же: сто человек – это сто отдельных жизней. Понятно, есть в списке многие лица, дела которых не до конца ясны, нуждаются в проверке, но есть и такие, в политическом характере которых давно уже нет никаких сомнений: Богдан Климчак, например. Почему сейчас, в 1990 г., эти люди еще сидят? Если не из соображений восстановления справедливости, если не из соображений гуманности, то хотя бы из государственных соображений укрепления престижа Советского Союза этих людей давно бы надо освободить. Далее. 29 мая из Бутырской тюрьмы в Москве был освобожден видный деятель армянского национального движения Аркадий Манучаров. Но он был освобожден не «вчистую», дело против него не было прекращено, изменена лишь мера пресечения: у него взята подписка о невыезде. Суды, в том числе и Верховный суд Белоруссии, трижды отказывались рассматривать дело Манучарова, направляя его на дополнительное следствие, выносили постановления о немедленном освобождении Манучарова. Аркадий Манучаров дважды избирался депутатом Верховного Совета Армении и обладает парламентской неприкосновенностью. Тем не менее наша юстиция совершенно спокойно это игнорирует.

Видите ли, у меня сейчас этих материалов нет, и я не могу говорить об именах. Вот у вас есть твердая убежденность, что таких людей надо освободить. Я не могу сказать, что у меня по какому-то из этих случаев есть такая убежденность. Как вы знаете, мы ведем по этим вопросам диалог с американцами, и честно говоря, я сожалею, что мы об этом чаще говорим с американцами, чем с нашими правозащитниками, с их организациями в Советском Союзе. Я надеюсь, что недавно созданный Комитет по правам человека¹, дай Бог, наберет темпы и станет действительно независимой общественной институцией, которая будет шипать судебным властям нервы. Если этого не будет, то он никому не нужен, – это будет еще одна контора для поездов за границу.

Вот возьмем историю суда над Сергеем Кузнецовым. Я бы с интересом прочитал книгу, в которой она была бы описана с начала до конца: что и как было, как все решалось в суде первой инстанции, на уровне областного суда и т.д. Я принимал в этом деле самое активное участие, хотя и получал попреки за то, что пытаюсь оказать на юстицию недозволенное влияние.

Но бывало, что американцы, тоже в полной убежденности, давали нам слу-

¹ Имеется в виду Комитет советской общественности по правам человека и международному гуманитарному сотрудничеству во главе с зав.кафедрой Академии общественных наук при ЦК КПСС, народным депутатом СССР профессором Д.Керимовым. – Ред.

чан, относительно которых мы доказывали, что эти люди сидят даже не просто за общеуголовные преступления, а за преступления насильственного характера, и американцы такие случаи вычеркивали.

Я думаю, что это все должно быть предметом дискуссий, но в тех пределах, в которых возможно вмешательство в судебные дела. Какого-то мазохизма тут тоже не должно быть. Вот у нас сейчас в первом чтении принято несколько законов о правах человека. Они неплохие. Так вот наши иностранные коллеги нам иногда говорят: а вы порекомендуйте, чтобы уже сейчас начали применять положения этих законов. На это я могу только ответить: а вы попросите конгресс США порекомендовать применять непринятый закон. Это я говорю и в отношении судебных дел. Я, конечно, совершенно понимаю и роль, и положение нашего суда. Судья – это должна быть работа на всю жизнь. Он должен иметь высокий общественный статус. Он должен иметь уровень обеспеченности, при котором он может спокойно отбросить любую попытку давления на него. И конечно, ему же должен соответствовать сильный адвокат. Я думаю, что и судьи, и адвокаты у нас появляются.

Я не знаю, есть ли у вас такой вопрос или нет. Вот иногда представители еврейства говорят: у нас антисемитизм. Например, был конкретный случай, когда в связи с проведением первой конференции еврейских организаций здания стоял человек с лозунгом «Смерть евреям!». Я говорил с заместителем министра внутренних дел. Он сказал: «Дайте фотографию, пусть даже очень плохую, нерезкую, и мы из восьми миллионов жителей Москвы этого человека найдем. Он будет осужден». Фотографии я так никогда и не получил. Так что, в случаях, связанных с конкретными делами, надо быть очень осторожным.

У вас есть протокол пленума Союза писателей РСФСР, прославившегося своей антисемитской направленностью. Там все имена известны.

Вопрос этот очень сложный. Ко мне приезжал один известный английский журналист, который потом в своей газете назвал меня чем-то вроде «фашиста», потому что я отказался содействовать тому, чтобы все члены общества «Память» были, если не репрессированы, то разогнаны. Меня в этом отношении также просто поразила резолюция Европейского совета, принятая два года назад. Как можно, обладая правовым сознанием, диктовать стране, кого им запрещать? Я уж не привожу расхожего примера Ку-Клукс-Клана. Вот недавно пригласили в Москву очень видного американского юриста. Я его слушал в американском посольстве. Он говорит, что в Америке человек может до истощения кричать: «Смерть итальянцам, смерть пуэрториканцам!», – и полицейский его не тронет, если в следующий момент он с топором не погонится за итальянцем. Я думаю, что мы у себя не должны допускать такого либерализма. Мы должны таких людей сажать за решетку. Но почему люди сами по этому поводу не обращаются в суды? Зачем бежать к мировому общественному мнению, вместо того, чтобы пойти к народному судье?

Но ведь это дела не частного обвинения. Ст. 74 УК РСФСР относится к числу «государственных преступлений».

Нет, по всем статьям УК РСФСР и союзных республик первое право возбуждения уголовного дела всегда принадлежит гражданину.¹ Если государство ничего не делает, то почему граждане, которые этим возмущены, молчат? Я вам скажу откровенно. Если два года назад у нас преподавание

¹ Ст. 108 УПК РСФСР: «Поводом к возбуждению уголовного дела являются: 1) заявления и письма граждан... 4) статьи, заметки и письма, опубликованные в печати...» Об антисемитских выступлениях на пленуме СП РСФСР в советской прессе было опубликовано огромное количество материалов («Огонек», «Московские новости», «Советская Россия» и др.). – Ред.

иврита, основание ешив, выпечка мацы и т.п. вызывали какие-то трения, то теперь таких случаев давно нет. И, по-моему, кто-то в полном прискорбии, что ничего нет, немножко накручивает жупелок антисемитизма. Потому что просто уехать за границу и сказать: я уезжаю от карточной системы – это означает подорвать свое реноме. А уехать от антисемитизма в Советском Союзе – это благородно, и американское посольство сразу тебя принимает как политического беженца. Хотя проблема есть. Но проблеме надо ставить так: фактически государственного антисемитизма у нас нет, но бытовой антисемитизм – его лицо достаточно препохабно. Он есть.

Я думаю, борьба с бытовым антисемитизмом у нас важнее, чем где бы то ни было, ибо национальные страсти накалены до предела. Америка может себе позволить описанный вами либерализм: там нет Сумгаита, Ферганы, Оша... У нас же любой лозунг «Смерть тем - то!» может сыграть роль взрывателя.

Да, но что касается именно антисемитизма, то у нас по крайней мере еврейские трупы из могил не выкапывают. А вот во Франции выкапывают. Есть жуткая мировая проблема антисемитизма, именно не просто расизма, а антисемитизма. У нас все далеко не в идеальном порядке. Но нельзя изображать дело так: вот там, в Советском Союзе – угнетатели, а в других странах – все в порядке. С антисемитизмом надо бороться повсюду.

С этим трудно не согласиться. Но мы, правда, по вашей инициативе, отвлеклись на проблемы антисемитизма от обсуждавшегося нами вопроса о политзаключенных. Я тоже с удовлетворением отмечаю, что в вопросе о политзаключенных советские власти все больше и больше идут на сотрудничество с Западом, и надеюсь, что они рано или поздно будут сотрудничать и с советскими правозащитниками. Я согласен с вами и в том, что в ряде случаев в результате обмена информацией выяснялось, что тот или иной случай действительно не имеет политического характера, и тогда это имя из списка устранялось. И наоборот, когда политический характер дела становился очевидным, то удавалось добиться освобождения заключенного. Все это лишний раз доказывает, что кампания за освобождение политзаключенных – не пропагандистская кампания для подрыва престижа Советского Союза. Мы много лет подряд призывали: давайте сядем вместе и, имя за именем, внимательно изучим весь список и освободим всех тех, кто несправедливо осужден. Процесс освобождения должен быть ускорен и в кратчайшие сроки завершен. Я мечтаю о дне, когда можно будет прекратить издание «Списка политзаключенных СССР».

Вы знаете, я думаю, когда на весь Советский Союз, на триста миллионов, останется пять человек отказников, то я скажу: все, больше по этому вопросу я не разговариваю, потому что просто нулевой вариант для страны, видимо, невозможен. Но что касается политзаключенных, то совершенно ясно, что тут должен быть нулевой вариант.

Я хочу поднять еще одну тему. Вот восстановили мы статью о привлечении к уголовной ответственности за помещение в психиатрическую больницу заведомо здорового человека. А ведь до сих пор никто не возбудил по этой статье ни одного дела. Хотя по процедуре помещения сейчас имеется примерно десять дел, когда люди считали, что их помещали в психбольницы неправильно. И во многих случаях эти дела были выиграны. А вот за помещение заведомо здорового человека пока еще никого не привлекли. Я хочу сказать вот что: юридические дела – вещь довольно тонкая. Мы не можем хотеть создать новое поколение свободных судей и в то же время доказывать им, что мы можем, как хотим, их топтать. Вот психиатрия – тема для меня близкая. Психиатры – это часть общества. Иногда в наших больницах реальная ситуация такова, что... Человека, бывает, сырой простыней завязывают только потому, что нет ни санитаря, ни кого-либо еще, просто чтобы спокойнее было... Но вот в Америке пятнадцать лет назад в психиатрических больницах было около 750 тысяч человек. Значительная часть из них не пред-

ставляла никакой социальной опасности. Я спрашиваю американцев: где те психиатры, которые их заключали, где их отрубленные головы? Нет таких.

750 тысяч госпитализированных принудительно или вообще находившихся в психбольницах?

Госпитализированных вообще. Из них значительная часть людей, не представлявших социальной опасности.

А все же – сколько принудительно?

У меня сейчас нет под рукой данных, они опубликованы в книге «Prisoners of Psychiatry», но во всяком случае не десятки, а сотни тысяч.¹ Но я не об этом. Положение американских психиатров сейчас значительным образом изменилось. И я спрашиваю: где их отрубленные головы? Вот так же и у нас. Конечно, должен быть поставлен вопрос об ответственности профессиональных корпусов юристов, психиатров. Но если вы хотите, чтобы это были уважаемые профессии, надо дать им возможность работать независимо, на высоком уровне, с уважением к самим себе.

Я тоже хотел поднять вопрос о психиатрии, тем более, что вы возглавляли советскую делегацию на конгрессе Всемирной психиатрической ассоциации в Афинах, на которой рассматривалось ходатайство Советского Союза о восстановлении его членства в этой международной организации. Не кажется ли вам, что в советской психиатрии сохраняется очень тяжелое положение? И речь идет даже не о «психиатрических» политзаключенных. Все знаменитые политзаключенные психбольниц освобождены, и, хотя в списке еще фигурирует целый ряд имен, – это пограничные случаи, заслуживающие независимого исследования. И тем не менее, ситуация едва ли улучшилась. Школа А.Снежевского оставила очень тяжелое наследие: практически все современное поколение психиатров воспитано в ее традициях, в традициях социальной безответственности. Психиатрический диагноз стал рассматриваться как клеймо, ставящее человека вне закона. Психиатрия, лишенная социальной ответственности, имеющая определенную карательную направленность, может использоваться и для наказания недовольных, непослушных, «разгребателей грязи» местного масштаба, сведения личных счетов... И до сих пор советскую психиатрию возглавляют все те же давно скомпрометированные люди. До тех пор, пока они командуют парадом, пока сохраняются те же структуры управления психиатрией, трудно избавиться от мысли, что преступная практика всего лишь «заморожена», и в любой момент к ней могут прибегнуть снова. Кстати, в Афины под вашим руководством приехали именно эти люди.

До сих пор Советский Союз относится к числу стран – таких стран немного, – где психиатры контролируют психиатров. Надо, конечно, чтобы их больше контролировали юридические инстанции. Сейчас в этом отношении подготовлен закон, намного, я думаю, сдвигающий дело вперед. Сейчас у нас возможность судебного обжалования всех решений психиатров есть, но это происходит тогда, когда уже все случилось. А надо, чтобы уже при принудительном

¹ По данным Американского союза гражданских свобод (АСГС) в 1980 г. в американских психбольницах находилось около трехсот тысяч человек, принудительно госпитализированных по гражданским делам, и около тридцати тысяч – по уголовным. Позднее это число несколько возросло. Так, последние имеющиеся данные – для 1986 г., – собранные Национальным институтом психического здоровья, таковы: 401 315 человек – по гражданским делам, 27 047 – по уголовным делам (соответственно, 25,1 и 1,7% всего населения психбольниц). Известны случаи, когда госпитализированы были люди, которые могли бы обойтись амбулаторным лечением (обычно это бедные или представители расовых меньшинств). Их делами энергично занимается АСГС и другие правозащитные организации. Случай «политических» госпитализаций в США неизвестны. В газетах появлялись сообщения об угрозах психэкспертизой для «возмутителей спокойствия» со стороны армейских чинов. В связи с этим в Конгресс внесен законопроект с целью предотвратить возможность реализации таких угроз. Система постановки на психиатрический учет в США отсутствует (она рассматривается как незаконное вторжение в личную жизнь). – Ред.

психиатрическом обследовании был представитель судебных или прокурорских органов. Второй вопрос – это атмосфера в самой психиатрической ассоциации. И когда я говорил о положении в Американской психиатрической ассоциации, я к тому делу и вел. Американцы никому голову не отрубали, хотя в их же собственных книгах описано множество случаев незаконных госпитализаций из-за того, что там цвет кожи не такой, человек немного строптивый, неуживчивый... Где тут политика начинается или кончается, на местном или ином уровне, – трудно сказать. Когда негра сажают – это тоже ведь политика. Неприятное, во всяком случае, дело.

Но я хочу сказать о положении в психбольницах. Вот наша система спецпсихбольниц – даже трудно понять, что это такое. На Западе думают, что они специально сделаны, чтобы политзаключенных сажать. Да ведь 99% их населения там только потому, что вопросы охраны их не смогли решить! А там солдаты служат. Это одно. Затем – контроль за психиатрией. И, конечно, наши психиатрические организации, сама корпорация психиатрическая должна стать свободным, самостоятельным, обновляющимся механизмом. К сожалению, сейчас этого пока нет. Всесоюзное общество невропатологов и психиатров является организацией почему-то при Министерстве здравоохранения. Неизвестно, когда в нем будут очередные выборы. Психиатрическая корпорация должна быть живой и энергичной и, конечно, в ней должно быть много всяких организаций, организаций спорящих. Сейчас такие организации начали создаваться. Ну, и как это бывает не только в России, но и везде, они сразу начали друг с другом враждовать. Надо, чтобы была и независимая экспертиза, и независимые научные центры и, конечно, надо, чтобы в самом подходе к больному произошел либеральный, демократический сдвиг. Чтобы одна школа перестала давить другую, чтобы, как китайцы говорили, расцвели все сто цветов. Авторитарные тенденции на самом верху психиатрии должны быть сведены на нет.

Это верно – в дальней перспективе. Но какие-то шаги можно предпринять уже сейчас, безотлагательно. Трудно, однако, ожидать коренных институциональных изменений, пока у власти в психиатрии все еще находятся такие люди, как М.Вартанян, Г.Морозов и другие, запятнавшие свою профессиональную честь и даже прямо соучаствовавшие в преступлениях.

Ну, по-моему, Вартанян ни одного человека никогда не освидетельствовал.

Не освидетельствовал, но именно он на всех международных форумах защищал и оправдывал преступные методы советской психиатрии. Я не призываю к мести, к судебному преследованию – это последнее, чего бы я хотел, но устранение их из психиатрии необходимо. Это, если хотите, и в интересах государства.

Я согласен с тем, что смена поколений в руководстве – одно из условий обновления нашей психиатрии.

Перейдем теперь к другому вопросу из области прав человека. Ст. 12 Пакта о гражданских и политических правах гарантирует каждому человеку свободу выбора места жительства на территории своего государства. Паспортный режим, система прописки, система «закрытых» городов эту статью очевидно нарушают. Я понимаю, что сейчас, в условиях экономического хаоса, немедленная отмена прописки создала бы для властей определенные трудности. Но паспортная система, рецидив современного крепостничества, создавалась не сегодня, «совершенствовалась» десятилетиями. Когда она будет ликвидирована?

Ну, вы сами заметили, какие проблемы с этим связаны. Попробуйте-ка сказать об этом москвичу, он вам ответит: мало того, что с продовольствием беда, теперь еще с жильем будет... Хотя само по себе положение, конечно, со-

вершенно нелепое. Чтобы выправить положение с трудовыми ресурсами, как раз надо, чтобы не было прописки. Какое тебе дело, где человек живет. Пусть он живет хоть в Смоленской области, но если он утром каждый день приезжает на работу – это его дело. Но паспорт – это ведь не обязательно прописка. Конечно, у нас сложилась такая дурацкая система, что паспорт стал чуть ли не единственным документом. Повсюду его требуют, там, где достаточно было бы удостоверения личности. Что касается удостоверения личности, то, кстати, на Западе человек компьютеризирован даже сильнее, всякие там банковские карточки и другие документы... Что здесь у нас можно сделать? Это задача очень хитрая. Надо решать конкретные вещи, связанные с жильем, с медицинским обслуживанием... Проблемы нарастают, встал вопрос со снабжением. Ну, это, может быть, только временный период, а вот с жильем, медициной, трудоустройством – как решить эти вопросы, чтобы ликвидировать феодальную прописку?

У нас в Министерстве юстиции, в МВД есть некие представления, как при и без того шатком положении экономики такой удар перенести. Тем более, что прописка – это вещь совершенно бессмысленная. Потому что с точки зрения трудового статуса она ничего не дает, только мешает. Сейчас ведь как рассуждают: ах, раз я прописался, значит, готовь мне квартиру. А если прописки не будет, то все проще: ты работаешь у меня, ну и что? Я тебе зарплату плачу, а как ты свою жилищную проблему решаешь, меня это совершенно не волнует. С медициной тоже как-то можно решить. Мы все знаем качество нашей медицинской помощи, но ведь если вам будет плохо, вас ведь все равно примут. Так что у нас есть такое представление, что за год-полтора надо будет сделать такую головоломную операцию. Но тут еще, честно говоря, есть много практических вопросов. Один из них довольно большой – это депутатский корпус. Из митинговой стадии они практически еще не вышли. Юристов работающих мало. Я имел самое непосредственное отношение к разработке трех из четырех законов по правам человека, особенно к Закону о въезде и выезде, который, по существу, в большой степени подготовлен мною. Над всеми этими законами, в сущности, работают одни и те же люди. А когда законы будут подготовлены, без депутатского корпуса не обойдется. Они тоже должны смотреть. Так что просто времени не хватает. Я понимаю, с точки зрения страждущих людей это не оправдание, но это есть.

К сожалению, у всех законов, которые сейчас принимаются, хорошие они или плохие, есть одно общее свойство – они все принимаются с запозданием. Создается впечатление, что возник устойчивый разрыв в полтора–два года между временем, когда надо было бы принять какое-то решение, и когда оно действительно принимается.

Ну, на разработку законов действительно нужно время. Но меня угнетает то, что отмена тех или иных положений занимает такое длительное время, хотя во многих случаях можно просто перечеркнуть и выбросить. Как с тем же Указом 1967 г. Как, наверное, с тем же вопросом о Союзном договоре. Не надо было так упорно стоять на позиции, что он не нужен, что его заменяет Конституция. Ведь ясно же, что если что-то и может дать дух новой федерации, то это должен быть разумный и хороший Союзный договор.

Если бы два года назад, когда впервые остро встал вопрос о Прибалтике, о республиканском хозрасчете, был заключен новый Союзный договор, то многих нынешних кризисов, наверное, удалось бы избежать. А сейчас, боюсь, что уже поздно.

Видите ли, мы подчас забываем, что у нас было еще совсем недавно. Сейчас, например, совершенно никого не удивляет, что в Верховном Совете, да и где угодно, каждый может свободно высказаться...

Но это же нормально, так и должно быть. Это как воздух.

Да, нормально, я понимаю, но ведь в стране триста миллионов, какой скачок это для них! Движение-то идет как? Одна часть тела уходит вперед, а другая остается зажатой. В принципе же вы совершенно правы.

Есть примеры совершенно необъяснимые: всего лишь в декабре 1989 г. руководство яростно отрицало необходимость отмены ст. 6 Конституции. Сцену между Горбачевым и Сахаровым на Втором съезде народных депутатов из истории уже не вычеркнешь. А уже в феврале 1990 г. тот же Горбачев выступил за отмену ст. 6. Вряд ли можно это двухмесячное запоздание объяснить неготовностью общества.

Видите ли, есть два пути движения вперед. Есть движение быстрое, когда приходится что-то отрубать, оставляя кровавые куски. А есть движение, при котором пытаются кого-то не растоптать. По-моему, курс, который берет нынешнее руководство страны, – это всем прийти в лучшее будущее, а не так, чтобы вспоминать раздавленные по дороге трупы. А когда всем идти, то ой как надо, чтобы тех, кто не быстро перестраивается, не сбрасывали в канаву. Понятно, что Андрею Дмитриевичу доставалось от этих людей, но между прочим, ему больше всего доставалось не от народных депутатов, а от Академии Наук, с которой он не мог договориться.

Я с вами согласен, что руководство в целом ряде случаев не улавливало момент, спору нет об этом. Но в целом каждые новые выборы нам показывают процесс углубления демократии, перехода ее на новые районы, на такие глубины, о которых мы и думать не могли. Но, может быть, электорат уже перерастает избранных? Может быть, Верховный Совет СССР, избранный самым первым, тоже уже отстал?

И еще – вот говорят: кто-то там в чем-то виновен. Вопрос этот очень сложный. Я не вижу сейчас людей, которых по большому счету можно привлекать к ответственности, особенно к уголовной, за то, что происходило во всей стране. А сопричастных к принятию решений... Может быть, вот Андрей Дмитриевич и еще десятка два человек были абсолютно чисты. Что же касается интеллектуалов – вот моя жена, она актриса, когда она начинает что-то говорить, я ее спрашиваю: а какие пьесы у вас ставили, которые все прославляли? Самое страшное – это начать охоту за ведьмами.

Я не согласен с вами, что нет людей, которых можно было бы привлечь к ответственности, в том числе и уголовной, но я полностью согласен с тем, что этого делать не нужно. Готов подписаться под словами, что охота за ведьмами – это страшно. Но имена должны быть названы – не для преследования, не для осуждения, а чтобы они не могли сейчас становиться в позу нравоучителей.

Вот уже, наверное, больше года назад по московскому телевидению состоялась передача, кажется, под названием «КГБ и гласность». Выступали четыре представителя КГБ, говорили на разные темы. А крайним справа на экране сидел хорошо знакомый мне человек – Геннадий Васильевич Кислых, говоривший о заботе, которую КГБ проявляет о правах человека. А я помню Геннадия Васильевича по 1972 г. Тогда он был майором, сейчас он был в штатском, звания не узнать. Я с ним провел много часов в качестве подследственного по 70-й статье УК. (После меня он вел дело Петра Якира.) Я припоминаю эпизод, когда майор Кислых с удвоенным зачитывал мне ответ президента советского Красного Креста проф. Митерева Анатолию Марченко, прозу которого сейчас наперебой печатают все советские журналы. А ответ был таков: «Лица, поднявшие руку на советскую власть, не могут рассчитывать на какую-либо гуманность». Геннадий Васильевич рассчитывал сразить меня ответом Митерева, показать, как низко я пал, «пропагандируя» Марченко. А сейчас Кислых – «спикер» КГБ по правам человека. Я вовсе не хочу, чтобы Геннадия Васильевича арестовали, но думаю, было бы пристойнее, если бы с экрана телевизора о правах человека говорил кто-либо другой.

Тяжелая тема. И время такое было, и Уголовный кодекс такой был, что даже его прямое прочтение давало возможность подобных вещей.

Георгий ДАВЫДОВ (Мюнхен)
Александр ФЕЛЬДМАН (Иерусалим)

ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ "ЭПОХИ ЗАСТОЯ"

К вопросу о количестве заключенных в СССР

Длительное время собирая сведения о советской пенитенциарной системе послесталинского периода, мы, естественно, интересовались и документами. Среди них неожиданно богатым источником информации оказались справки, которые каждый заключенный получает при освобождении из колонии или тюрьмы. В нашем распоряжении имеются сведения разной степени полноты о 116 таких справках.

Что представляет собой справка об освобождении? Прежде всего в ней приводятся так называемые "установочные данные" о заключенном: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, статья уголовного кодекса, по которой он был осужден, дата вынесения приговора и срок наказания, дата и основание освобождения. Помимо установочных, в справке приводятся и некоторые другие данные, в том числе шифр учреждения, выдавшего справку.

Каждая справка имеет свой индивидуальный номер. Эта-то нумерация и привлекла наше внимание, ибо оказалось, что из нее можно получить весьма интересные данные о количестве заключенных в советских лагерях и тюрьмах. По крайней мере с 1946 г. сохраняется единый принцип нумерации справок (справок с более ранней датировкой в нашей коллекции нет, так как сталинским периодом мы специально не занимались). Номер представляет собою буквенно-цифровую комбинацию, включающую двухбуквенное обозначение серии и собственно номер (например: БШ 051073). При сохранении этого единого принципа кодирования выделяются два поколения справок — по типу кода. Временная граница между ними приходится на 1955 г. Внутри поколений, в свою очередь, можно заметить различные модификации и деформации кодов. Они определяются такими внешними признаками, как расположение серии и номера на бланке справки, а также способ исполнения: типографский, штамп-оттиск, рукописный.

Мы начали с анализа распределения буквенных серий справок. Была построена система координат, в которой по оси абсцисс были отложены годы, а по оси ординат — буквы русского алфавита в обычном порядке. Мы установили, что из 33 букв русского алфавита для обозначения серий справок используются только 28: все буквы, кроме Ё, Й, Ъ, Ы, Ь. Сначала по оси ординат мы отложили первые буквы серии — практически они не уходят дальше буквы Д. Отрезки между соседними буквами в свою очередь были размечены в соответствии с алфавитным порядком вторых букв серии (см. график). Вторыми могут быть любые буквы — от А до Я, с указанными выше исключениями.

Распределение буквенных обозначений серий справок второго поколения по годам их выдачи выявило две резко отличающиеся между собой тенденции с нечеткой границей перехода, приходящейся на конец 60-х — начало 70-х годов. Точки левой половины поля в целом распределились хаотично, и хотя здесь намечаются некоторые любопытные закономерности, для их анализа у нас нет достаточных данных.

Особенно интересным оказался 1972 г. Начиная с этого года все точки (соответствующие группам серий Б, В, Г и Д) выстроились в узкую полосу, хорошо аппроксимируемую прямой линией. Шлейф этой полосы просматривается (для серий, начинающихся с буквы А) и в более ранние годы, вплоть до 1967 г. Сериями, начинающимися на А, помечались справки, выполненные на бланках старого образца.

Неясно, были ли ко времени введения в оборот справок образца 1972 г. использованы все буквы серий этой группы: от АА до АЯ. Скорее всего нет, и с введением справок нового образца просто открыли новый счет, начав его с серий группы Б (БА, БЕ, БВ и т.д.).

Стоит остановиться и на некоторых деталях оформления бланков справок образца 1972 г. Эти бланки отпечатаны на фабриках Гознака с пометкой "МВД СССР" (раньше, в течение почти всех 60-х и отчасти в начале 70-х гг., изданием справок ведали республиканские МВД). Кроме того, впервые номер справки стал печататься типографским способом. Судя по шрифту и другим деталям, номер надпечатывался позже, уже на готовый бланк, возможно, в интересах секретности — даже не на самой фабрике Гознака, а в типографии МВД. Но для нас сейчас важно другое. Единобразие шрифта, используемого в течение многих лет для надпечатки номера, аккуратность внешнего вида номера и строго одинаковое его расположение на бланке справки — все эти отличия бросаются в глаза при сравнении со справками прежних лет и указывают на то, что бланки справок образца 1972 г. изготовлялись централизованно и рассылались на места уже с отпечатанными сериями и номерами.

Таким образом, начиная с 1972 г., для всех исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) была введена единая, сквозная нумерация справок, независимо от того, в какой республике находится ИТУ, выдавшее справку об освобождении. Именно это обстоятельство и определило характер распределения точек в правой части графика. А то, что шлейф этой полосы уходит в 60-е годы, свидетельствует о том, что новый порядок распределения бланков справок разрабатывался и был опробован еще во второй половине 60-х гг. Однако по ряду веских причин мы не включили эти данные в последующий количественный анализ, отобрав для этой цели лишь справки, отпечатанные на бланках Гознака. Всего в нашем распоряжении имеются сведения о 53 таких справках. Из них 38 — это копии с оригиналов справок, 4 — копии с нотариальных копий справок, осталь-

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ

Форма Б

ВЫДАН *Серия БШ*
№ *10133* ПАГ
УЧРЕЖДЕНИЮ *МАЛОМО И-СТ*
СЕРИИ *МАЛОМО И-СТ*
С ПРАВОМ *МАЛОМО И-СТ*
ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЧУЖДЕЩА

УЧРЕЖДЕНИЮ *МАЛОМО И-СТ*
ОД-1СТ2

21-СЕНТЯБРЯ 1977

Имя г-на (де) *Давидович*
Имя г-на (де) *Георгию Валентиновичу*

Дата рождения *21.01.1942*

Уроженцу (де) *г. Бару, Узбекская ССР*

национальность *русский*

Семейное положение *Жена Исаква*
Валерия Ивановна, 1938.

отношение к военной службе *16/07-1973. Ленинградский*
осужденному(ой) *16/07-1973. Ленинградский*
защитный суд по ст. 70-1 УК РСФСР
по 5-й чл. во отбытии срока наказания

владельцу(ой) в прямом судимости

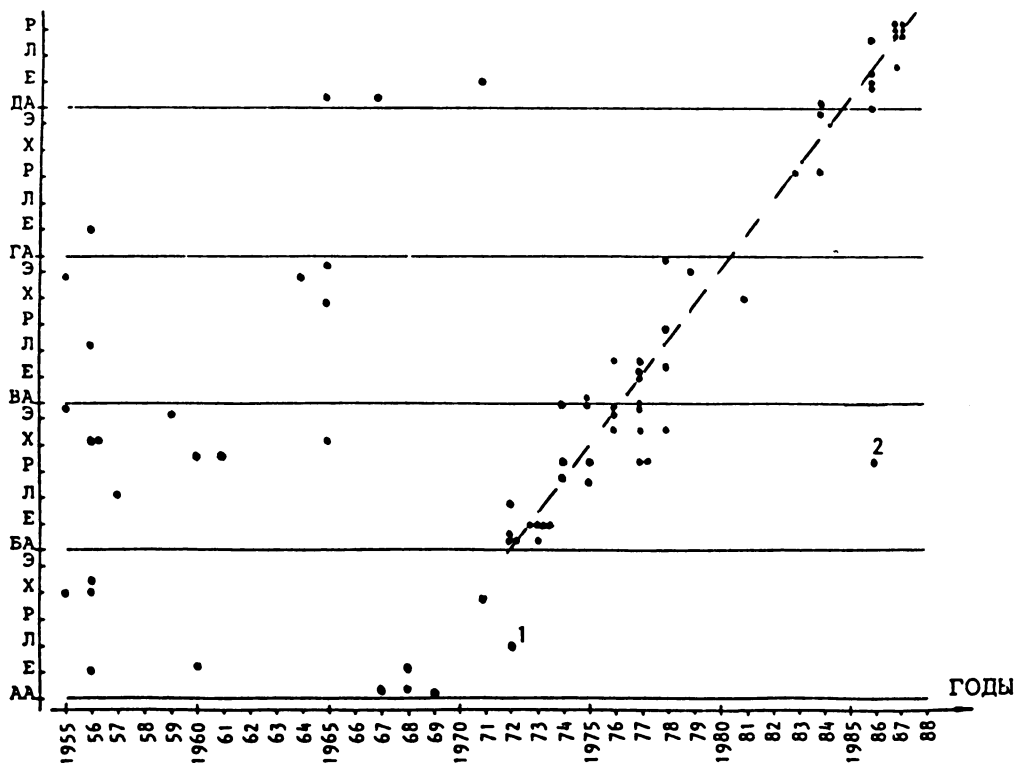
в том, что он(а) отбывал(а) наказание в местах лишения свободы с *21 сентября 1972. по 21-сентябрь 1977.*
откуда освобожден(а) по *отбытии срока наказания.*

Инициалы (фамилия) *Давидович*

Инициалы (фамилия) *Давидович*

ПОДЛЕЖИТ ДОКУМЕНТИРОВАНИЮ
ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА

ные 11 — перепечатанные или рукописные данные о справках разной степени полноты. Для нашего анализа оказались пригодны сведения о 51 справке.

Из графика можно сделать следующие выводы. Справки нового образца вводились в оборот постепенно, по мере того, как использовались справки предыдущих серий, — иначе точки не группировались бы вдоль прямой, а более или менее равномерно были бы распределены по всему полю.

В течение каждого года одновременно были в ходу справки 10—30 серий. Поэтому каких-либо выводов для небольших промежутков времени делать на основании графика нельзя. В то же время для периода примерно в 5 и более лет тенденция последовательной алфавитной смены серий вполне отчетлива. Данные, которыми мы располагаем, позволяют дать усредненную оценку количества выданных справок за весь 16-летний период (с 1972 по 1987 г. включительно), хотя более полные данные могли бы, на наш взгляд, выявить и некоторые колебания внутри этого периода.

Широкий разброс серий внутри года объясняется большим количеством ИТУ, которые неравномерно используют свой запас справок. Кроме того, есть элемент случайности в работе спецчасти одного и того же ИТУ: не использовав полностью бланки справок предыдущих серий, спецчасть вдруг начинает выписывать справки новых серий, а год-полтора спустя добирает старые запасы (например, справки, выданные Владимирской тюрьмой К.Любарскому, Г.Давыдову и Г.Суперфину).

Особого пояснения требуют две точки (обозначены на графике цифрами 1 и 2), которые выбиваются из общей тенденции. Попадание точки № 1 в поле серий группы А объясняется просто: справка с этой серией относится к январю 1972 г., но заполнена она на старом бланке. Таким образом в самом начале 1972 г. еще встречались бланки старого образца. Но в том же январе 1972 г. уже появились и справки нового образца. Такое перекрытие — кратковременное использование справок двух образцов при вводе в действие нового — встречалось и раньше.

Положение точки № 2 тоже просто объяснимо. Дело в том, что эта справка — серии БТ — была выдана в 1986 г. следственным изолятором КГБ УССР, то есть учреждением, из которого заключенные освобождаются крайне редко. Расход справок в таких заведениях невелик и наличного небольшого запаса справок хватает на много лет. В данном случае был использован бланк, поступивший в СИЗО еще в середине 70-х гг.

Итак, нам удалось установить, что, начиная с 1972 г., когда были введены справки об освобождении нового образца, и вплоть до 1987 г. были полностью использованы группы серий Б, В, Г и часть серий группы Д. Самая поздняя из справок нашей коллекции датирована сентябрем 1987 г. (серия ДП). Всего за этот период была использована 101 серия.

Сколько же номеров входят в одну серию? Все номера — шестизначные, однако в справках образца 1972 г. первая цифра всегда нуль. Поэтому можно предположить, что практически использовались только пятиразрядные номера. В случае, если в серию входят номера от 000001 до 099999, то теоретически частоты встречаемости номеров должны быть такими: пятиразрядных — около 46, четырехразрядных — 5, всех остальных практически не должно быть (вероятность их появления менее 1%). Так оно и оказалось на деле: 45 справок попали в группу пятиразрядных номеров, 6 справок — в группу четырехразрядных. Если бы использовались шестизначные номера, то именно они должны были бы встречаться чаще всего.

Подведем итоги. За 16 лет выданы справки об освобождении 101 серии, в каждой по 99 999 номеров (или 100 000, что практически одно и то же). Таким образом, было выдано около 10 миллионов справок, то есть в среднем ежегодно освобождалось примерно по 630 тысяч заключенных.

В это число входят освобожденные из тюрем, исправительно-трудовых колоний и колоний-поселений. Возможно, сюда же входят и освобожденные из воспитательно-трудовых колоний (ВТК) и воспитательно-трудовых профилакториев (ВТП). Но однозначно ответить на этот вопрос мы не можем, так как в нашем распоряжении нет ни одной справки, выданной ВТК и ВТП, и форма этих справок нам неизвестна.

Не входят в эти 10 миллионов ссыльные и "химикки", так как справки об отбытии этих видов наказания имеют совсем иную форму. Наверняка в это число не входят и освобожденные из лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП), так как направление в ЛТП не считается уголовным наказанием и, следовательно, справки, выдаваемые освобожденным из ЛТП, должны иметь другую форму (у нас таких справок нет).

От редакции: *Остроумное и содержательное исследование Г.Давыдова и А.Фельдмана проливает значительный свет на карательную политику брежневского времени. Полученные авторами цифры относятся не к полному одновременному количеству заключенных, а лишь к величине ежегодного обновления "контингента". Для оценки количества населения лагерей и тюрем надо знать также и среднюю величину срока заключения. Она неизвестна. Если предположить, что она составляет около 5 лет, то полное одновременное население мест заключения составляло в исследуемые годы примерно 5х630 тысяч, то есть около 3 миллионов человек (при условии, что это число в изучаемый период было относительно стабильным). Если же доля "краткосрочников" была велика, и средний срок был около 3 лет (что, возможно, слишком мало), то население лагерей составляло чуть меньше 2 миллионов.*

Отметим также, что к 1972—1987 гг. в настоящем исследовании относятся даты освобождения заключенных. При среднем сроке 5 лет это будет означать, что речь идет об арестованных в 1967—1982 гг. (соответственно, при среднем сроке в 3 года — в 1969—1984 гг.), то есть в "брежневское время". Сейчас население лагерей сократилось. По официальным данным, пока не подвергнутым сомнению, в конце 1989 г. в Советском Союзе имелось 800 тысяч заключенных и около 140 тысяч "химиков". В печати проскальзывали утверждения, что в горбачевское время количество заключенных сократилось примерно вдвое. Если это действительно так, то верно приведенное выше число "брежневских" заключенных: несколько меньше 2 миллионов. Это в свою очередь может служить указанием на среднюю величину срока: 3 года или даже меньше.

ТЕХНОЛОГИЯ РЕФОРМ

Интервью с Виктором Белкиным

Виктор Данилович Белкин – доктор экономических наук, зав. лабораторией народнохозяйственных проблем при Президиуме АН СССР. В начале 60-х годов активно участвовал в подготовке «косыгинской» реформы. Широко известность получила предложенная им (совместно с П.Медведевым и И.Нитом) концепция перехода от административно-командного хозяйственного механизма к рыночному. Эта концепция была использована при разработке моделей регионального хозрасчета в Эстонии, Молдавии, Белоруссии. Несомненный интерес проявил к ней и Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцин.

С В.Д.Белкиным беседует специальный корреспондент «Страны и мира» Флеминг Розе.

Хотел бы начать, если вы не возражаете, с самого сейчас актуального – с программы правительства по переходу к рыночной экономике. Как вы ее оцениваете?

Я, как и многие другие, считаю ее неудовлетворительной. В программе очень четко обозначено директивное повышение цен. Все же остальное дано очень туманно.

Вы могли бы проиллюстрировать это примерами?

Трудно приводить примеры, когда в программе отсутствует не что-то одно, а все. Если попробовать как-то конкретизировать, то всякую серьезную реформу отмечают два момента: институциональные преобразования и технология самой реформы. К институциональным изменениям, которые необходимы для проведения реформы, я отношу приватизацию собственности, переход к частной собственности как условию инициативного высокопроизводительного труда и основы конкуренции. Что касается технологии самой реформы, то речь идет о путях перехода из одного состояния (командно-административной системы) к другому – рыночной экономике. И тот, и другой вопрос в программе правительства решены неудовлетворительно, то есть практически не решены. А еще точнее, они даже не ставятся.

Правда, незадолго до того были приняты законы о земле и собственности. Оба закона откровенно плохи. Скажем, Закон о земле по существу не является законом. Он просто делегирует права центра на места: хотите – предоставьте землю, не хотите – не предоставляйте. Если отвлекаться от красивых слов, Закон означает именно это.

Иначе говоря, все права передаются местным властям, которые отнюдь не склонны реформировать систему?

Да. Чем ниже мы спускаемся, тем жестче командно-административные методы. Органы власти на нижнем этаже системы – все эти РАПО, райкомы и т.д. – они решительно против любых изменений, потому что именно они распоряжаются судьбами крестьян, и передача земли лишит их командного статуса. Для них это, собственно, гражданская смерть.

Но закон все-таки действует?

Нет, он только существует. В стране от силы двадцать тысяч фермеров, не больше. Конечно, они погоду не делают. Если даже крестьянин сумеет преодолеть юридические трудности, у него нет ни экономических, ни технических возможностей, нет средств малой механизации, ему дают плохие земли, отсутствует рынок оптовой торговли, где можно было бы купить горючее, запчасти, удобрения. Короче, нет рыночной инфраструктуры, которая позволяла бы как-то действовать. Вот вам Закон о земле.

А Закон о собственности?

А Закон о собственности и того хуже. Там сказано, что у нас не должно быть эксплуатации человека человеком. Подобную эксплуатацию марксизм связывает с частной собственностью. Но то, что у нас есть, много хуже, – у нас эксплуатация человека государством. Такое было только в Древнем Египте. На этой основе строились пирамиды и прочие сооружения, не имеющие отношения к человеческим потребностям.

В результате, если в западных странах – при эксплуатации человека человеком – две трети национального дохода идет на оплату труда, то у нас на эти цели расходуется лишь одна треть. Как следствие, труд не имеет мотивации, он низкопроизводителен. Отсюда – общий низкий уровень жизни.

Формулировка о запрете «эксплуатации» включена в Закон о собственности. Тем самым частная собственность оказалась вне закона. И хотя в правительственной программе сказано, что рынок предполагает независимых товаропроизводителей, таковых – без частной собственности – быть не может. По-моему, весь спектр форм собственности имеет два полюса. На одном полюсе – государственная собственность, на другом – частная. Между ними – все остальные формы: кооперативная собственность, коллективная, акционерная... Если же этих двух полюсов нет, то и все остальное повисает в воздухе. Это как мост: для того, чтобы он держался, нужны как минимум две опоры.

Еще хуже обстоит дело с технологией реформы. Разработка алгоритма переходного процесса – вещь очень сложная, это сплав науки и искусства. Недаром же всякая серьезная реформа носит имя автора. Была, например, реформа Витте, когда Россия переходила к конвертируемой валюте в конце прошлого века. Известна реформа Сокольников и Юровского в двадцатые годы, когда Россия переходила к золотому червонцу.

Это была конвертируемая валюта, обеспеченная золотом?

Ну, тут, вообще говоря, есть некоторое преувеличение. Это была валюта, конвертируемая во внутреннем обороте, я бы так сказал. Но благодаря тому, что валюта эта была крепкая, она частично конвертировалась и на мировом рынке. Беда в том, что наше правительство очень непрофессионально, в том числе и Абалкин. Оно не знает, что такое рынок, никогда рынком не занималось, потому-то и технологию реформы продумать не смогло. А без точной технологии любая идея обречена на провал. Но даже если бы технология существовала, она должна была бы отвечать одному, очень существенному требованию. Это требование – учет социальных условий. Посмотрите, к чему нас призывают: давайте сейчас принесем определенные жертвы (повысим цены, дадим компенсацию, но не полную), зато потом все будет хорошо. В наших условиях этот подход абсолютно непригоден.

Но, судя по опросу в «Московских новостях», люди как будто на это согласны. Они понимают, что вначале будет хуже, но готовы на это пойти.

Опрос проводился среди москвичей. Но москвичи для Союза не являются репрезентативной группой. Москва занимает промежуточное положение между СССР и, допустим, западным миром. В столице всегда поддерживался определенный уровень жизни, здесь более высокий уровень понимания. Так что по такому опросу нельзя судить о стране. Тем более, что и в Москве этот путь поддерживает чуть больше половины, всего 56%. А в стране, как известно, около пятидесяти миллионов людей, живущих за чертой бедности, это – люди, которые ведут полуголодное существование. Напомню, что черта бедности определена у нас в 78 рублей в месяц на человека. Это не та черта бедности, что, допустим, в Америке или в Швеции. Наша бедность – это настоящая бедность, дальше которой спускаться нельзя. Поэтому стереотип, согласно которому мы должны еще ухудшить жизнь, абсолютно не годится, это спекуляция на долготерпении русского народа. А ведь известно, к чему привела эта спекуляция в 1917 году...

Вы усматриваете тут аналогию?

Прямую аналогию, ибо Февральская революция началась с того, что в лавки не подвезли хлеб, не подвезли вовремя. Потом было еще хуже, но взрыв начался именно с этого. Между тем у нас есть возможности провести реформу так, чтобы уровень жизни с самого начала не понижался, а повышался.

Интересно, каким образом?

Вы, очевидно, помните нашумевшее дело государственно-кооперативного объединения «АНТ»? Объединение собиралось продавать за границу неликвиды и за вырученные деньги покупать продукты, ширпотреб, ткани, обувь, бытовую электронику, что угодно. Был огромный скандал, когда на таможне где-то в Новороссийске задержали состав с партией танков.

Груз как будто предназначался для Японии?

Для Японии? Любопытно. Я этого не знал, как раз страна назначения в публикациях не была названа. Рыжков (кажется это было на Втором съезде народных депутатов СССР) приносил извинения по поводу «АНТа». А в действительности надо бы создать десяток таких «АНТов», ибо в стране, по некоторым оценкам, стоимость этих неликвидов оценивается в девятьсот миллиардов рублей.

Не могли бы вы расшифровать само это понятие – неликвиды?

Это ненужная продукция, это запасы сырья и материалов, которые при нынешних советских технологиях нельзя переработать. А мировой рынок их купит. Вот на эти деньги можно приобрести товары народного потребления и сбалансировать рынок, никак не затрагивая цен.

А какого рода эти неликвиды? Отходы продукции в первую очередь военной промышленности?

По преимуществу это металлолом, топляк древесины, старые суда, годами стоящие на рейдах, потому что не хватает аппаратов для резки. Всего этого очень много. Есть у нас такой Тарасов, который на продаже неликвидов стал миллионером. И делает он это на законных основаниях. Не так давно он вел, так сказать, тяжбу с министерством финансов и через арбитраж ее выиграл. У нас, повторяю, нет возможности снижать уровень жизни, ибо он и без того раз в десять ниже, чем на Западе. В апреле я был на конференции в Вашингтоне, где проводилось сопоставление уровней советской и западной эконо-

мик. И вот вопреки тому, что считают ЦРУ и западные экономисты, я с полной ответственностью заявляю, что наш ВВП не превышает одной седьмой американского. Он ниже, чем в Италии или во Франции, хотя эти страны по населению в пять раз меньше СССР.

Куда все девается? По данным комиссии Верховного Совета, мы теряем до половины продукции промышленности, 40% продукции сельского хозяйства. Четверть всего, что мы выпускаем, никому не нужно – это именно то, что идет в неликвиды. На военные нужды мы расходует не менее 25% всего валового национального продукта. Таковы объективные условия.

Теперь о технологии реформы. Один из возможных вариантов такой технологии был разработан П.А.Медведевым, И.Б.Нитом и мною. Принцип ее прост. Речь идет о создании внутренне конвертируемых денег. Средства, полученные от продажи товаров населению, зачисляются на особые счета. Эти деньги имеют приоритет – в частности, используются в безналичном обороте для оптовой торговли средствами производства. Вот, собственно, и весь принцип. Но это значит, что вся экономика поворачивается лицом к потребителю. В Соединенных Штатах существует так называемая Мэрилендская модель прогнозирования. Принцип, положенный в ее основу, тоже прост: куда идет доллар потребителя, туда идет Америка. Надо, чтобы так было и у нас: куда идет рубль, туда идет советская экономика. Это и есть действенный рынок.

При таком подходе к делу ненужной продукции произвести нельзя, ее никто не купит.

Вы не могли бы немножко подробнее рассказать об этой программе. Когда я беседовал с Ельциным в феврале¹, он мне о ней говорил. Это его официальная программа?

Не берусь сказать. Во всяком случае Ельцин ею заинтересовался. Так вот, в двух словах о сути дела. В тридцатые годы, когда была разрушена рыночная экономика нэпа, кредитно-финансовая система стала придатком натурального планирования. То есть она обслуживала натуральное планирование: деньги печатались без всяких ограничений, никто не обращал внимания на такие «мелочи», как дефицит бюджета и т.д., финансовые ограничения отсутствовали. Для рыночной же экономики нужны полновесные деньги, иначе акты купли-продажи теряют силу. Переход от той кредитно-финансовой системы к новой, рыночной, и есть становой хребет реформы, ее основное направление.

Когда гитлеровская Германия была разбита, подобную политику проводил отец «немецкого чуда» Эрхард. В том же плане действовали Юровский и Сокольников при переходе от военного коммунизма к нэпу.

Теперь наш принцип. Положим, вы купили одежду. Эти деньги через торговлю получила швейная фабрика. Она в свою очередь заплатила этими деньгами текстильному комбинату. Текстильный комбинат использовал эти деньги при расчетах с хлопкоробами Узбекистана; хлопкоробы оплатили удобрения, машины; машиностроители уплатили металлургам. Так идет по всей цепочке. За один сельскохозяйственный год эти деньги проникают в народное хозяйство. Они постепенно вытесняют прежние платежные средства. Складывается современная монетарная кредитно-финансовая система, которая и есть основа рыночного хозяйства.

Тут уже возможны и рынок товаров, и рынок капиталов, и рынок ценных бумаг, и рынок рабочей силы. А пока не будет настоящих денег, рынок не будет работать. Позднее эти деньги можно будет сделать конвертируемой валютой. Вот в чем смысл наших предложений.

У нас есть и региональная модификация этой идеи. Иначе говоря, мы можем начать с республики, с отдельного региона. По просьбе правительств Эстонии

¹ См. «Страна и мир», № 1, 1990 г.

и Молдавии мы подготовили для них соответствующую документацию. В Эстонии наша модель была включена в их систему республиканского хозрасчета, ИМЕ.

Когда эстонцы поехали в Москву с этим предложением, их встретили очень холодно, не поддержали. Тогда у них и возникла идея собственных денег. То же самое сейчас с Молдавией. Она включила этот вариант в свою концепцию. Но что будет дальше, я не знаю. Пока что это одобрено молдавским правительством. Как видите, Ельцин не первый, кто хотел бы взять это на вооружение. Но, конечно, у него больше возможностей.

Чтобы система работала, ее должны признать. Если, скажем, вы уплатили на территории Эстонии деньги за мебель, то эстонский мебельный комбинат должен иметь возможность купить за эти деньги древесину на территории РСФСР. То есть начать можно и в регионе, но нужно обеспечить его связи со всеми другими регионами. Вот сейчас мы собираемся заняться этим в Белоруссии. Может быть, нам удастся на основе этой концепции установить рыночные связи Белоруссии и РСФСР.

А Украина?

Понимаете, это дело сугубо добровольное, оно не может идти под нажимом. Восхождение к рыночной экономике – это восхождение от простого к сложному. В свое время, чтобы уйти от рыночной экономики, Сталин всех поставил к стенке, перестрелял и установил казарменный режим. Для того же, чтобы подняться к рыночной экономике, нужно учить кадры. Учить и учить.

Видимо, важным условием является доверие к правительству. А как раз сейчас ощущается острый дефицит такого доверия. Что вы об этом думаете? Селюнин, например, предлагает, чтобы правительство ушло в отставку.

Думаю, что Селюнин прав. Правительство может состоять даже из очень хороших людей. Для нас это не так важно, для нас важно, чтобы это было высокопрофессиональное правительство. А этого нет. У них, по-моему, нет даже четкого представления о том, что такое рыночная экономика, как к ней идти.

А сейчас среди народных депутатов есть люди, которые могли бы заместить нынешнее правительство?

Конечно, есть. Тот же Тарасов, тот же Бочаров, кооператоры, ученые... Только не те ученые, которые, вроде Абалкина, занимались развитым социализмом. Нужны специалисты по рыночным отношениям.

Вы думаете, что можно перейти к рыночной экономике, не снижая жизненного уровня?

Да, конечно. Я абсолютно в этом убежден и готов подтвердить эту мысль расчетом. Достаточно сказать, что из-за потерь, выпуска брака и ненужных изделий у нас пропадает половина промышленной продукции.

И вы думаете, этого достаточно, чтобы обеспечить население?

Безусловно, потому что это 450 миллиардов рублей. А весь наш товарооборот – 300 миллиардов. Добавим 900 миллиардов неликвидов. Этого хватит, чтобы на два-три года, то есть на весь период реформы, купить на мировом рынке сколько угодно еды, одежды и прочего. Наконец, нам совершенно не нужны огромные военные расходы, ведь на нас никто не собирается нападать. Я, например, не видел на Западе такого Бармалея, который собирался бы нас съесть. Американцы говорили мне, что больше всего боятся нарушения технологического режима эксплуатации наших атомных станций, еще одного

большого Чернобыля. Поэтому они готовы нам всячески помочь, только чтобы у нас было все в порядке.

Вместе с тем, видимо, вряд ли удастся избежать безработицы?

Давайте поговорим о безработице. В принципе вы совершенно правы. Но посмотрим конкретно. Вот хотя бы военный завод. Если даже просто его остановить, сохранив на прежнем уровне заработную плату рабочим, то выгода уже будет значительной – мы сэкономим сырье, материалы, энергию. Как-то Игорь Бирман предложил вообще прекратить военное производство, одно это даст огромный эффект. Конечно, к столь радикальным мерам мы не готовы. Но уж наполовину это точно можно сделать. Одних этих ресурсов с лихвой хватит, чтобы проводить реформу, не снижая уровня жизни. Можно не сомневаться, что в этом случае реформа будет поддержана населением.

Но нужно пересмотреть закон о собственности. Без частной собственности предпринимательство невозможно. Ни Эдисон, ни Форд не создавали кооперативов, они открывали мастерскую, нанимали нескольких рабочих и работали.

А вы не думаете, что нужно учитывать ментальность народа? Ведь если даже в Москве переход к рыночной экономике одобряет лишь 56% населения, то каковы сознание и уровень понимания людей где-нибудь в районном городке?

Конечно, ментальность важна. Но еще большее значение имеет то, что людей запугивают реформой. Вот в «Известиях» была статья Арбатова с очень точным названием: «Хватит запугивать реформой».

Любопытно, что Шаталин в интервью одной американской газете резко критиковал программу Рыжкова. И при этом заметил, что как только экономика станет любимым детищем Горбачева, он поймет, что эта программа никуда не годится. Между тем сам Горбачев, накануне его встречи на верхах, говорил, с одной стороны, о необходимости рынка, но, с другой – все еще выступал против частной собственности. Как это все совместить?

А никакого противоречия тут нет. Это только доказывает, что «любимым детищем» Горбачева экономика пока не стала. Эта сфера отдана на откуп Рыжкову.

И он просто повторяет то, что ему говорят министры?

Я думаю, что у нас еще очень сильны идеологические догмы и та ментальность, о которой вы упоминали. Но это преодолимо. В течение полувека, с 1861 г. по 1914, да и в период нэпа, капитализм в России развивался вполне успешно. Это признавал даже Ленин, когда занимался этой проблемой всерьез. И частная собственность тогда процветала, и капиталы создавались, и торговля шла успешно. Все, о чем мы сейчас говорим, – и совместные предприятия (Юзовка, Жорж Борман в Харькове и т.д.), и культура предпринимательства – все это уже было. Слава Богу, мы говорим не о какой-нибудь дикой африканской стране. Просто этот нормальный путь развития был пресечен силой.

Так что вы уверены, что Горбачев многое поймет, как только по-настоящему займется экономикой?

Горбачев – очень крупный и хороший политик. Может быть, он даже слишком много думает о ментальности народа и ментальности своего окружения, о противодействующих силах. Мне кажется, он стремится избежать смуты, ибо смута может привести к гибели не только нашей страны, но и всего человечества. По-моему, он убежден, что мир, начиненный атомным оружием, мож-

но вести только эволюционным путем, как бы мы ни хотели форсировать перемены.

Существует мнение, что экономические реформы будут иметь шансы на успех только в том случае, если отпустить республики. Дело в том, что в республиках есть люди, которые пользуются доверием народа. Пока же не будет органов власти, которые пользуются доверием на местах, любая реформа обречена на провал. Что вы об этом думаете?

Я считаю, что свобода народов – ценность, которая бесконечно важна уже сама по себе. Народам надо предоставить возможность реального самоопределения. Вместе с тем я убежден, что если будет создан подлинный общесоюзный рынок, то стремление народов уйти из состава СССР уже не будет таким острым, центробежные силы будут ослаблены по меньшей мере наполовину. Я видел это на примере Эстонии. Первоначально, когда они приняли нашу программу, у них не было намерения выходить из СССР.

Когда это было?

В 1987–88 гг. Сошлюсь на Ленина. В 1916 г. Ленин ставил вопрос о том, почему нации не выйдут из состава будущего социалистического государства? И ответил: очень уж привлекателен крупный рынок. Это мы и видим теперь на примере Европы. Но, разумеется, это должен быть свободный рынок, а не результат насилия.

А как вы оцениваете предлагаемую систему налогов?

Специально я этим не занимался. Ясно, однако, что слишком высокие ставки налогов способны ослабить мотивацию к труду. На Западе существует мнение, что налоги не должны превышать трети дохода. Если государство забирает больше трети, исчезает стимул наращивать доходы.

Надо сказать, что у нас очень непрофессиональные, очень недалекие чиновники, и в финансовом ведомстве тоже. Они преследуют, в основном, фискальные цели, мало заботясь о развитии производства.

Вообще сама эта практика, когда каждое ведомство готовит свой кусочек реформы, кусочек – Министерство финансов, кусочек – банк и т.д. – практика порочная. В ЦДЛ есть на стене такая надпись: «Съев блюдо из восьми миног, не мни, что съел ты осьминог». По той же причине этот «кусочный» подход в корне неправилен. Должна быть общая концепция, все элементы которой направлены на реализацию реформы. А что у нас сейчас? Правительство смотрит на Запад, видит, что там с рыночной экономикой все в порядке, начинает подражать. Получается имитация.

Что вы имете в виду? Разговоры о регулируемой рыночной экономике?

В цивилизованном обществе экономика всегда регулируема. Дело не в этом. В программе сказано, что необходимо привлечь к ее экспертизе зарубежных ученых. Но нам нужна не экспертиза. Нам нужно участие зарубежных ученых, желательно – специалистов Всемирного банка. Знаете, такие экспертные группы, которые помогли Южной Корее, Турции, Гонконгу. Короче, люди, которые знают, как делать реформы. Однако, если им ставить такие преграды, как отрицание частной собственности и наемного труда, то, конечно, никакие специалисты не помогут.

Хотелось бы поговорить о первой реформе, в подготовке к которой вы участвовали, «ко-сыгинской». В чем причины ее неудачи?

Смысл реформы состоял в том, чтобы дать возможность принимать больше решений на местах. Для этого нужно было создать хоть какое-то подобие

хозрасчета. Я и занимался разработкой цен единого уровня. В то время система цен была совсем никудышной, все цены на изделия тяжелой промышленности были убыточными, вся тяжелая промышленность была на дотации. А средства для дотаций получали за счет налога с оборота легкой промышленности. Вот я и рассчитал уровни цен. Это позволило – конечно, в рамках той же административной системы – немножко улучшить дело. Тогда-то и выяснилось окончательно, что в рамках административной системы радикальных улучшений добиться нельзя.

А как вас привлекли к этой работе?

Очень просто. В то время в стране было только два больших компьютера: один для военных целей, другой для мирных. Тот, что для мирных, был в институте, где я работал. Была поставлена задача на основе межотраслевого баланса сосчитать уровни цен. Я придумал, как их считать, и сосчитал. За эту работу я и получил докторскую степень.

Вы в то время занимались экономической кибернетикой?

Да.

А это было возможно? Кибернетику в других областях прикрыли.

Это особый разговор. У нас в Ученом совете был академик Аксель Иванович Берг. Он тогда был заместителем министра обороны по новой технике и имел много власти. Мы с ним выпустили книжку «Кибернетику на службу коммунизму». Это был перелом. До того кибернетика действительно была запрещена. Книга вышла в 1961 г.

А чем вы занимались в «период застоя»?

В период застоя я занимался проблемами сбалансированности денег и товаров.

Актуальный вопрос. Именно эти занятия и привели вас к идее новых денег?

Пожалуй.

Когда вы три года тому назад выдвинули это предложение, как реагировало правительство?

Правительство никак не реагировало. Боюсь, это правительство настолько непрофессионально, что оно даже не поняло предложения. Думаю, что и сейчас проблема в том, что оно по-прежнему не понимает.

Неужели у правительства нет экспертов, которые могли бы разъяснить, что к чему?

Есть, конечно. Но тогда надо признать, что правительство лишь делает вид, что хочет перейти к рыночной экономике, тогда как в действительности все того не хочет.

Вы это допускаете?

Увы... Эти люди привыкли к командным методам, других они просто не знают. Видимо, для перехода нужно другое правительство. Кстати, я обсуждал наш проект с экспертами Всемирного банка. Они тоже считают, что дру-

того пути нет, ибо у нас такая структура, что если не предоставить приоритет отраслям, работающим на население, то никакого рынка не будет.

Когда эксперты Всемирного банка говорят, что это единственный выход, из чего они исходят?

Наша страна не входит во Всемирный банк, так что это была неофициальная встреча. А эксперты банка исходят из того, что переход к новой кредитно-финансовой системе приходится осуществлять в условиях отсталой структуры, когда часть экономики вообще работает сама на себя. Наше предложение позволяет одновременно решить и вопросы структуры, и осуществить переход, и все это – без снижения уровня жизни.

Следующий вопрос – о региональном хозрасчете. Существует ли точное определение этой системы?

Нет, точного определения никто не давал, но суть ясна. Это значит, что каждый регион должен сам обеспечить жизнь населения, создать условия для развития и т.д. Конечно, это зависит от успешной работы предприятий, расположенных на территории региона, потому что он получает с них налоги, и он должен о них заботиться. Аналогом может служить, допустим, штатное самоуправление в Соединенных Штатах. У нас, правда, многие эту идею отрицают – в том числе акад. Шаталин. Я же считаю, что это очень важно. В частности потому, что у нас экологический кризис, и как раз эту задачу лучше всего может решить сам регион. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Да, роль регионов растет. По-моему, намечается даже региональный национализм. И в национальных республиках, и в РСФСР, и в Сибири, и на Дальнем Востоке...

Если есть общесоюзный рынок, то региональное самоуправление, региональный хозрасчет – это все позитивные вещи. Если рынка нет, это ведет к сепаратизму, к удельным княжествам.

Горбачев утверждает, что Ельцин хочет восстановить в РСФСР удельные княжества.

А что предлагал сам Горбачев? Региональный хозрасчет без рынка? И что есть сейчас? Когда в Москве продают продукты по паспортам, это и есть система удельных княжеств.

Но это ведь можно рассматривать и как естественный процесс перехода к нормальной экономике. Ясно, что теперь Ярославль не будет просто так, по разнарядке, доставлять свои продукты в Москву. Москве придется их покупать по договорным ценам. Таким образом установятся нормальные экономические отношения.

Да, тут все было бы правильно, если бы существовали настоящие деньги. Но ведь их нет. Нужно их ввести, используя хотя бы нашу концепцию. Иначе мы обречены на первобытный натуральный обмен. А он, как стало ясно уже на заре человечества, неэффективен и сопряжен с очень большими потерями.

Но как же вы введете новую кредитно-финансовую систему при таком избытке денег?

Опять же скажу, что реализация таких огромных запасов неликвидов поможет решить этот вопрос и на два-три года обеспечит сбалансированность рынка. Коль скоро на ту же денежную массу придется повышенное количество товаров, спрос будет удовлетворен. Назову цифры. Подсчитано, что нам не хватает товаров на сумму порядка 150 миллиардов рублей. Чтобы по-

крыть этот спрос, достаточно примерно 40 миллиардов долларов. Ну, а эту сумму получить за счет неликвидов очень легко. Вот, пожалуйста, Тарасов берет, я с ним говорил. Понятно, сам он все это не сделает, но он знает, как это можно сделать. Тут мало быть теоретиком, надо быть еще практиком и даже прагматиком. Именно поэтому я и постарался наладить с ним контакты. Он считает, что это вполне реально.

В чем вы видите основные недостатки нынешней кредитно-финансовой системы?

Основных, я думаю, два. Во-первых, нет жестких финансовых ограничений, станок печатает столько, сколько нужно. Во-вторых, отсутствие коммерческого кредита.

С первым ясно. А вот кредит ...

Допустим, вы взяли кредит в банке. Если дело ведется плохо, прогорите сначала вы, у вас не хватит имущества. Потом прогорит банк, который вам поверил. И на этом все кончится. А сейчас никто не прогорает, потому что государство дает кредиты, кредиты, кредиты и раскладывает это бесконечно на население. И все, и никаких последствий.

И еще у нас есть такая вещь – последующий акцепт. Это вот что такое: я вам отгружаю товар, а вы, еще не получив товара, за него расплачиваетесь. Положим, получив товар, вы видите, что он плохой. Формально вы можете, конечно, обратиться в суд. Но время упущено, а главное, вы заинтересованы, чтобы я продолжал поставки, у нас же на рынке дефицит. Поэтому качество постоянно падает, а деньги в избытке накачиваются в народное хозяйство.

А что вы предлагаете взамен?

Коммерческий кредит, чтобы страдало не общество, а конкретный участник. И акцепт будет предварительный: заплачу только после того, как увижу товар. При столь жестких финансовых ограничениях ненужную продукцию продать не удастся. А значит, ее и выпускать никто не будет.

А среди рыночников есть противники вашей концепции?

У нас нет лобовых противников, так же, как нет и сторонников.

Все занимаются своим делом?

Каждый занимается своим делом. У нас хуторяне. ●

Юрий ВЛАСОВ (Москва)

ДВА ЧЕЛОВЕКА

Имя народного депутата СССР Юрия Власова, Олимпийского чемпиона, журналиста, писателя, широко известно и популярно в нашей стране. Хорошо знают Ю.Власова и читатели нашего журнала: его интервью и заметки «После съезда» в № 4 за 1989 г. привлекли внимание.

Мы публикуем два фрагмента из неопубликованной книги Ю.Власова «Огненный крест». Заголовки даны редакцией.

Андрей Сахаров

На первом Съезде народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.) я сидел в первом ряду, оказавшись там, так сказать, «не по алфавиту». В первом ряду через определенное количество кресел обязательно сидел сотрудник КГБ.

Я был избран народным депутатом СССР вторым туром голосования восемнадцатого мая – меньше, чем за неделю до съезда. Все места во Дворце Съездов к тому времени были расписаны. Дабы не сбивать эту роспись, меня определили в первый ряд (надо полагать, вместо одного из охранников).

На втором Съезде народных депутатов СССР (12 декабря – 24 декабря 1989 г.) я уже занимал место «согласно алфавиту». Нас рассаживали так (по алфавиту, а не по убеждениям), не подозревая о том, что могут быть какие-то убеждения вообще. Я оказался в пятом ряду на двадцать пятом месте. Через проход, на двадцать шестом месте, сидел Андрей Дмитриевич Сахаров.

Этот декабрьский съезд проводился по «аппаратному» сценарию и был скучен. Порой охватывало откровенное безразличие. Слово получить практически невозможно, а получишь, каков смысл? Еще раз заявишь о том, что уже известно и саботируется административно-командной системой. К тому же здесь все упирается в голосование, а результат можно заранее предсказать по любому вопросу еще за месяцы до съезда. Это 400–600 голосов на 1100–1300. Бюрократическая система имела здесь надежную защиту.

И никакая, даже самая умная, аргументированная речь изменить это соотношение голосов не способна. Сколько выступлений Сахарова разбились об эту твердыню.

Я не мог преодолеть скуку и в мыслях часто уходил на эту книгу, которую вы, дорогой читатель, сейчас держите в руках. Перепечатка рукописи (около 1600 страниц) требовала огромного напряжения. Кроме того, что изнуряет сама перепечатка (целые месяцы стучишь на машинке), утомляет и доработка текста. Перепечатывая, невольно вносишь поправки, а часто вклиниваешься в самый смысл, сочиняешь новую главку. Уже полгода такой работы довели до крайней степени усталости. А предыдущие годы были не легче.

А тогда, в зале, память перебирала выводы последних главок. Я их «отстукал» вчера.

И вдруг я понял: в последнем выводе надо сделать исправления. Я не совсем прав. Русский народ – не обычный народ. Этот народ – всегда жертва. На этом уровне и формировалось его сознание, и формируется.

Эта неожиданная мысль-находка вызвала целый поток встречных размышлений, перестроений следующих главок...

Иногда я поглядывал на Андрея Дмитриевича. Он тоже почти не слушал ораторов, откровенно придремывая. Все же в полной мере я не сознавал, что за человек сидит слева от меня.

Я сидел рядом с ним в понедельник (первый день работы съезда) и еще – во вторник. В среду меня залихорадило – я не приехал на съезд, а когда пришел утром в четверг (зал еще был пустоват), мне навстречу поднялся Г.Х.Попов и сказал полупшепотом, хотя вокруг никого не было:

– Андрей Дмитриевич умер.

Весь день я невольно посматривал на пустое кресло слева от себя. Там уже лежали цветы.

В тот день, четырнадцатого декабря, Горбачева несколько раз пытались склонить к тому, чтобы объявить национальный траур, но вождь перестройки был непоколебим. Было видно: это ему не по душе, просто труднопереносимо. Его даже как бы корежило от этих слов. Из опыта работы первого Съезда я вынес убеждение в том, что Генеральный секретарь ЦК КПСС хранит в душе острую неприязнь к Сахарову – единственной независимой «территории» Советского Союза. Ни оккупировать, ни взять блокадой ее не представлялось возможным.

Это, наверное, была самая ненавидимая «территория» в мире.

Траур, разумеется, не был объявлен. Более того, в день похорон Сахарова депутатам раздавали билеты в Большой театр на «Хованщину». Это уже было глумление, и в нем приняли участие сотни народных избранников.

И в последующие дни на кресло аккуратно клали цветы.

Кто-то выступил с предложением навсегда оставить кресло Сахарова свободным. Его и впрямь никто не мог занять. Никто.

Горбачев пропустил это предложение как нечто неуместное, в некотором роде даже слабоумное. Он сделал вид, что оно, это предложение, как бы и вовсе не поступало.

Я поглядывал на кресло с цветами и мучался сомнениями.

Сахаров отдал свыше двадцати лет борьбе за свободу народа – это значит, что он прошел через пытки, отказ от какой бы то ни было личной жизни, клевету, порой почти полное отчуждение.

За ничтожными исключениями, он тогда не был услышан на Родине.

Можно отделаться фразой по Гегелю: каждой идее приходит свое время (что-то в таком роде, марксисты обожают такие цитаты). Но это будет неправдой.

Все дни смотрел я на кресло, слушал зал, вглядывался в людей, разгуливавших в перерывах в вестибюле, коридорах, – и складывался простой до предела ответ:

«Глух народ или нет определяет степень его сытости. Когда народ начинает испытывать нужду, он начинает слышать, даже если его уши заливают морями лжи. Когда народ начинает голодать и мерзнуть, он уже слышит. А когда приходит время бесконечных очередей, карточек, спекуляций и настоящего голода, следуют прозрение и революции.

И тогда чудачки, скоморохи, убогие вдруг вырастают в сознании народа до божественных высот. Они уже Пророки.

Пророк.

Да, градус совестливости всегда находится в прямой зависимости от сытости. Сколько святых и бесребреников распято на глазах сытых!..»

Я возвращался с предпоследнего заседания съезда. У Кутафьей башни жиденько переливалась толпа – ждали депутатов: передать просьбу, пожать руку, просто посмотреть на знаменитость.

Подземным переходом я направился к Румянцевской библиотеке. Переход был сырой, с лужами и постами милиции.

Я шел и вспоминал разговор с Ю.В.Андроповым (в 1974 г.) – главой КГБ и членом Политбюро. Он принял меня, чтобы порасспросить о той книге, которую я тогда написал, – «Особый район Китая». Юрия Владимировича интересовали выводы, насколько они подкреплены документами. Тогда он и оборонил фразу, которую я храню в памяти и по сей пору и вышибить которую оттуда возможно лишь стараниями врачей из «психушек»:

– Вот наделаем колбасы – и у нас не будет диссидентов.

В стране уже тогда возникли трудности с продовольствием.

Для Андропова стремление к свободе определялось отсутствием или присутствием колбасы. И ничем другим. Есть сытость – свободы не нужно.

И это было сказано об инакомыслящих; стало быть, и о декабристах – хотя у них не только колбасы было в досталь... Сказано было о всех, кто умер за свободу.

Есть сытость – свобода не нужна.

Поэтому инакомыслящих и направляли в «психушки». При таком мышлении самой могущественной в мире тайной службы все инакомыслящие – ненормальные. У каждого из них этой колбасы сколько угодно. Значит, объяснение одно: ненормальные.

Есть сытость – свобода не нужна.

Зверь, птица умирают без свободы – у них в клетке сколько угодно корма. Не живут без свободы.

А человек?!

И эти люди (Андропов и ему подобные) определяли направление движения целого народа! Имя системы, которая ставит у власти этих нравственных уродов, – ленинизм и КПСС.

И вот такой человек судил Сахарова!

А другие брали билет на «Хованщину».

Я шел и думал о том, что в этом случае, как, впрочем, и во всю русскую историю, столкнулись два понимания свободы. Понять Сахарова Андропов вообще не мог, даже если бы очень хотел. Такой орган у него начисто отсутствовал.

Я шел и вспоминал обоих этих людей. Уже неживых.

И еще вспоминал, как черная юркая «Волга» несла меня на Лубянку, в кабинет Андропова. Машина путала следы. Это не преувеличение, не выдумка. Кремлевские старцы не доверяли друг другу, и у каждого за каждым была своя слежка. Андропов не хотел, чтобы о нашей встрече кто-то знал. Он проводил свою политику по Китаю. И не хотел обозначать те источники, откуда могла поступать информация, пусть даже такая малая, как моя.

Владимир Ленин

У меня хранятся номера «Известий» самых первых лет советской власти. Подарил их мне старик Поляков – главный тренер России по тяжелой атлетике. Незадолго до своей смерти (около 1966 г.) позвал меня и отдал старые газеты и книги. За книги взял пустиак.

Газеты пообжили клопы, и я с неделю пересыпал их всякими порошками в гараже. Среди газет оказался номер от 25 января 1924 г. со статьей Николая Александровича Семашко – наркома здравоохранения РСФСР с 1918 по 1930 год, умершего в 1949 г. Семашко был старым большевиком, соратником Ленина.

Газеты я переплел в три блока. Храню в платяном шкафу на шляпной полке. Весь этот шкаф я перегородил полками и наполнил книгами по последним революциям и Гражданской войне. Здесь они не бросаются в глаза и в то же время соединены вместе. Для работы удобно.

Это настоящее богатство. Книги этого времени уничтожали беспощадно. Еще три года назад давали «срок».

Я достаю блок в красном переплете. Та газета здесь, самая первая.

Отношу блок на диван, открываю. Иду в прихожую за маленькой табуреткой, сажусь напротив газеты. Прежние сгибы отвердели, съедают буквы. Осторожно растягиваю страницы. Бумага ломкая, рыжеватая, по сгибам проклеена калькой. Теперь все буквы на виду.

Как можно ради никем не доказанной схемы, ради утопии, оспариваемой во многом даже единомышленниками, бросить в огонь миллионы людей?..

Истоки убежденности этого человека? Истоки воли?..
Сколько же часов и дней я провел над этими страницами!

* * *

Раскрываю красную папку. Вот номер «Известий» от 25 января 1924 г. Растягиваю лист на сгибах. Гляжу на газету, будто впервые вижу. Новые мысли заставляют заново воспринимать каждое слово.

«Над могилой вождя» – редакционная статья Юрия Стеклова. Теперь я знаю: его настоящая фамилия Нахамкис. Он на шесть лет старше Сталина и на добрый десяток лет раньше его включился в революционное движение, убит Сталиным в 1941 г.

Сверху страницы «Реквием» – безымянные строфы. Бок о бок с ними сообщение Комиссии ЦИК СССР по организации похорон В.И.Ульянова-Ленина: погребение в воскресенье, двадцать седьмого января.

Четверть века спустя о том воскресении расскажет фильм «Клятва», удостоенный самим Сталиным премии его же имени. Целый народ глазел на всеобщую ложь – клятву Сталина на Красной площади у гроба Ленина.

Не было ее на Красной площади.

Под сообщением Комиссии – «Траурный марш» Владимира Кириллова.

В «Литературной энциклопедии» 1931 г. издания (да, я помню: пятый том) достаточно о Кириллове. Крестьянский и рабочий поэт. Бродяжничество по свету: Греция, Египет, Турция, США... Участник Февральской и Октябрьской революций, один из самых «выдающихся поэтов эпохи военного коммунизма», но уже тогда в нем проглянула гнильца. Как же там в энциклопедии?..

Иду, беру этот том с полки. Листаю.

Вот... «патетика революции не смогла заглушить вскормленную подвальным прошлым грустную мечтательность»!

И еще: «Кириллов не выдержал перехода от Гражданской войны к нэпу... порвал с организованным пролетарским литературным движением... ратует за розы против стали, доходя до реакционнейших нападок на индустриальную культуру, яковы заменившую сердце бездушным механизмом...»

И больше в справочниках ни слова о Кириллове, а у нас это всегда означает одно (исключения крайне редки): поставили к стенке или помер в лагере.

К кому же обращал Кириллов свой «Траурный марш»? Ведь у человека с двойной фамилией были отлиты пули и для него. Ничего не меняет то, кто их выпустил. Пусть Сталин, мог Троцкий или Фрунзе (этот всю белую армию, уже пленную, расстрелял в Крыму – почти сто тысяч человек, почти сплошь мобилизованные крестьяне), а мог и «великий гражданин» Киров... Разве бывают листья, ветви и ствол без корней, разве может все это существовать само по себе, раздельно?..

Можно подумать, что нэп изменил Непогрешимого: он осознал опасность одного только террора, одного грубого силового давления, примата крови над всем остальным в этом мире. И осознав, переключился на благословенные «экономические рычаги» (рыночные) управления обществом.

А ничего подобного. Не того закала этот человек. Обратился к нэпу, дабы спасти разваленную своим управлением экономику и удержать власть. Но идею свою – диктатура пролетариата (значит, диктатура партии, а прежде всего лично его, как единовластного диктатора) – по-прежнему держал за главную. Это он, Ульянов-Ленин, в апреле 1921 г. строжайше предписывает всем карательным органам, а заодно и самой гуманной партии:

«...нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безогово- рочно».

Было над чем поразмыслить Романовым, паря над бывшей своей империей...И «Реквием», и «Траурный марш» были сочинены по преданным и обманутым надеждам. Отпевали же не главного вождя, а самих себя. Пророческие были похороны...

Россия в крови принимала ленинизм. Сначала Гражданская война, после одно нескончаемое насилие в стране. Чужд был ленинизм народу. Жгли иконы, заколачивали храмы, изгалялись над верой, которой обязан русский народ своим единством и своей государственностью; всякую независимую мысль ставили к стенке, грабили крестьянство, эксплуатировали рабочих, как это им и не снилось при царях...

Говорить мог только один человек. И его слова святы!

Христа изгоняли из памяти людей. Сын симбирского статского генерала (действительного статского советника) иконился вместо него...

* * *

Меня не занимает умственная сила человека с двойной фамилией. Меня занимает его решимость. Что это – фанатичная убежденность, увлекшая значительную часть народа, месть за гибель любимого брата, боль за народ, принявшая такую уродливую форму? Как в схему втискивать жизнь и казнить миллионы во имя каждой буквы и линии своей утопии? Откуда эта совершенная глухота к практике применения идей? Откуда эта решимость залить мир кровью ради своей утопии?

Мысль о всеобщем благоденствии, которое ждет всех за этими морями крови, муками и воплями обездоленных, оскорбленных, поруганных?!

Исторический выбор, сделанный народом... Народ выбрал не террор, не красную рубашку ката и палача с колпаком и прорезью для глаз.

Ленин разорил Россию бессмысленно и зло. И в этом ему была верной опорой партия. Она и до сих пор разоряет родную землю. Быть в этой партии – бесчестье, это клеймо волка среди людей.

В любом обществе водятся зло, горе, несчастья, но ведь нашему были обещаны счастье и справедливость. Народ поверил, а ему набросили на шею петлю и, как в столетия монголо-татарского ига, поволокли за конем.

И погнали народ через рабство.

От марксизма, от Ленина, от революции было усвоено: давить! И это «давить» было перенесено на всю дальнейшую жизнь...

И я вчитываюсь, вчитываюсь в газету...

* * *

Не кончен наш счет с «Известиями» лет революции. Не прочтена статья наркома здравоохранения Семашко – те самые четыре столбца текста. Итак, этот номер от 25 января 1924 г., все четыре столбца передо мной.

«Вскрытие тела Владимира Ильича подтвердило в точности те предположения, которые делали врачи при жизни, разве только с одной поправкой: болезненный процесс пошел гораздо дальше, чем предполагалось раньше.

Основной болезни Владимира Ильича считали затвердение стенок сосудов (артериосклероз). Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти Владимира Ильича. Основная артерия, которая примерно три четверти всего мозга – «внутренняя сонная артерия»... при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости.

Если уже основная артерия, при самом своем выходе в череп, так изменилась, то становится понятным, каково было питание всего мозга и каково было состояние других мозговых артерий, ее веточек: они тоже были поражены, одни больше, другие меньше. Например, отдельные веточки артерий, питающие особенно важный центр движения, речи, в левом полушарии оказались настолько измененными, что представляли собой не трубочки, а шнурки: стенки настолько утолщились, что закрывали совсем просвет. Пере-

бирали каждую артерию, которую клиницисты предполагали измененной, и находили или совсем не пропускавшей кровь, или едва пропускавшей.

На всем левом полушарии мозга оказались «кисты», то есть размягченные участки мозга; закупоренные сосуды не доставляли к этим участкам кровь, питание их нарушалось, происходило размягчение и распадение мозговой ткани.

Такая же киста была констатирована и в правом полушарии.

Склероз был обнаружен и в некоторых других органах: в нисходящей части аорты, на клапанах сердца, отчасти в печени; но степень развития склероза этих органов не могла идти ни в какое сравнение с развитием склероза в артериях мозга: в мозгу он пошел гораздо дальше, вплоть до обызвествления сосудов.

Отсюда же понятна и безуспешность лечения: ничто не может восстановить эластичность сосудов, особенно, если она дошла уже до степени обызвествления, до каменного состояния; не пять и не десять лет, очевидно, ЭТИМ болел Владимир Ильич... И когда артерии, одна за другой, отказывались работать, превращаясь в шнурки, нельзя было ничего поделывать: они «отработались», «износились», «использовались»... С такими сосудами мозга жить нельзя.

Таким образом, вскрытие тела Владимира Ильича показало, что нечеловеческая умственная работа, жизнь в постоянных волнениях и непрерывном беспокойстве привели нашего вождя к преждевременной смерти.»

* * *

Хронически больной человек (не пять-семь лет, а десятилетия) подгрел под себя руководство огромной страной и увлек в самые невероятные пробы – распадающимся мозгом кроил новое государство...

Нет, нет, все это было бы слишком просто: искажения, извращения от болезни! Его мозг, действительно, был тяжело болен и, действительно, существовал на голоде крови и воздуха. И логика мысли пресекалась нарушенностью связей...

Этот человек был могуч. И с изуродованным мозгом, он признавал и узнавал лишь свои идеи и лишь движение к выкристаллизовавшимся идеям. Изуродованный к последнему десятилетию жизни мозг даже по-своему помогал своему владыке, гася, лишая силы все прочие импульсы, не доводя их до степени сопротивления зрелых мыслей. Огнем были прокалены связи-мысли о диктатуре, насилии, государстве-казарме, мерцающем ему социалистической общиной, но безумно далеком от таковой, потому что в той общине, которая пестовалась больным мозгом, все скрепляли пули солдат и охранников, и все были обречены на молчание. И ничто не могло погасить эти связи. Снова и снова они возобновлялись в распадающейся плоти мозга, проторяя пути в еще нетронутых тканях, – и снова пылали главные связи-мысли.

Казнь старшего брата, горе семьи, традиции семьи обратили его ум на разрушение как единственную форму овладения будущим. Все подчинил он одной только этой мысли.

Что не имел он ни малейшего представления о созидании, безответственности разрушительства, доказывает практика дней новой власти. Никто не ведал, каким обернется завтра, кроме общих лозунгов. Вождь тоже не ведал, ибо он познал и умел лишь разрушать. Как может знать созидание человек, сознательно казнящий в себе даже искорку добра? Да, даже обычную размягченность от музыки...

Всех в светлое завтра!

И в неизвестное гнали, волокли силой.

Но целесообразно лишь то, что естественно, что, переполняясь, само находит себе движение, подобно таянию снега весной. Ничего не способно взрастить насилие. Оно способно поставить на колени миллионы, но никогда – накормить и

сделать счастливым. Ибо целесообразное возникает лишь из естественного. Насилие и есть насилие, поскольку оно противно естественному.

Чтобы слышать других, нужно сердце – и уже не верить умным, логичным и самым привлекательным расчетам, если от них оторвана душа. В мерзлых буднях взрос ледяной мир без сердца, с ледяной кровью, механической волей. И людям в нем голо и страшно. Механично он выдает им их порции жизни и диктует все слова, которые они после говорят друг другу. Ибо так было задумано. Ибо таким и был мир их святого.

И велел он кланяться ему всем живым. И они идут к нему и будут идти замороженные льдом его воли, насыщаясь этим льдом, прокаляя весь мир льдом своего дыхания.

И так будет всегда, если человек станет отрывать душу от своих мыслей и дел. Да, да, ибо так и было задумано!..

Я готов закрыть этот блок со старыми газетами. Слишком часто я заглядываю в него и слишком много насыщаюсь тленом. Но взгляд скользит по строчкам:

«...Этим констатированием протокол кладет конец всем предположениям (да и болтовне), которые делались при жизни Владимира Ильича у нас и за границей относительно характера заболевания...»

Семашко имеет в виду слухи о сифилисе у Ленина, которые имели тогда широкое хождение в обществе. Именно сифилис в качестве одной из форм осложнений имеет подобные поражения сосудов, безусловно влияя и на психическое состояние. Не раскрывая существо слухов, нарком здравоохранения РСФСР отводит внимание от них рассказом о титанической деятельности вождя и наследственной предрасположенности.

Никто никогда не решит, так ли это. Нужно беспристрастное изучение соответствующих архивов, а это совершенно исключено (будут любые подлоги, но не изучение фактов), хотя в партии ленинских времен (в ее высших звеньях) на сей счет существовало однозначное мнение. Автору доводилось слышать его от старых коммунистов довольно высокого ранга. И в общем, в подобной болезни нет ничего зазорного. Это, так сказать, личное дело каждого человека. И все бы ничего, и все бы замыкалось на личном, ежели бы такая болезнь оставалась только горем этого человека, его семьи. Но почему эта болезнь должна становиться горем всех, точнее бедой всех, а если быть еще точнее – судьбой всех?!..

Именно по этой причине предположение о такой болезни, факт болезни переходят из области интимной, сугубо личной в общественную. Осложнения от болезни такого рода недопустимы для главы государства, тем более в революцию, когда каждый день встает вопрос: жить или не жить тысячам людей, а если жить тем, кого оставили, – каковой будет эта жизнь. Это требует не только мощного интеллекта, но здорового интеллекта, совершенно уравновешенной психики, исключительной самокритичности.

Можно предположить, что болезнь придала учению неограниченную жестокость.

Подобные слухи были сверхопасны для новой победоносной власти. Они вызывали серьезные сомнения в правомерности происходящего, даже в определенной нормальности. И кроме того, грязнили святые хоругви самого учения.

И поэтому человек, которого утверждают вместо Христа, которого день за днем обряжают в хитон мученика и пророка, не должен быть поражен подобным недугом. Да сгинет каждый, кто прознает об этом!

И место Христа задвигается и задвигается новым «святым». И мифы о нем вмораживаются младенцам едва ли не с первым их криком.

Но распинали согласно учению – народ: яростно – и на веки веков, дабы не сомневались в новом святом и, не колеблясь, казнили, разрывали, лишали рассудка каждого, кто усомнится.

Ибо вера в нового святого есть лучшая защита для тех, кто за ним прячется! ●

РОССИЯ ГОРБАЧЕВА: ПРОВАЛ ИЛИ ПРОРЫВ?

Сказать, что мы живем в эпоху всемирных политических катаклизмов, значит всего лишь констатировать очевидное. Демократия и капитализм, которые «прогрессивное» общественное мнение на Западе сдало в архив, с поразительной легкостью одерживают верх над коммунистическими (так же, как и над крайне правыми) диктатурами. Тенденция века к усилению государственной власти и обобществлению всего и вся, порожденная русской революцией и усиленная великой депрессией, десятилетие назад начала постепенно ослабевать в Великобритании и Соединенных Штатах. Победы на выборах Маргарет Тэтчер в 1979 г. и год спустя Рональда Рейгана выглядят в ретроспективе как исторический водораздел, обозначающий возвращение к традициям истинного либерализма. Избирателям в Англии и Америке, среди которых все больше и больше становится выходцев из низших классов, благодаря преимуществам капитализма поднявшихся до средних классов, надоело терпеливо нести бремя поддержки менее производительных элементов общества. Говоря словами покойного Теодора Уайта, они решили, что «равенство стоит слишком дорого, ибо подавляет инициативу». Радикальная интеллигенция, которая, добываясь политического влияния, всегда играла на классовой нетерпимости, неожиданно для себя обнаружила, что ряды ее последователей редеют.

Процесс, схожий по результату, начал развиваться и в странах с коммунистическими режимами. Он начался в Польше в 1980 г. с организации «Солидарности», первого подлинного профсоюза, целью которого стал «захват плацдарма на берегу коммунизма». «Солидарность» черпала силы в религиозных и национальных устремлениях поляков: это было *rag excellence* движение национального сопротивления, направленное против иностранной державы, правящей при помощи марионеточного правительства. Но оно также отразило растущее раздражение части рабочих Польши режимом, который не только украл у них все политические и экономические права, но и добивался от них поддержки огромной непроизводительной бюрократии. «Солидарность» подняла на щит те самые идеалы, которые левые интеллектуалы на Западе заклеили как неоконсервативные: героями «Солидарности» стали Тэтчер и Рейган.

Влияние «Солидарности» быстро распространилось на Литву, Белоруссию и Украину, вызывая дрожь в рядах коммунистической номенклатуры. Москва была встревожена тем, что при режиме, практически полностью скопированном с ее собственного, могло возникнуть стихийное рабочее движение. Она потребовала подавить «Солидарность», но более дальновидные советские лидеры поняли, что проблема вряд ли будет решена с помощью арестов и введения военного положения. В начале 80-х в некоторых советских республиках появились предупреждения о том, что если коммунистические правительства потеряют связь с массами, их ожидает непредсказуемое будущее. Ужас перед социальными катаклизмами вместе с постепенным осознанием того, что коммунистическая экономика отстает не только от индустриальных демократий, но даже и от своих собственных недавних показателей, вынудили советское руководство признать, хотя и с большой неохотой, неизбежность реформ. Никто не может с полной уверенностью утверждать, что перестройка и гласность – это не результат изменения взглядов части советского руководства, не реализация представлений одного человека, а отчаянная попытка аппарата, состоящего из миллионов коммунистических функционеров-парази-

тов, предотвратить или отсрочить революцию. XVIII век окончился в 1789 г. падением Бастилии. О XIX веке можно сказать, что он завершился в августе 1914 г. Один день положил конец власти абсолютных монархий и аристократий, другой – гегемонии буржуазии. Не кажется невероятным и то, что историки будущего будут датировать окончание XX века 1980 г., когда пришли в движение механизмы, подорвавшие господство бюрократий и остановившие шествие человечества к тоталитаризму.

Западное «прогрессивное» общественное мнение годами неправильно истолковывало направление развития событий. Оно считало, что мир неуклонно движется к коллективизму и эгалитаризму и, как следствие, к возрастающему влиянию государства в социальной и экономической жизни. Теоретики этого направления рассматривали различия между демократическими и коммунистическими обществами как различия в степени развития, а не в природе их устройства. Эти люди считали возможным, что в конце концов обе системы «конвергируют». Такой анализ психологически подкреплялся страхом ядерной войны, а это, в свою очередь, оказывало влияние на наблюдателей и заставляло изображать Советский Союз стабильным и достаточно миролюбивым государством. Политические рекомендации, вытекающие из подобных предположений, призывали к компромиссам.

Политика голубей по отношению к СССР основывалась на нескольких взаимосвязанных утверждениях, которые сводились к следующему:

1. Коммунистические режимы оставляют желать много лучшего в смысле соблюдения прав личности и уровня жизни населения, но эти недостатки компенсируются более справедливым распределением материальных благ и наличием важнейших социальных служб (образование, медицинская помощь и т.д.).

2. Эти режимы пользуются поддержкой населения и наивно проводят политику, исходящую из приближающегося краха советской империи.

3. Сочетание авторитарного режима и русского национализма делает Советский Союз невосприимчивым к давлению извне. Попытки либерализовать его при помощи политических и экономических мер и даже радиовещания и бесполезны, и опасны. Проведение «жесткой политики» ведет только к большей озлобленности СССР, так как его агрессивность вызвана чувством неуверенности, внушенным неоднократными иностранными вторжениями. Чем меньше в СССР ощущается внешняя опасность, тем более миролюбиво ведет себя эта страна.

4. В век ядерных вооружений можно сколь угодно неприязненно относиться к его системе правления, но настоятельно необходимо пойти на уступки СССР: поддержание хороших отношений с ним должно быть первостепенной целью внешней политики США. Вместо тщетных попыток изменить коммунистические общества, Западу лучше было бы уделять побольше внимания своим собственным недостаткам.

Красноречивым примером такого образа мысли может служить суждение Джона Кеннета Гэлбрейта. Посетив Советский Союз в 1984 г. в качестве гостя дружественных советских организаций, Гэлбрейт вернулся домой уверенный в том, что в России «можно узнать многое об одной из основных тенденций в современных экономике и политике»; он напоминает своим читателям, что в одной из основных своих книг уже «отметил сходство между двумя системами и предсказал их «конвергенцию»:

«То, что в последние годы в советской экономике произошел огромный прогресс в сфере производства... видно и из статистических показателей, и по тому, как выглядят города. Это можно заметить и по внешнему виду людей на улицах, оставляющих впечатление истинного процветания, в почти убийственном уличном движении, в невероятном нагромождении жилых домов, и вообще во всем том, что касается ресторанов, театров и магазинов... В частности, советская система достигла успехов из-за того, что, в отличие

от западных индустриальных экономик, она полностью использует свои людские ресурсы.»

Гэлбрейт делает вывод о том, что, хотя советская система «далеко не идеальна», нет никаких причин думать, что она поражена кризисом или находится на грани краха. Эти замечания были сделаны за шесть месяцев до того, как Горбачев занял свой пост и заявил, что страна находится в состоянии острого кризиса.

Нет ничего проще, чем опровергнуть доводы «либералов» на примере таких несерьезных и безответственных заявлений. Но это было бы несправедливо, ибо есть и более информированные представители либеральной школы, хотя, в конечном счете, и они приходят к столь же ошибочному заключению. Ведь рассуждения голубей всегда начинаются с выводов (мы должны идти на уступки Советскому Союзу), а затем следует поиск подходящей предпосылки (Советский Союз слишком силен, чтобы вести себя с ним вызывающе или, в другом случае, напротив, он не представляет никакой угрозы). Хорошим примером такого «серьезного» подхода к этим проблемам с позиции голубей могут служить работы Северина Бялера из Колумбийского университета. В середине 1981 г. Бялер опубликовал работу, в которой выразил энтузиазм по поводу достижений администрации Брежнева. Эра Брежнева, писал Бялер, «может быть, войдет в историю как наиболее успешный период международного и внутреннего развития Советского Союза». Вот цитата из труда Бялера: «В экономике в первый раз за свою историю советское руководство было способно по мере необходимости проводить в жизнь политику «ружей и масла». Советский гражданин – рабочий, крестьянин и человек умственного труда – привык во времена Брежнева к неуклонному росту своего благосостояния.»

Ожидая, что в восьмидесятых годах темпы этого мнимого «неуклонного роста благосостояния» замедлятся, Бялер нисколько не сомневается, что советское руководство сумеет преодолеть трудности и сделает это путем усиления репрессий.

Значение этих оценок для внешней политики США было обстоятельно объяснено Бялером в статье, где он подверг резкой критике внешнюю политику Рейгана. «Логика политики администрации Рейгана базируется на одном основополагающем допущении, будто политика Запада вообще и Америки, в частности, может серьезно повлиять на поведение Советского Союза на международной арене, главным образом путем оказания давления на внутреннее развитие Советского Союза». Это допущение, по Бялеру, было ошибочным и «порождало максималистские и нереалистические цели»: «Советский Союз не испытывает и не будет испытывать в ближайшие десять лет серьезного кризиса во всех областях, так как он является счастливым обладателем огромных неиспользованных резервов политической и социальной стабильности, которых хватит для того, чтобы выдержать самые серьезные испытания».

Следовательно, вряд ли стоит надеяться, что советское руководство можно принудить направить свои усилия ко «внутренним приоритетам». Выражалось мнение о том, что поведение Советского Союза на международной арене может стать более сдержанным только в том случае, если будут достигнуты соглашения с Москвой.

События, происшедшие с момента прихода Горбачева к власти, показали полную несостоятельность всех этих предположений. Официальные советские источники признают теперь, что эра Брежнева, официально именуемая нынче «периодом застоя», привела к понижению и без того низкого уровня жизни населения. Сами же руководители Советского Союза заявили, что они зажаты в тисках «настоящего кризиса во всех областях». В восточноевропейских протекторатах Москвы этот кризис привел к революционным взрывам, в результате которых коммунистические диктатуры были отстранены от вла-

сти. Москва отреагировала на кризис не усилением, а ослаблением репрессий, направив свои усилия вовнутрь и заняв менее агрессивную позицию во внешней политике. И хотя пока еще трудно сказать, до какой степени «жесткая» политика администрации Рейгана повлияла на это драматическое преобразование, остается бесспорным, что такая политика не привела к предсказываемому ухудшению отношений между Востоком и Западом, не говоря уже о ядерной катастрофе, о возможности которой настойчиво предупреждали нас Джордж Кеннан и другие сторонники компромиссов.

Интеллектуалы, поддерживающие столь невероятные предположения, были достаточно умны и достаточно информированы. Почему же они так ошибались? Найти ответ на данный вопрос довольно сложно, можно лишь отметить некоторые общие закономерности. Западные интеллектуалы рассматривали свойства большевистского режима сквозь призму внутреннего положения в собственных странах, использовали большевистский строй в качестве оружия в борьбе с политическими противниками в собственных странах в соответствии с принципом «враг моего врага – мой друг». Так, британская Лейбористская партия, которая в 20-х годах регулярно отвергала просьбы коммунистической партии о ее признании, тем не менее приняла ее политику, оказывая давление на Британское правительство в деле установления дипломатических отношений с Советской Россией и оказания ей экономической помощи. Когда Красная Армия стояла в 1920 г. у стен Варшавы, готовясь к вторжению в Германию, британские лейбористы угрожали всеобщей забастовкой, чтобы не допустить вмешательства Великобритании, которая могла бы помочь полякам.

Для нас хорошо то, что плохо для консерваторов – таков был лозунг британских лейбористов и профсоюзных деятелей. На протяжении всего периода между мировыми войнами западные либералы проявляли не слишком большой интерес к реальному положению дел в Советском Союзе, который они либо идеализировали, либо находили разнообразные, чаще всего ложные, объяснения тому, что там происходит (наследие царизма, «интервенция» с Запада и т.д.). Им был нужен определенный образ советской России, чтобы использовать его в борьбе с политическими противниками у себя в стране; что представляла Россия на самом деле – их мало интересовало. Такой подход не позволял объективно судить о состоянии страны.

Аналогичная картина сложилась в последние годы в Соединенных Штатах. Любви к Советскому Союзу левые интеллектуалы не питали, но они презирали Рональда Рейгана и все то, за что он ратовал. Чтобы дискредитировать его внутреннюю и внешнюю политику, им пришлось придумать коммунизм, который был более стабильным, более популярным и даже более благополучным, чем тот, что существовал в действительности.

Сейчас, когда события последних лет полностью опровергли доводы голубей, можно было бы ожидать от них раскаяния. Ничего подобного: они предъявляют претензии на признание своей правоты. Так, Струоб Тальботт из журнала Time заявляет с той же безапелляционностью, с какой его журнал присвоил Горбачеву титул «Человека Десятилетия»: «Постепенно все приходит к соглашению, что советская угроза сейчас – это уже не то, что было раньше. Однако на самом деле ее никогда не существовало. Голуби были правы на всем протяжении великого спора последних сорока лет».

Иное и более скромное требование от имени голубей вышло из-под пера обозревателя и бывшего редактора журнала New Republic Майкла Кинсли. Кинсли не столько настаивает на признании победы голубей, сколько отрицает победу ястребов. Консерваторы, говорит он, ошибались, когда основывали свой анализ на концепции тоталитаризма как системы, неспособной к эволюционированию. Это рассуждение прежде всего направлено против Джейн Киркпатрик, которая популяризировала в Соединенных Штатах идею различия между «авторитарным» и «тоталитарным» режимами.

На самом деле это различие остается значимым и заметно сказывается на нынешнем тяжелом положении Горбачева и его коллег. Но будет в высшей степени неверно утверждать, что это различие определяет неспособность тоталитаризма к изменениям. Различия между этими двумя типами очевидны: авторитарные государства монополизируют лишь политическую власть, оставляя в неприкосновенности само общество, тоталитарные же системы не только присваивают себе всю политическую власть, но дробят и разрушают общество как живой организм.

Тоталитарные правительства, пытаясь модернизировать систему, сталкиваются с серьезными трудностями, заложенными в самой природе общества, в частности, проблемы возникают из-за того, что власти контролируют всю или большую часть национальной экономики. В отличие от авторитарных режимов, эволюция которых приводит в конечном счете к передаче политической власти от одного ко многим, тоталитарные режимы должны приватизировать экономику, оживлять общество, восстанавливать его жизнеспособность.

Надо сказать, что те из нас, кто проводил различие между двумя недемократическими типами правления, недооценивали степень загнивания коммунистических стран и ожидали, что падение тоталитаризма займет больше времени, чем на это потребовалось в действительности. Но ни один приверженец консервативной школы не рассматривал тоталитаризм как нечто навечно застывшее и неизменяемое. Даже самый пессимистически настроенный ее теоретик Жан-Франсуа Ревель не питает никаких иллюзий относительно судьбы, уготованной тоталитаризму. «Совершенно очевидно, — писал он в 1983 году, — что социальная система, которая за три четверти века постоянно заставляла население ощущать недостаток продовольствия и медицинской помощи, обречена когда-нибудь исчезнуть. Но не так быстро, чтобы изменить наше ближайшее будущее».

В действительности, голуби, а не ястребы считали коммунистические режимы стабильными. Сторонники жесткой линии, наоборот, считали, что твердость со стороны Запада не только будет сдерживать, но и с течением времени коренным образом изменит коммунистическую систему. Рейган неоднократно намекал на существование таких планов. В одной из своих речей в 1981 г. он прямо сказал: «Последующие годы будут знаменательными для нашей страны, для дела свободы и распространения западной цивилизации. Запад не будет сдерживать коммунизм, он опередит его. Мы не будем стараться разрушить коммунизм, но мы закроем эту печальную и странную главу в истории человечества, последние страницы которой пишутся и сейчас».

Обращаясь к английскому парламенту год спустя в июне 1982 г., президент сказал следующее: «Иронизируя, можно сказать, что Карл Маркс был прав. Сегодня мы являемся свидетелями великого революционного кризиса, кризиса, где требования экономического устройства вступают в прямое противоречие с требованиями политического устройства. Но кризис разразился не на свободном, немарксистском Западе, а на родине марксизма-ленинизма, в Советском Союзе. Мы видим здесь политическую структуру, которая больше не соответствует своему экономическому базису, общество, где производительные силы сдерживаются производственными отношениями».

Для всех, кто знаком с марксистской терминологией, эти выводы означали крах. В декабре 1982 г. Рейган подписал секретный политический документ, который определял главное направление политики США по отношению к СССР: подталкивание этой страны в направлении внутренней либерализации.

Я надеюсь, что это не покажется слишком нескромным, если я процитирую некоторые из моих собственных работ, посвященных этой теме и относящихся к предгорбачевскому периоду. В книге, написанной в 1983 г., сразу после

того, как я ушел из Совета по национальной безопасности, я развивал следующие идеи:

1. Советский Союз переживает кризис такой силы, что его правомерно называть революционной ситуацией.

2. Кризис этот выгоден Западу в том смысле, что перемены к лучшему во внешней политике СССР скорее будут вызваны неудачами, чем растущей уверенностью и чувством безопасности.

3. Советский режим должен найти способ примирить интересы государства с созидательными усилиями граждан. Добиться этого невозможно до тех пор, пока элита не поступится частью своей власти и не будет готова побудить общество к сотрудничеству, хотя бы достаточно ограниченного типа. Эта цель, по моему мнению, требует повышения роли законов, расширения рамок частного предпринимательства и децентрализации администрации, предоставления этническим меньшинствам большего самоуправления.

4. Советский Союз, направив свои усилия вовнутрь, будет вынужден отказаться от милитаристских и экспансионистских планов.

Я считал наиболее вероятным такое развитие событий: революция не состоится из-за отсутствия достаточной поддержки в обществе, возврат к сталинизму не произойдет из-за своей нереалистичности, советское руководство не станет искать спасения в развязывании войны из-за непредсказуемости результата, и начинает вырисовываться необходимость реформ как единственно возможного средства выйти из «революционной ситуации», перед лицом которой стоит сейчас Советский Союз.

Эти слова, сказанные до того, как Горбачев занял свой пост, означают, что реформы в тоталитарном Советском Союзе более или менее неизбежны.

Джордж Кеннан назвал Горбачева «чудом». Это суждение вытекает из восприятия голубями коммунизма как некоей скалы, которую ничто, кроме вмешательства божественного провидения, не в силах поколебать. Но, конечно же, советский лидер был не большим чудом, чем сотни тысяч оскорбленных граждан, вышедших на улицы Лейпцига, Праги и Будапешта и свергнувших коммунистические режимы. Горбачев занял свой пост по выбору тех же самых коммунистических старейшин, которые правили Советским Союзом в «период застоя». Его программа реформ, по крайней мере в своем первоначальном виде, должна была пользоваться у них поддержкой. Они выдвинули его на самый высокий пост, потому что они пришли к заключению, что ситуация в коммунистическом блоке достаточно тревожная и требует решительных действий. Видимо, Горбачев производил на них впечатление человека, способного найти выход из кризиса, не разрушив системы, его же породившей. Следовательно, правильнее говорить, что Горбачев является скорее продуктом тенденции советских верхов к реформам, чем инициатором реформ.

Коммунистический кризис имеет много аспектов, но прежде всего, это крушение морали. Ощущение неудачи всеобъемлюще и тем более невыносимо, что правящая партия десятилетиями уверяла своих подданных, что они идут в авангарде прогресса человечества. Чтобы спасти себя, партия должна сейчас отречься от своего прошлого. Октябрь 1917 года все еще мерцает дальним маяком на горизонте, но почти все, что делалось в области политики после смерти Ленина в 1924 г., подвергнуто сомнению и многое осуждено. Сталин объявлен «тоталитарным» правителем (определение, которое большинством западных ученых долгое время отвергалось как «упрощенное»), а тридцать лет, прошедшие после его смерти, названы «застоем». В частности, советские официальные лица признают сейчас, что Сталин, другими словами, коммунистическая партия под руководством Сталина, несет ответственность за гибель сорока миллионов советских граждан. Как может режим с таким прошлым оправдать то, что он остается у власти? Как он может убедить кого-то в том, что он не несет ответственности за эти пре-

ступления и неудачи? Эти вопросы терзают нынешнее советское руководство и являются причиной его нерешительности. Режим, который больше не верит в себя и свое право на власть, вряд ли может проложить новый курс и твердо придерживаться его.

Хорошо известно, что внешние проявления коммунистического кризиса прежде всего связаны с неудачами в экономике. Снижение темпов развития, недостаток товаров народного потребления, технологическая отсталость и одновременно сознание того, что лишь одна военная мощь позволяет Советам претендовать на звание сверхдержавы, – были главными причинами неуверенности и страха, охвативших в начале 80-х годов коммунистическую элиту. Новая школа советских экономистов призывала руководство обратить внимание на катастрофические перспективы, открывающиеся перед страной.

Что это были за перспективы, сказано сейчас с необычной откровенностью. Воспользовавшись гласностью, советские экономисты показали, насколько низким является советский уровень жизни и как далеки были от истины те западные специалисты, которые полагались на фальсифицированные советские данные. Советские экономисты сообщили, что по количеству производимых товаров и оказываемых услуг на душу населения Советский Союз занимает место между пятидесятым и шестидесятым среди всех стран мира. В 1985 г., как мы теперь узнали, советские граждане получили меньше мяса, чем в 1913 г. Размер жилой площади в Советском Союзе составляет одну десятую того же показателя для США. Единственное, в чем преуспели советские граждане, – это потребление крепких алкогольных напитков; здесь они опережают, оставляя далеко позади, все остальные страны мира. За год советский гражданин выпивает 17,4 литра чистого спирта, или 43,5 литра водки каждый, что в пять раз больше того количества, которое потребляли их прадеды при царе.

Не меньше беспокойства, чем эта статистика, вызвала у режима апатия советских людей, которые уже много лет назад разучились думать о себе как о сообществе со множеством интересов. Отчужденность молодежи и цинизм, пронизывающий все общество, делают невозможной мобилизацию людей в системе, которая по традиции полагалась на технику массовых мобилизаций. Парадоксальным результатом попытки тоталитаризма заставить личность поступаться своими интересами ради интересов коллектива стало отмирание у людей гражданских чувств.

Придя к власти весной 1985 г. Горбачев и его команда надеялись, что у них будет достаточно времени, чтобы оживить экономику и вдохнуть новые силы в общество. Вот что тогда говорил сам Горбачев: «Вначале мы считали, что наша задача заключается только в исправлении некоторых деформаций, возникших в организме общества, в улучшении сложившейся в течение последних десятилетий системы». Эта посылка оказалась ложной. Горбачев вынужден был признать, что «необходимо радикально изменить все наше социальное устройство в целом, начиная от экономического базиса и кончая надстройкой».

Осознав необъятность стоящих перед ними задач, реформаторы отказались от лозунга «ускорение» в пользу «перестройки». Перестройка привела к ослаблению власти бюрократии и одновременно стимулировала частную инициативу во всех сферах жизни народа. В конечном счете, это привело общество к сотрудничеству с правящей элитой, превратило его в активного участника жизни страны. Однако это произошло без отказа от командных методов в управлении страной: перестройка, но не строительство заново!

Короче говоря, реформаторы предприняли попытку превратить тоталитарный режим в Советском Союзе в авторитарный. Видимо, они рассчитывали на то, что общество еще хранит в себе запасы скрытой энергии, которую можно высвободить, сняв с него политические кандалы. Верой в это объясняется тот довольно безрассудный метод, к которому прибегли новые руководители –

начали демонтировать многие институты ленинско-сталинского режима, прежде чем нашли им замену.

Историки России знают о попытках провести ограниченную реформу. Дважды царизм сталкивался с подобными проблемами (экономическим отставанием, социальной апатией, ухудшением положения на международной арене) и пытался добиться от общества сотрудничества, не отказываясь от авторитарных прерогатив. Первый раз это произошло в 60-е годы прошлого века, второй – в 1904 г. Эти попытки, в целом, были неудачными, потому что либерализация экономики значительно опережала либерализацию в области политики. Но попытки реформ пробудили надежды, которые сами реформы не могли оправдать, – в одном случае, они окончились наступлением реакции, а в другом, – революцией.

Появляются признаки того, что Советский Союз в настоящий момент стоит перед аналогичным выбором. Даже укрепляя свою личную власть, Горбачеву все труднее и труднее править эффективно. Усиливается впечатление – в Советском Союзе оно превалирует, – что перестройка ничего не сделала для улучшения экономического положения в стране, а лишь создала новые проблемы и углубила политический кризис. Сам Горбачев сейчас говорит о нависшем над Советским Союзом дамокловом мече и обвиняет тех, кто критикует его реформы за медлительность и нерешительность.

Столь тревожные слова, конечно, были сказаны для того, чтобы утихомирить оппозицию. Но даже если это не так, Советский Союз находится сейчас в чрезвычайно опасной ситуации. Теперь уже очевидно, что Горбачев и его команда сильно недооценивали стоящую перед ними задачу: структура, которую они считали в основном надежной и нуждающейся лишь в тщательном ремонте, оказалась прогнившей снизу доверху. Сначала «ускорение» не соответствовало реальному положению дел и уступило дорогу «перестройке», потом усомнились, осталось ли вообще в старом здании что-то, что можно было бы перестроить. С каждым днем становится все более и более очевидно: у руководства отсутствует последовательная внутренняя политика.

Превращая тоталитарный режим в авторитарный, приходится решать значительно более сложные задачи, чем при переходе от авторитарной диктатуры к демократии. При Франко испанцы были отстранены от политической деятельности, но они поддерживали достаточно высокий уровень жизни и были готовы к созданию частных независимых объединений. Когда Франко умер, демократическим институтам было достаточно просто занять место диктатуры. Такие же преобразования были проведены в Португалии и на Филиппинах. Скорее всего, та же судьба уготована и Чили после ухода Пиночета. Однако Горбачев начинает постепенно понимать, что под громоздкой суперструктурой коммунистической бюрократии, уменьшить размер и власть которой он сейчас пытается, зияет безбрежная пустота. В Советском Союзе с его двухсот девяносто миллионным населением новое общество должно создаваться практически заново, так как от существовавшего до 1917 г. не осталось и следа. Вопрос, может ли тоталитарный режим эволюционировать, остается открытым. Советскому Союзу пока еще не удалось осуществить такой переход. В конце концов может оказаться, что для него есть всего лишь две альтернативы: либо полный крах, либо возвращение к тоталитаризму.

Советские лидеры с трудом приходят к выводу, что изменить отношения людей значительно сложнее, чем перестроить институты государства. Коммунистические режимы добились блестящих успехов в устранении угроз своей власти, но они достигли этого ценой гибели всего того, что дает жизнь политическому организму. Сейчас, когда режим обратился за помощью к населению, он столкнулся либо с равнодушием, либо с открытой враждебностью. Общественное сознание в СССР давно подавлено, и помощи ждать неоткуда.

Проблема Горбачева имеет двойную природу: в дополнение к равнодушию населения он сталкивается с оппозицией правящей элиты, которой грозит потеря почвы из-за его реформ. Чтобы преодолеть сопротивление бюрократии, Горбачев прибегнул к двум способам: во-первых, провел традиционные чистки, и, во-вторых, столкнул государственный аппарат с аппаратом партии.

В течение пяти лет он методично заменял как гражданских, так и военных должностных лиц, оставшихся от прежней администрации, своими людьми, которые разделяют или не разделяют его взгляды, но во всех случаях обязаны ему своей карьерой. Почти все нынешние члены Политбюро и секретари ЦК являются ставленниками Горбачева. Волна чисток докатилась до самых дальних ответвлений партийного и государственного аппарата, и таким образом сформировалась база личной власти Горбачева, признаков ослабления которой не наблюдается, несмотря на неудачи реформ. Горбачев торжественно пообещал сократить к 1991 г. бюрократию в стране на 40%. Эта программа увольнений предоставляет ему реальную возможность отделаться от многих опасных оппонентов.

Однако самым смелым ходом Горбачева было включение в игру государственного аппарата, функции которого со времен Ленина сводились только к проведению в жизнь директив партии и к подставлению спин под розги в случае, если что-то получалось не так. Создание нового органа, Съезда народных депутатов, избранного на достаточно демократической основе (две трети мест было отдано победившим при тайном голосовании, а остальные были зарезервированы для партии и ее кандидатов), и введение в состав Верховного Совета представителей народа сначала замышлялось как ограниченная по масштабам операция. Она имела своей целью вызвать у населения чувство причастности к политической жизни и, в то же время, служила рычагом воздействия на сторонников жесткой линии из числа номенклатуры. Местные советы, которые Ленин кастрировал, захватив власть от их имени, должны были вновь ожить.

Но и здесь реформисты недооценили всех трудностей. После семидесяти лет диктатуры политически активное меньшинство населения не собиралось мириться с ролью консультанта при однопартийном режиме. Совершенно очевидно, что руководство не было готово к поражениям своих кандидатов на выборах, которые со всей очевидностью продемонстрировали непопулярность режима. Так, во многих округах кандидаты от КПСС не смогли набрать достаточного числа голосов, даже если у них не было конкурентов. Коммунистические чиновники не могут простить Горбачеву прежде всего то, что был развеян тщательно оберегаемый миф о всенародной поддержке режима.

Неожиданным оказалось и то, что сформированный Верховный Совет быстро освоился со своими законодательными функциями, и некоторые депутаты даже стали считать себя представителями своих избирателей. При помощи системы гарантированных мест Горбачев еще может по своему усмотрению решать вопросы, которые ему кажутся достаточно важными. Но нет уверенности, что новые парламентские органы всегда будут послушными.

Действительно, хотя в Советском Союзе до сих пор правит только одна партия, различные парламентские фракции, сложившиеся на Съезде народных депутатов под видом различных «групп» или «клубов», начинают функционировать как партии. Наиболее влиятельной из них является Межрегиональная группа, состоящая приблизительно из четырехсот депутатов. Эта группа, стоящая на демократической платформе, очень напоминает Прогрессивный Блок, образовавшийся в 1915 г. в Думе и проложивший дорогу Февральской революции. Так же, как и Блок, Межрегиональная группа имеет радикальное и умеренное крыло. Победой последнего стало решение, принятое за несколько часов до смерти Андрея Сахарова, его признанного лидера,

призвать к всеобщей политической забастовке. Депутаты – сторонники жесткой линии на Съезде – ответили тем, что организовали фракцию «Россия», насчитывающую около ста членов. Таким образом Горбачев создал монстра, который шаг за шагом разрушает монополию коммунистов на власть.

До некоторой степени это относится также к различным неформальным объединениям, которых насчитывается около 60 тысяч и которым было разрешено сделать еще одну попытку вдохнуть жизнь в умирающее советское общество. В большинстве своем они безобидны, но некоторые, особенно на нерусских территориях, стали серьезной угрозой для сохранения политического статус-кво.

Процесс политической эволюции, развивающийся в Советском Союзе с 1985 г., полон противоречий, в которых нелегко разобраться. Очевидны две вещи: принимаются меры по демократизации общества и происходит концентрация власти в руках одного человека. Однако не ясно, вовлекает ли Горбачев население в политическую жизнь для того, чтобы разделить власть или чтобы просто использовать его в борьбе со своими личными врагами. Он не только укомплектовал гражданскую и военную администрации своими последователями, но и взял в свои руки бразды формальной власти. В декабре 1988 г. он занял пост Председателя Верховного Совета, что дало ему значительно большую власть, чем та, которой пользовались его предшественники, именовавшиеся Председателями Президиума Верховного Совета. Он одновременно является Генеральным секретарем партии и главой государства, что обеспечивает ему, по крайней мере формально, огромную власть. Сахаров высказывал сильные опасения, что такая концентрация власти может быть использована в иных, не реформистских целях.

Экономическая реформа, то главное, ради чего была начата перестройка, не удалась. От глобальных планов по восстановлению частной собственности на средства производства пришлось отказаться, потому что они несовместимы с плановой экономикой и однопартийной системой. Восстановление свободного рынка было отложено на неопределенный срок из-за того, что это требует коренной реформы ценообразования, что неизбежно вызовет инфляцию и в результате увеличит социальную напряженность. Пятилетний план на 1991–95 годы, как было недавно заявлено, идет теми же проторенными дорогами. Главный институт ленинско-сталинской экономики – Госплан – сохраняет власть над национальными ресурсами. Были даны обещания перейти к производству потребительских товаров, оказать поддержку кооператорам, но, видимо, в последние пять лет эти обещания не будут выполнены.

Положение с потребительскими товарами становится невыносимым. Ощущается недостаток овощей, но даже когда они есть, их используют в пищу с осторожностью из-за того, что они пропитаны пестицидами, нитритами и другими химикатами. Недавно в прессе появились сообщения, что кошки в СССР отказываются есть колбасу и сосиски, приготовленные для людей. Главные жертвы всего этого – советские бедняки, то есть, по официальному определению, граждане, получающие менее 78 рублей в месяц (5 долларов по ценам свободного рынка). Правительственные источники оценивают их количество в 43 миллиона человек.

Имея столь низкие доходы, можно выжить, покупая все только в государственных магазинах, где цены искусственно занижены. Однако обуржуазившийся кооперативный рынок, поддерживаемый перестройкой, перекачивает эти товары в частный сектор, и в результате многие советские граждане живут сейчас в условиях постоянной нехватки продуктов и немало пенсионеров умирает от недоедания.

Отсутствие у населения доверия к национальной экономике нашло свое отражение в катастрофическом падении курса советской валюты на черном рынке. Еще сравнительно недавно, летом 1988 г., рубль, курс которого искусственно поддерживался правительством на уровне 1,61 доллара, про-

давался за 20 центов в США. В прошлом году его курс понизился еще больше, а в текущем году он стоит всего 7 центов.

Экономическая реформа провалилась по многим причинам. Прежде всего, из-за трудностей привить частную инициативу централизованной экономике. Советские граждане не доверяют торжественным обещаниям правительства уважать права и заработки кооперативных предприятий. Но помимо всего прочего, существует естественная заинтересованность партийной бюрократии, которой государственное (то есть бюрократическое) владение национальной экономикой обеспечивает беззаботное и безбедное существование. Бюрократия боится политических последствий накопления капиталов в частных руках. Трудно измерить всю степень риска, которому коммунистические консерваторы подвергают страну, саботируя планы экономической реформы, ясно, однако, что их победа над либеральными экономистами приведет к катастрофе. Перестройка усугубляет социальное неравенство в стране, где оно считается недопустимым. Она ведет также к увеличению безработицы, которая, по идее, не должна существовать при коммунистическом режиме. В настоящее время в СССР насчитывается несколько миллионов безработных, и правительственные эксперты ожидают, что 2005 г. их число достигнет 15–16 миллионов. Усиление неравенства и значительное увеличение числа безработных на фоне общего падения уровня жизни создает потенциально революционную ситуацию.

Советское руководство, видимо, не имеет ясного представления о том, как уберечь себя от такой перспективы. Оно, конечно же, не может открыто перейти к капитализму в полном смысле слова, что, по личным признаниям некоторых советников, они бы предпочли. Они говорят о шведской социально-демократической модели, которую большинство населения считает наиболее привлекательной, но они не знают, как добиться этого, и не понимают, что создать такую систему можно только, если она культивировалась бы на протяжении многих столетий.

Самое большее, чего смог добиться Горбачев, — это вызвать восхищение Запада политикой гласности, ослаблением абсурдной цензуры (цензура была ослаблена, но не отменена, так как ее орган, Главлит, продолжает действовать, хоть и придерживается более либерального курса). Эта политика была воспринята почти всеми экспертами с удивлением, так как многие, если не большинство (и я в том числе) рассматривали навязывание населению того, что Алан Безансон назвал «сюрреализмом», как необходимую составную часть выживания коммунистических режимов. Через некоторое время гласность может в действительности оказаться фатальной ошибкой. Как можно позволить открыто критиковать правительство и одновременно не разрешать делать что-либо, чтобы как-то изменить правительство?

Однако предоставление некоторой свободы слова было необходимо. Советский режим десятилетиями уверял своих граждан в том, что они живут в самой прогрессивной и процветающей стране мира. Если дело обстояло действительно так, то зачем понадобились какие-то перемены? Чтобы оправдать перестройку, было необходимо сказать правду о бедственном положении, в котором оказалась страна. По всей видимости, коммунистические лидеры, оказавшись в очередной раз жертвами своей собственной пропаганды, посчитали, что будет достаточно обвинить во всех несчастьях страны Сталина и Брежнева. Они подставили их под огонь критиков, ожидая, что он не коснется основ коммунистического режима.

Лидеры быстро лишились иллюзий. Оказалось чрезвычайно сложно удержать в заранее очерченных границах свободу мнений, лишённую однажды оков; она начала разрастаться и жить своей жизнью, выходя за рамки дозволенного. Повышенный интерес к прошлому неизбежно вызывал повышенное внимание к настоящему. Каждое разоблачение лжи, каждое нарушение табу пробивало брешь в стене официальной мифологии, и через нее проникала

критика, готовая идти на штурм следующего бастиона. Цензоры, сбитые с толку туманными директивами, растерялись.

Границы, установленные для свободы слова, постоянно нарушаются. В целом, Ленин остается вне критики, хотя иногда и он подвергается нападкам за организацию концентрационных лагерей и роспуск всенародно избранного Учредительного Собрания. Но договор Советского Союза с нацистской Германией, бойня в Катыни, убийство царской семьи нашли дорогу на страницы советских средств массовой информации. То же произошло и с оценками состояния советского общества. Однако не допускается «очернение» нынешнего руководства. Горбачев вышел из себя, когда «Аргументы и факты», самая читаемая в Советском Союзе, если не во всем мире, газета с тиражом более тридцати миллионов экземпляров, опубликовала данные опроса читателей, который показал, что не он, а Андрей Сахаров является самой популярной личностью в стране. Но даже при этом Горбачеву не удалась его попытка снять главного редактора провинившегося еженедельника.

В конце 1989 г. в Советском Союзе насчитывалось более трехсот независимых изданий, большинство из которых имеет демократическую, прозападную ориентацию. Сосуществование относительно независимой прессы с однопартийным режимом является абсолютно ненормальным. Оно обязано своим появлением широко распространенному в стране мнению о том, что нынешняя неопределенная ситуация вряд ли сохранится и закончится либо полной свободой, либо несвободой.

Популярность Горбачева за границей возникла прежде всего благодаря его обещаниям уменьшить военную угрозу путем сокращения военных расходов, обычных и ядерных вооружений и достичь далеко идущих соглашений с Западом в области ограничения вооружений. Эти обещания не только уменьшили угрозу ядерной войны, нависшую над человечеством в последние четыре десятилетия, но и обозначили перспективу существенного сокращения военных ассигнований, от чего заметно выиграют и налогоплательщики, и социальные службы.

Логика диктует, что Горбачев должен выполнить эти обещания, если его программа реформ окажется успешной. По оценкам западных экспертов советские военные расходы, составлявшие 6–7% валового национального дохода, выросли в два раза; сейчас некоторые специалисты считают, что они составляют 25%. Это тяжелое бремя грозит стать невыносимым: эволюция систем вооружений ведет к увеличивающемуся вовлечению дорогостоящих технологий и постепенному отказу от дешево обходящегося Советскому Союзу вовлечения больших людских ресурсов. Поэтому вполне закономерно, что общественное мнение Запада приняло обещания Горбачева за чистую монету, расценив их как проявление доброй воли, подкрепленное личной заинтересованностью. Но и здесь картина тоже довольно мрачная и полна противоречий. Можно отметить сокращение производства некоторых видов вооружений, особенно танков, вывод войск из Афганистана и сокращение их численности в Восточной Европе. Одновременно можно привести много фактов, которые заставляют сомневаться в намерениях Советского Союза.

Продолжается наращивание ядерного потенциала. Разрабатываются и развертываются новые стратегические ракетные системы (СС-24 и СС-25). «Модернизация» ракеты самой большой мощности в советском арсенале, СС-18, похоже, выливается в создание совсем новой ракеты, что является нарушением договора ОСВ-2. Новая программа гражданской обороны, чуть ли не основная цель которой обеспечить номенклатуру тепленькими местечками, развивается быстрыми темпами. Одновременно строятся две новые подводные лодки, способные нести ядерные ракеты, и два новых авианосца. Не прекращаются работы по программе создания ракетной обороны. Одностороннее сокращение численности войск в Центральной Европе, о котором Горбачев под звуки фанфар объявил в ООН, проводится загадочным способом: некото-

рые части получают новые назначения, а не отправляются домой. Большая же часть вооружений перевозится ночью, когда за подобными перевозками невозможно следить при помощи спутников.

Советский Союз продолжает проявлять военную активность на море, создавая военно-морские базы и предоставляя субсидии пользующимся его покровительством режимам. Военно-морские силы СССР строят сейчас большую базу в Тартусе в Сирии, которая даст им возможность обслуживать надводные корабли и подводные лодки в Средиземном море. Видимо, этот порт будет находиться под полным советским контролем. Расширяется военно-морская база на Кам-Ранх-Вей во Вьетнаме. Современные советские самолеты появились в Северной Корее и Ливии. В Афганистане военная помощь, оцениваемая в 250 миллионов долларов в месяц, позволяет марионеточному правительству удерживаться у власти. Кроме того, продолжается военное вмешательство в Центральной Америке. Правда, чтобы успокоить Вашингтон, Москва больше не поставляет оружие сандинистам и сальвадорским повстанцам непосредственно, а делает это через посредника – Кубу. А иначе какой смысл вкладывать миллиарды в Кубу Фиделя Кастро кроме того, чтобы заполучить ценные военные объекты и средства обслуживания? Тем более, что кубинского диктатора нельзя назвать большим другом Горбачева, – он публично издевается над горбачевскими реформами.

Конгрессмен Ли Аспин, хорошо информированный и уравновешенный оптимист, признается, что сбит с толку советскими военными инициативами. Внимательно изучив его рассуждения, приходится сделать вывод о том, что его оптимизм питают в основном обещания Советского Союза, а пессимизм основан на твердых фактах: одно дело – что говорит Москва, другое – что она делает.

Какие можно сделать выводы, глядя на эту приводящую в замешательство картину? Скептицизм в отношении советских военных инициатив – это не дурная привычка, выработавшаяся за годы холодной войны. Он является проявлением благоразумия. До тех пор, пока не будут получены неопровержимые доказательства сокращения Советским Союзом военного производства и невмешательства в дела других государств, преждевременно говорить о наступлении новой эры в международных отношениях. Те, кто готов раскрыть свои объятия Советскому Союзу, основываясь только на его заявлениях, должны помнить, как они ошибались в прошлом. Теперь выясняется, по признаниям советских представителей, что Москва верила в то, что ядерная война может быть выиграна. Кроме того, советское правительство вводило всех в заблуждение относительно своего военного бюджета, вторжение в Афганистан было агрессивней по сути, а Красноярская радиолокационная установка существует в нарушение соглашения по ПРО. Американские либералы предпочитают видеть в теперешних признаниях советских лидеров доказательство искренности Советов, но в действительности они в очередной раз допускают ошибку.

Голуби и ястребы всегда сходились в одном: национальный вопрос в Советском Союзе лучше не трогать. Либералы принимали за чистую монету претензии Советского Союза на то, что ему удалось решить проблему этнического соперничества, устранив его экономическую подоплеку и проводя интенсивную идеологическую обработку. Консерваторы по традиции считали русских людей первыми жертвами коммунизма и нашими лучшими союзниками. Они бы не хотели, чтобы Соединенные Штаты поддерживали стремления национальных меньшинств, потому что это может толкнуть русских в объятия коммунистов. В результате правительство США, которое в свое время заставило Великобританию и другие западные империи начать процесс деколонизации, педантично уважает территориальную целостность Советской империи. Даже в самые напряженные моменты холодной войны со стороны американской администрации не говорилось и не делалось ничего такого,

что могло бы быть истолковано как поддержка националистических движений. «Голосу Америки» и «Радио Свобода» была запрещено заходить так далеко, как сделал это Ленин в своей теории национального самоопределения и Советская Конституция в своих гарантиях права на самоопределение. Это был довольно любопытный случай, когда коммунистическая партия проводила более либеральную политику, чем та, которую правительство США готово было требовать от нее.

Обе позиции основывались на ошибочных предположениях. Советская национальная политика отнюдь не способствовала решению национальных проблем, а лишь усложняла их. Гегемония русских в партийном аппарате, эксплуатация Москвой природных ресурсов республик, миграция русских в эти области обострили межнациональные отношения. И Горбачеву было вполне достаточно ослабить цензуру и разрешить образование неформальных организаций, чтобы эта напряженность проявилась со всей очевидностью.

Ничуть не менее ошибочным было мнение о том, что русский народ является нашим лучшим союзником, а поддержка национальных меньшинств в борьбе за их права оттолкнет его. Партия большевиков с момента ее образования в 1903 г. по своему национальному составу была преимущественно русской. На выборах в Учредительное Собрание в ноябре 1917 г., основная поддержка большевикам оказывалась со стороны русских провинций, и там же коммунисты находили опору во время Гражданской войны. Режим старался укомплектовать офицерский корпус на 80–90% русскими и русифицированными украинцами, и, конечно же, именно эти люди заняли все ключевые посты в партийном аппарате и госбезопасности по всей стране. Это не значит, что русские выбрали коммунистический образ жизни: он был навязан им силой. Они заплатили за это человеческими жизнями по самой дорогой цене. Тем не менее, наибольшую поддержку народа КПСС находит в России, и в этом причина того, что много лет назад большевистский режим солидаризовался с русским национализмом.

В то же время нет никаких свидетельств в пользу того, что русские глубоко привязаны к своей империи или хотят править 140-миллионными колониями. Многие из них считают, что национальным меньшинствам лучше отделиться, потому что те будто бы получают непропорционально большую часть доходов общесоюзной экономики. Во время недавних волнений в Балтийских республиках и Закавказье Москва не сделала ни одной попытки использовать русский национализм, который является этноцентрическим и антикоммунистическим, по отношению к оппозиции, представленной сторонниками жесткой политики, и терпимым по отношению к реформаторам, выражающим требования национальных меньшинств.

Русские более миролюбивы и склонны к фатализму, чем остальные народы СССР, и их труднее расшевелить. Самый сильный вызов режиму исходил до сих пор от окраинных областей, где антикоммунистические настроения сочетаются с враждебным отношением к господству русских. В Литве, Латвии и Эстонии это приняло форму прямого и, по всей видимости, бескомпромиссного неприятия коммунистического государственного устройства. В Закавказье такие умонастроения наиболее сильны в Грузии, но находят ярких приверженцев и среди азербайджанцев, чей религиозный фанатизм, подогреваемый агитацией со стороны соседствующего Ирана, привел к зверским армянским погромам. Такие настроения постепенно охватывают все республики Союза, включая Украину, отделение которой будет смертельно для русской империи.

Горбачев пытается нейтрализовать националистические волнения, изменяя псевдофедеративные принципы государства, выработанные Лениным и Сталиным в начале 20-х годов. Он предлагает перейти к настоящей конфедерации, где меньшинствам будут предоставлены большие права в распределении природных ресурсов, находящихся на их территориях, и будет прекра-

щена языковая русификация. Считается, что парламентские комиссии работают над созданием нового и более либерального конституционного законодательства. Но вопрос в том, насколько эти попытки искренни, остается открытым в виду того, что Горбачев публично выступает за сохранение единства (целостности) коммунистической партии, то есть за то, чтобы управление по-прежнему осуществлялось из русского центра. Похоже, однако, что большинство этнических групп не будет удовлетворено такими уступками и продолжит настаивать на полном суверенитете. Как считает один русский интеллеktуал, Советский Союз не сможет войти в двадцать первый век, неся на себе бремя колониальной империи.

Никто не ожидал, что Москва ослабит свою хватку в Восточной Европе. Некоторые из нас рассматривали возможность «финляндизации» региона, но в отдаленном будущем. Последние события превзошли все ожидания.

Найти разумное объяснение проводимой с 1985 г. Москвой политики в Восточной Европе можно будет только тогда, когда имеющие к этому непосредственное отношение документы станут доступны историкам. Сейчас можно лишь заниматься спекуляциями. Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что советские власти пришли к выводу, что экономическая и политическая ситуация в этом регионе настолько нестабильна, что только масштабная советская помощь может предотвратить взрыв. Оказать такую помощь не представлялось возможным: Москва не располагала достаточным количеством ресурсов. Альтернативой было подавление силой любых волнений, но это нанесло бы непоправимый урон тщательно оберегаемому представлению о Горбачеве как о либерале и борце за мир. Наиболее приемлемым было решение «финляндизировать» восточноевропейские сателлиты России. «Финляндизация» подразумевала внутреннее самоуправление и дружественный нейтралитет во внешней политике. Это было чрезвычайно смелое решение, куда более смелое, чем любое из тех, которые администрация Горбачева отважилась принять в отношении своей собственной страны. Революция была начата сверху, чтобы предотвратить свержение режима снизу.

По общему мнению наблюдателей, которое, впрочем, еще не сформировалось окончательно, коммунистическая номенклатура в восточноевропейских странах, придерживающаяся жесткой линии, была отстранена от власти иногда с благословения Москвы (Польша, Венгрия), иногда по ее указанию (Восточная Германия, Чехословакия, Болгария). То, как были низложены эти правящие элиты и заменены пользующимися поддержкой в народе некоммунистами, практически не оставляет сомнений в том, что эти процессы направлялись КПСС. В некоторых случаях Москва способствовала местным компартиям в их желании установить отношения с оппозицией; иногда она благожелательно наблюдала за тем, как уличные толпы заставляли старых лидеров отдавать власть. Коммунистические режимы в Восточной Германии, Чехословакии и Болгарии занимали прочные позиции и никогда не сложили бы полномочия по собственному желанию.

Вероятно, советское правительство считает, что Западная Европа, Соединенные Штаты и Япония окажут восточноевропейским странам достаточную помощь, чтобы те стали жизнеспособными и стабильными. При определенных условиях оно, похоже, будет готово вывести советские войска из Восточной Европы, хотя вряд ли согласится вывести их из Восточной Германии, так как это лишило бы его военного рычага в Европе и отняло бы его самый ценный трофей, захваченный им в результате победы во Второй мировой войне. Столь же маловероятным кажется, что оно согласится на объединение двух Германий, разве что на условиях, неприемлемых для ФРГ (выход из НАТО и статус нейтрального государства). Однако все постоянно меняется, сам Горбачев не знает, что его ждет завтра и как он будет действовать в новых обстоятельствах.

Общий восторг, вызванный освобождением восточной части Европы, вполне понятен. Однако будет весьма разумно сделать предупреждение: как только пройдет эйфория, демократические правительства в этих странах столкнутся с ошеломляющими трудностями. Те сорок лет бесхозийственности, в течение которых коммунисты занимались грабежом и разбоем, полностью подорвали экономику региона и деморализовали население. Пришедшие к власти демократы обладают уникальным опытом борьбы с тиранией, но не имеют его в области управления государством. Коммунистический аппарат старается сберечь остатки своей власти; некоторые из его членов с упоением ожидают момента, когда демократия придет к краху и они вернуться к власти под той или иной личиной. КГБ и советская военная разведка не покинули Восточной Европы; тысячные оккупационные контингенты Красной Армии все еще остаются на месте.

В этих условиях разумно оказать большую экономическую помощь Восточной Европе и начать переговоры со странами Варшавского Договора о взаимном сокращении вооружений. Но ситуация в этой части мира требует пристального внимания: все, что там произошло, может обратиться вспять. Если в Советском Союзе начнется сильное движение, направленное против реформ, оно быстро нарушит хрупкое равновесие в Восточной Европе.

Горбачев, получивший на Западе известность как государственный деятель, осмелившийся бросить вызов самым ярким приверженцам ленинско-сталинского режима, либерал и борец за мир, в самом Советском Союзе снискал себе весьма сомнительную репутацию человека, которому не удалось выполнить свои обещания, человека, поставившего страну на грань анархии. Трудно спорить с тем, что советское правительство теряет свой авторитет. Тому есть многие подтверждения. Хотя забастовки в энергетическом секторе были объявлены незаконными, Москве пришлось начать переговоры с шахтерами Воркуты, когда они забастовали в октябре 1989 г. По всей стране ежедневно проходят демонстрации, многие из которых, если не все, не санкционированы. В годовщину большевистского переворота, 7 ноября 1989 г., в Москве и других городах демонстранты, несущие антикоммунистические транспаранты, прошли перед окаменевшими бюрократами. В нескольких республиках диссиденты сорвали официальное празднование этого события. В Грузии и Армении они просто вынудили власти отменить торжества. Еще более зловеще выглядит то, что вооруженные силы сталкиваются с открытым неповиновением. В некоторых регионах десять процентов призывников отказались явиться на призывные пункты. В прибалтийских республиках и Закавказье призывные пункты блокируются противниками призыва в армию. Начальник Генерального Штаба пожаловался, что люди в форме часто подвергаются нападениям хулиганов, в результате в 1989 г. погибли 53 офицера. О разгуле насилия в Азербайджане хорошо известно. Подобные события не имели прецедента в Советском Союзе за последние полвека. Это зловещие достижения системы, чья власть всегда основывалась на силе.

С каждым днем режим Горбачева все больше и больше напоминает то злостное Временное Правительство 1917 г.: много слов, мало дел, неизвестно, что предпринять, поскольку структура, реформация которой необходима, рассыпается в руках. И так же, как Керенский, Горбачев добился большей популярности за рубежом, чем у себя в стране.

Горбачев предпринял упреждающие маневры, которые в глазах сторонников реформ стали предзнаменованием начала закручивания гаек. Он организовал специальные рабочие отряды содействия милиции (РОСМ). Эти подразделения совместно с Министерством внутренних дел, по идее, должны помочь в борьбе с преступностью, которая растет угрожающими темпами. Но высказываются опасения, что на самом деле они будут играть ту же роль, что и печально известные ЗОМО в Польше в 1981 г. во время подавления «Солидарности». Некоторые также обеспокоены организацией коммунистиче-

ского профсоюза, придерживающего жесткой линии, Объединенного Фронта Трудящихся России, который является противником реформ и резко критикует интеллектуалов, называя их эксплуататорами. Власти проявляют снисходительность, временами напоминаящую покровительство, по отношению к антисемитской «Памяти», наиболее ярые сторонники которой поддерживают лозунги нацистов. Блок «Россия» на Съезде народных депутатов, РОСМ, Объединенный Фронт Трудящихся и «Память» – это инструменты, которыми Горбачев, или его преемник, может воспользоваться, чтобы закрутить гайки.

Осуществит ли Советский Союз переход к современному гражданскому обществу, умрет в судорогах революции или гражданской войны, или же, подобно Китаю, прибегнет к репрессиям – в настоящий момент предсказать нельзя. Наиболее подходящим для всех заинтересованных сторон решением была бы спокойная планомерная передача всей власти, на которую традиционно предъявляла права коммунистическая партия, демократически избранным институтам. Это то, что, по-видимому, имел в виду Горбачев в своем выступлении на Пленуме Центрального Комитета КПСС, состоявшемся 5 февраля 1990 г., в котором он призвал к отказу коммунистической партии от монополии на власть, созданию института президентства, к введению многопартийной системы. Если эти революционные изменения будут проведены в жизнь, они уничтожат то, что создал Ленин. Может ли это быть достигнуто? Положение самого Горбачева выглядит чрезвычайно прочно, в его руках сосредоточено больше личной власти, чем у любого другого советского лидера после Сталина. Но с момента его прихода к власти в 1985 г., коммунистическая партия – его главный инструмент – во многом утратила авторитет и престиж. По этой причине осуществление подобного перехода может оказаться невозможным. Массы поддерживают Горбачева в борьбе с укоренившимися партийными аппаратчиками, но представление населения о будущем России может не совпадать с его собственным. По мере того, как власть ускользает из рук партии, на выбор политического курса страны могут оказать влияние самые разные политические течения: от реакционных до анархических и сепаратистских. Отдавая себе отчет в неправомерности и одновременно непопулярности коммунизма, Горбачев ищет способ избавиться от него собственную страну, как это ему удалось в Восточной Европе. Но никоим образом не predetermined, что русская империя с ее многонациональным населением обладает достаточной прочностью, чтобы уйти от тоталитаризма мирным путем. Столь же неясно, захочет ли Горбачев, при всей его приверженности демократии, и дальше исполнять волю народа, ради которого были начаты реформы. Ведь одно дело поднять глас народа против своих противников, и совсем другое – подчиняться его непредсказуемым законам. ●

1989 г.

N.N. (Лондон)

ИГРОКИ И СОБСТВЕННИКИ

Заметки о современном капитализме

«Мы вас похороним», – бахвалился Никита Хрущев в разговоре с Никсоном. Это было не так уж давно, в 1959 г. Хрущев искренне верил, что для производства материальных благ коммунизм приспособлен лучше капитализма. На Западе кое-кто согласился с ним сразу, другие – через два года, когда Юрий Гагарин стартовал в космос. Если коммунизм смог создать искусственный спутник, то какие же могли быть сомнения в том, что он без особого труда обгонит соперников в столь банальном деле, как производство обуви, колбасы и мыла.

Тридцать лет спустя подобные взгляды выглядят абсурдными. Люди выстраиваются в очередь за мылом на улицах Москвы; колбаса для многих существует только в виде дразнящих воспоминаний. Народы Восточной Европы поспешно бегут прочь от коммунизма, а большинство их лидеров готово заменить коммунизм той или иной разновидностью капитализма. Коммунизм не только умер – его труп уже предан земле.

История знает немало примеров столкновения различных экономических доктрин. Среди них, однако, не было ни одного столь значительного, как конфликт между капитализмом и коммунизмом. И ни одна победа в подобных столкновениях не была столь внезапной и окончательной. Более того, восьмидесятые годы явили нам свидетельство не только краха коммунизма, но и – в странах Запада – возрождения капитализма. Лет десять назад состояние экономики капиталистических стран легко могло привести в уныние. Везде наблюдался спад, безработица начала резко расти, а уровень инфляции поднялся выше 10%. Однако многие избиратели повернулись в сторону тех политических лидеров, которые намеревались дать волю частному бизнесу. В течение целого десятилетия господствовало мнение, что именно бизнесмены, а не политики и бюрократы найдут средства от экономических бед.

Во многих отношениях деятельность бизнесменов оказалась очень успешной. Сократились безработица и инфляция. Частные компании обеспечили настоящее изобилие новых товаров. Некоторые руководители этих компаний стали народными героями. Возросло количество желающих поступить в коммерческие школы. Студенты университетов с нетерпением ждали того момента, когда сменят свои джинсы на строгие костюмы.

На этом фоне может показаться невежливым и даже ненужным вопрос о будущем капитализма. В конце концов самая известная статья, опубликованная в Америке в прошлом году, озаглавлена «Конец истории?»¹. Основное положение статьи гласит, что капитализм плюс демократия разрешат все будущие проблемы человечества. Исключая людей, которые психологически нуждаются во врагах или угрозах, все остальные нашли это предсказание чрезвычайно обнадеживающим.

Между тем, если подумать, для такого самодовольства нет оснований. Как это часто бывает, от триумфальной идеи ждешь чрезмерно многого, а потому она может привести к разочарованию. В любом случае победа над столь дряхлым соперником, каким является коммунизм, вряд ли может считаться настоящим испытанием.

¹ Статья Ф.Фукуямы "The End of History" опубликована в русском переводе в журнале "Страна и мир", 1990, № 1(55), а затем в "Вопросах философии" (Москва), № 3. – *Ред.*

От фасада к фундаменту

На различных уровнях капитализм сталкивается с рядом трудностей. Часть их хорошо известна и носит в основном поверхностный характер: в богатых странах роман общества с бизнесом начинает охлаждаться. Американцы, которые когда-то почитали Ли Якокку за то, что ему удалось возродить корпорацию Chrysler, ныне предпочитают считать олицетворением капитализма уличенных в жульничестве Ивана Боески и Майкла Милкена. Когда японцы узнали о поведении руководителей компании Recruit, то эта фирма вызвала у них такую же неприязнь, как и политики, которых она подкупала.

Видимо, пришло время ударов по бизнесу. Речь идет не об опасном мятеже – подобное случалось и раньше. Но президентам компаний придется теперь считаться с общественным мнением, убеждать его в том, что фирма заботится о сохранении окружающей среды, готова помочь странам Третьего мира без их «эксплуатации» и т.д.

Если бы это были единственные трудности капитализма, то большинство компаний просто удвоило бы штаты отделов, отвечающих за внешние связи, и ждало бы, пока маятник общественного настроения качнется вновь в их сторону. Однако одного только сохранения репутации теперь недостаточно. Анализ на другом уровне свидетельствует, что компании испытывают серьезный недостаток как капитала, так и рабочей силы. Капитала – потому что во многих странах увеличение накоплений отстает от роста валового национального продукта. Это приводит к повышению процентных ставок на капитал: по сравнению с 2–2,5% в 60–70-х гг. они удвоились и достигают ныне 4–5%. Недостаток рабочей силы – потому что в богатых странах постоянно сокращается число молодых людей. Мейнард Кейнс когда-то беспокоился, что номинальные процентные ставки будут доведены до нуля, перестанут стимулировать займы, а массовая безработица превратится в постоянную угрозу. Сегодня его преемники больше озабочены избытком просителей займов и незанятых рабочих мест.

Хотя зрелая экономика сталкивается с дефицитом капитала и рабочей силы, от нее все равно ждут все большего и большего. Вера в непрерывный экономический рост была в странах капитализма в 60-е гг. господствующим допущением. Правительства продолжали увеличивать затраты и займы, нагло обложение и регулирование. Увлечшись этой политикой, они не заметили, насколько перегружали частный сектор. Продолжалось это до тех пор, пока инфляция, а вместе с ней и безработица не достигли невыносимых размеров.

Часто утверждают, что подобный подход подорван десятилетним правлением Рейгана и Тэтчер. Но это неверно. Точнее было бы сказать, что его потопили в словах. Главная проблема состоит в том, что было сделано правительствами и, в особенности, что было ими потрачено. Несмотря на тенденции 80-х гг., государственные расходы в семи крупнейших странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) не были сокращены в процентном отношении к валовому внутреннему продукту. В 1989 г. коэффициент был даже почти на одну десятую выше, чем в 1976. Если лучшее, чего смогли добиться Рейган и Тэтчер, это большие правительственные расходы, чем во времена Картера и Уилсона, то 80-е годы следует рассматривать скорее как передышку, чем как революцию.

Это тем более верно, что и в будущем можно ожидать увеличения, а не уменьшения правительственных расходов. Во всех странах ОЭСР население стареет, а это предполагает рост расходов на пенсии и здравоохранение. В некоторых странах, особенно в США и Великобритании, государственная инфраструктура – дороги, мосты, канализация, тюрьмы, а также школы и больницы – старая и запущенная. «Оплатите расходы на ее модернизацию за счет «дивидендов мира», – требуют многие политики. Конечно, до тех

пор, пока напряжение между Западом и Востоком будет спадать, сохранятся и основания для сокращения военных расходов. Но цифры никак не оправдывают эйфорию тех, кто выступает в пользу постоянно растущих социальных программ.

Возьмем Соединенные Штаты. Военные расходы США составляют 6% от ВВП. Если бы к концу века их удалось сократить даже наполовину, то дополнительные расходы на инфраструктуру (до 2–3% от ВВП), пенсии и охрану здоровья престарелых (1–2% от ВВП) все равно превысят экономию. И все это – без учета амбиций политиков, готовых тратить больше на образование, на бездомных, на окружающую среду и т.д. Без учета – так себе, пустячок – дефицита федерального бюджета, безупречного симптома нечестной политической игры. Когда политики идут на расходы, но избегают налогов, они переводят счета для оплаты следующему поколению. Признавая, что экономика перегружена уже сегодня, они делают ее бремя еще более тяжелым завтра.

Если фирмы будут расти быстрее

Удар по бизнесу наносят мощные группы давления, стремление политиков тратить и нежелание облагать население налогами. В этом нет ничего нового, но сам этот факт свидетельствует о хронической неспособности большинства зрелых демократий найти удовлетворительное решение важнейших проблем. Перегрузка частного сектора представляется типовой тенденцией современной политической экономии. Когда эта тенденция встречает противодействие (как в эпоху Рейгана и Тэтчер), современные политэкономисты начинают рекомендовать снижение налогов, ограничение административных рогаatok и субсидий. Они называют эти меры «микрoэкономическими» и утверждают, что их осуществление должно обеспечить рост частного сектора. Рецепт их правилен, язык – расплывчат. Собственно «микро» в экономике – это отдельно взятая фирма. От ее успеха, помноженного на тысячи и миллионы, зависит общий рост хозяйства. Конечно, на успех фирмы влияет правительственная политика – налоги, административные рогаatok, система образования и проч. Но на него влияет также – и гораздо сильнее, чем представляют себе политики, – отношение к фирме ее владельцев и персонала. Именно это обстоятельство по сути дела объясняет экономический провал коммунизма. Коммунисты приняли декреты, по которым государство стало владельцем компаний, а значит, ему пришлось решать, чем займется каждая из них. Эта фатальная самонадеянность объясняет все последующие нелепости в виде не до конца собранных тракторов и избытка обуви 45 размера (причем на левую ногу), пустых прилавков и очередей за хлебом, способных в конце концов привести к революции.

Капитализм, основанный на предпосылке частной собственности, добился в корне отличных от коммунизма результатов. Но капитализм имеет множество разновидностей, и теперь, когда их больше не сваливают в одну кучу, противопоставляемую коммунизму, легче определить и оценить разницу между ними. Экономистам и политикам полезно уяснить более четкие связи между: а) деятельностью национальных экономик и б) особенностями конкретного вида капиталистической собственности. Тогда они будут меньше говорить о быстром росте ВВП страны и больше – о быстром росте своих фирм.

Если пользоваться этим новым языком, то легко увидеть, что в течение длительного времени фирмы в США и Великобритании меньше вкладывали, росли медленнее и были не столь прибыльными, как фирмы в Японии и (в меньшей степени) Западной Германии. Чем объяснить такой неуспех американских и британских менеджеров? И почему владельцы фирм поверили, что это сойдет им с рук?

Все эти вопросы касаются самой сути капитализма, где сталкиваются собственность и управление. Существуют серьезные различия между англосаксонской моделью капитализма и, скажем, японской или западногерманской. Не только этими различиями объясняется контраст в экономической деятельности этих стран; но именно ими чаще всего пренебрегают. И что имеет огромное значение для будущего, Япония и Западная Германия в настоящее время переходят на англосаксонский путь. При этом они обнаруживают, возможно, к своему удивлению, что самих американцев и англичан этот путь не удовлетворяет и они хотели бы с него свернуть.

Почему так происходит и к чему это может привести?

Чья фирма и чьи деньги?

Раньше все было просто. В период между 1850 и 1880 гг. капиталистическая система четко разделяла людей в соответствии с их функциями в экономике. Были рабочие, менеджеры, акционеры, кредиторы, клиенты, предприниматели. Акционеры, кредиторы и рабочие обеспечивали жизненно важные факторы труда – капитал и рабочую силу. Акционеры нанимали менеджеров для организации производства с целью получения продукции – товаров и услуг, которые они продавали своим клиентам. Вокруг жужжали предприниматели, полные идей для новых компаний и новых товаров. Тогда, как и сейчас, было трудно определить задачи предпринимателя, но в любом случае, увидев его, вы не спутали бы его с кем-то другим.

Эти ясно очерченные категории участников производства давали четкий ответ на извечный вопрос о том, кто и что должен получать. Рабочие получали заработную плату, менеджеры – жалованье, кредиторы – какие-то проценты. Акционерам доставалось остальное, – иногда это было очень много, иногда – ничего. Они брали свою долю из прибыли компаний в качестве дивидендов или повторно вкладывали ее в дело. Успешные предприниматели – Карнеги и Рокфеллер в Америке, Крупп в Германии, Пилкингтон в Англии, Мицуи в Японии – сказочно разбогатели. Ни у кого не было сомнений в том, кто владел капиталистической компанией. Конечно же, акционеры. И они в большой мере могли поступать так, как им хотелось.

Эти простые конструкции уступили место всякого рода сложностям. Теперь рабочие хотят иметь свое слово в управлении и свою долю в доходах. Менеджеры хотят владеть акциями. Многие стремятся к созданию собственных компаний, в которых они были бы менеджером, акционером и рабочим в одном лице. И ни одно из этих требований не представляется неестественным; все они являются отражением нового мира, где люди богаче, образованнее, увереннее в себе. В принципе подобные тенденции заслуживают похвалы. Но новые требования людей идут вразрез с основой основ капитализма – способом финансирования предприятий.

Соблазн ходовых акций

Времена Карнеги и Рокфеллера длились недолго. Считается, что конец им положила политика. Все больше людей получало право голоса. Правительства уже не могли позволить, чтобы малочисленная группа богатей обладала неограниченной властью, особенно если эта власть использовалась для создания трестов и других монополий. Поэтому стали появляться законы, направленные против трестов, возникло рабочее законодательство, законы, поощряющие профсоюзы и т.д.

Все эти факторы сыграли свою роль в изменении капитализма. Но был еще один очень важный фактор, не имевший ничего общего с политикой. Своим появлением он почти полностью обязан желанию богатых людей сделать свое богатство в высокой степени товарным, более ликвидным. Новше-

ство состояло в появлении компаний, выпускающих акции, которые могли быть затем куплены и проданы на фондовой бирже. Наряду с ранее введенной ответственностью акционера, именно этот фактор в конце прошлого века трансформировал англосаксонский капитализм в систему, которая сохранила свои основные черты по сей день.

Фондовые биржи существуют давно: в Лондоне с 1778 г., в Нью-Йорке – с 1797 г. Однако вначале они имели дело в основном с государственными ценными бумагами и акциями железнодорожных компаний. Позднее, в последние десятилетия прошлого века, на рынок вышли фабриканты и розничные торговцы. В США число промышленных фирм, выпустивших акции, поднялось с 30 в 1893 г. до 170 в 1897 г.; в Великобритании с 60 в 1886 г. до почти 600 в 1907 г. Это стало удобной и заразительной привычкой.

А теперь перенесемся в 80-е годы нашего века. Фондовые биржи появились в самых невероятных местах, а ранее существовавшие взмыли вверх. К концу прошлого года рыночная капитализация акций на лондонской бирже была равна 100% валового внутреннего продукта (ВВП) Великобритании. Капитализация на десяти крупнейших биржах мира составила 73% совокупного ВВП этих стран. Все это впечатляет: быстрый рост фондовых бирж в прошлом веке может считаться успехом как для продавцов, так и для покупателей. И все же некоторые перемены, связанные с развитием биржи, свидетельствуют скорее о неудаче.

1. «Закрытое» размещение ценных бумаг. Все больше компаний, желающих увеличить свой капитал, делают это не открыто, а распределяя дополнительные акции в частном порядке среди избранных вкладчиков. В США подобное размещение составило в 1988 г. 200 миллиардов долларов.

2. Закат частного вкладчика. Частное лицо, непосредственно владеющее акциями, становится редкостью. С конца 1983 г. по конец 1989 г. американские частные вкладчики сократили чистую стоимость своих вкладов приблизительно на 550 миллиардов долларов, то есть до 40% их пакетов по состоянию на 1983 г. У англичан сокращение за тот же период достигло 26 миллиардов, то есть 32% всех вкладов на 1983 г. Если эта тенденция сохранится и дальше, то последний американец, непосредственно владеющий акциями, продаст свою последнюю акцию в 2003 г.

3. Выкуп контрольных пакетов. Вместе с покупкой филиалов компаний количество выкупов контрольных пакетов акций в США выросло со среднегодовых 75 в 1979–81 гг. до 190 в 1986–88 гг. Сильно подскочила и стоимость каждого выкупа. Так, в прошлом году в Великобритании было 500 выкупов контрольных пакетов, на 10% больше, чем в 1988 г. Их стоимость – 12,2 миллиарда долларов – увеличилась на 50%. Почти все выкупы предполагают:

4. Переход от акций к долгам. Покупатели собирают деньги за счет банковских ссуд или выпуска облигаций и откупаются от держателей акций. Некоторые из новых вкладчиков получают долю, но большинство – нет. Рост американского рынка «неполноценных» облигаций между 1985 и 1989 гг. составил в среднем 26% в год.

Все это является серьезным предупреждением: в 80-е годы в США и Великобритании приключилось что-то неладное с традиционной системой, при которой акция – король, а фондовая биржа – его двор.

От собственника к игроку

Когда фондовые биржи находятся на подъеме, у них много достоинств: удобство, ликвидность, четкие цены, низкие расходы на сделки. Но есть еще одна сторона. Она имеет мало общего с недостатками, которые обычно приписываются фондовым биржам: непостоянством, безразличием к «настоящим ценностям» (какими бы они ни были), легковерием. Эти (мнимые или действительные) изъяны являются в лучшем случае симптомами гораздо более

серьезного недуга, который возник вместе с открытой торговлей акциями и с тех пор постоянно развивался, а именно – искажения самого понятия собственности.

Владеть акцией какой-либо компании означает владеть частью этой компании. Это аксиома, известная много лет. Однако за внешним фасадом неизменности прошло незамеченным изменение функциональной сути акции. Для пайщиков типичной открытой акционерной компании в США или Великобритании (назовем ее англосаксонской акционерной компанией) акция в настоящее время – не более чем расписка о заключенном пари. Документ, удостоверяющий право американца или англичанина на владение домом, говорит ему, что он является владельцем дома и должен заботиться о нем. Акционерный сертификат означает для держателя только то, что он имеет право на дивиденд и получение какой-то суммы наличных денег.

Такое положение возникло отчасти благодаря росту «институциональных» вкладчиков. Миллионы людей вкладывают огромные суммы в пенсионные фонды, страховые общества и общие инвестиционные трасты-фонды (взаимные фонды). В 1988 г. организации подобного рода получили в Великобритании 26 миллиардов фунтов стерлингов – больше, чем весь ВВП Новой Зеландии. В Америке приток достиг 225 миллиардов долларов – относительно немногим больше, чем в Великобритании. Не все эти деньги, конечно, идут на покупку акций. Пропорция меняется от года к году, но в акции вкладывается приблизительно половина институциональных инвестиций. Вклады учреждений растут с поразительной быстротой. На сегодняшний день на долю американских государственных пенсионных фондов приходится четверть всех институциональных вкладов в США и 10% стоимости всех открыто котирующихся акций.

Рост институциональных сбережений имел веские причины. Правительства поощряют их, снижая налоговые ставки. Это удобно тем, кто экономит, и им приятно думать, что за их деньгами следят опытные распорядители. Вопрос, однако, не в том, хороша или плоха эта система управления, а в том, имеет ли она какое-либо отношение к собственности компаний. Есть два вопроса, которые стоит задать менеджерам в США и Великобритании, распоряжающимся деньгами. Когда они покупают «кусочек» англосаксонской компании, считают ли они себя ее частичными владельцами или игроками, заключающими пари на завтрашний забег? Или же – что происходит все чаще – они купили акции потому, что компания относится к определенному индексу фондовой биржи, за движением которого они следят?

Ответы на эти вопросы бросают свет на суть дела. Мало кто думает о себе как о владельце, а те, кто так думает, обычно старше других. Если эта тенденция сохранится, каждый представитель следующего поколения британских и американских менеджеров-финансистов станет капиталистом-игроком. Для этого у них есть достаточно веские основания. На то ведь они и существуют, чтобы довести до максимума доходы от вверенных им сбережений!

Здесь одна школа критиков говорит: «Ну, ведь это касается только доходов за этот год или за этот квартал. Неужели вы настолько близоруки, что не видите необходимости бороться за долгосрочное благосостояние компаний, в которые вы делаете вклады?»

Для большинства менеджеров-финансистов вопрос носит чисто риторический характер. Он не учитывает одного жизненно важного для них момента: даже при желании оказать влияние на долгосрочный результат, учреждение-вкладчик на это неспособно. Традиционные механизмы влияния в англосаксонской компании – посещение ежегодных собраний, голосование по резолюциям, которые представляются акционерам, – слишком слабы, а стимулы для их использования ничтожны.

Дилемма очевидна. Менеджеры, у которых есть вклады в десятках компаний, не могут детально знать все эти компании. Их малюсенький пай не

дает им возможности решающим образом влиять на дела. Им трудно убедить другие учреждения присоединиться к ним для усиления влияния. Так что, если менеджеры озабочены состоянием дел в той или иной компании, они предпочитают просто продать ее акции. Продавать акции – быстро, дешево и удобно. А самое главное, это дает деньги для игры на других акциях, которые выглядят более привлекательно.

Подобная позиция в различной степени характерна для большинства индивидуальных акционеров англосаксонской акционерной компании. Они чувствуют отчужденность от дел компании и свое бессилие влиять на ее будущее. Неверно поэтому считать все учреждения плохими, а всех частных лиц – хорошими. Проблема британской и американской системы сводится к тому, что слишком многие владельцы акций, как институциональных, так и индивидуальных, ведут себя отнюдь не как владельцы компаний. И все-таки подобный отказ от своих полномочий вовсе не является фатальным, ведь в других странах дела делаются иначе.

Когда грозит поглощение

Одна из особенностей «капитализма игроков» заключается в том, что держатели акций, обособленные и равнодушные в остальное время, вдруг проявляют интерес к делам, когда их компания получает предложение продать контрольный пакет акций. При переходе компании в новые руки акционеров обхаживают обе стороны, им дают советы банкиры и ученые мужи, им обещают светлое будущее и сказочные дивиденды. И все это – при условии, что они примут (или не примут) предложение о продаже. Азарт частных владельцев акций и учреждений с маленьким участием особенно активно проявляется именно в период баталий вокруг купли-продажи компании. Это особенно верно, когда речь идет о биржевых спекулянтах (так называемые арбитражеры, или «арбы»), которые покупают акции всего лишь на несколько дней в надежде на скорую прибыль.

Иное положение у крупных институциональных держателей акций. Их пай может оказаться достаточно большим, чтобы в борьбе вокруг предложения о купле компании сыграть решающую роль. Они острее воспринимают реальные проблемы компании, а предложение о ее покупке заставляет их сосредоточить внимание на положении дел. Лицо, делающее предложение, говорит об альтернативных стратегиях, о синергизме (эффекте объединения), о новых продуктах и о многом другом. Теоретически такой держатель мог бы вести себя как владелец породистого щенка, заинтересованный в продаже его верному человеку, способному лелеять и воспитать его так, чтобы пес стал победителем на выставке.

На самом деле они не ведут себя так. В случаях, когда предложений о покупке было несколько, нужное число акций получали как раз «арбы», хотя они менее всего склонны вести себя как собаковод. Вполне вероятно, что свои акции они купили всего несколько недель назад. Их не интересует анализ альтернативных стратегий развития даже на следующую декаду. Они хотят получить прибыль, и как можно скорее.

От позиции такого спекулянта не слишком отличается и позиция учреждения, обладавшего значительным паем в течение долгого времени. У его представителя – менеджера-финансиста – могут быть серьезные причины, чтобы поднять цену контрольного пакета. Но ему может быть выгодно и сразу же принять предложение. Вырученные таким образом деньги, как только попадут в портфель, подкрепят его личную репутацию. Если же учреждение будет тянуть, это может сорвать предложение или снизить цену. В результате менеджер не выполнит своих обязательств перед клиентами. Продав, он, с его точки зрения, поступает правильно. Предложение о продаже редко отвергается по соображениям, связанным с будущей стратегией корпорации.

Одним из исключений оказалась фирма Pilkington, британский изготовитель стекла, когда акционеры в 1986 г. отказались продать фирму компании BTR.

Прежде чем покинуть фондовые биржи Нью-Йорка и Лондона, подведем кое-какие итоги. Большинство акционеров – индивидуальных владельцев, менеджеров или арбитражеров – воспринимают свой пакет акций как азартные игроки. Ни у кого из них нет ни стимулов, ни возможностей вести себя как владельцы компании. И вот здесь-то возникает чрезвычайно важный вопрос: кто же действует как владелец? Именно этот вопрос по сути дела стимулировал скупки, выкупы и неполноценные облигации 80-х гг., потому что англосаксонская фондовая биржа создала вакуум в самом сердце капитализма. Поиски альтернативного ответа неизбежно уведут нас от фондовой биржи в мир менеджеров и рабочих. Но вначале заглянем в комнату совета правления для встречи с директорами.

От моста до котельной

На первый взгляд, комната совета правления представляется именно тем местом, где нужно искать владельцев компании. Директора следят за деятельностью фирмы. Они назначают ведущих менеджеров или по крайней мере одобряют подобные назначения. Группа приглашенных директоров определяет оклады менеджеров. Директора юридически ответственны за убытки компании, за действия, а может быть, даже и за преступления, которые компания может совершить. Поэтому они гораздо ближе компании, чем основная масса ее акционеров. Директора представляют собой владельцев де-юре, и они близки к ее фактическим реалиям; могут ли быть сомнения в том, что именно они призваны заполнить вакуум собственности?

Аргумент привлекательный. Он, несомненно, нравится Английскому банку и различным финансовым учреждениям Великобритании, которые требуют, чтобы открытые акционерные компании имели в совете больше аутсайдеров, людей со стороны. Именно этот аргумент лежит и в основе американской системы предпочтения советам, в которых аутсайдеры составляют подавляющее большинство.

Соображение это, однако, представляется весьма спорным. Для начала отметим, что директора англосаксонской акционерной компании являются обычно сотрудниками других компаний. Проведенное недавно исследование показало, что 63% директоров-аутсайдеров тысячи крупнейших американских компаний руководят другими фирмами. С одной стороны, это хорошо: директора имеют опыт руководства компаниями, их взгляд со стороны может принести пользу инсайдерам, сидящим вокруг стола. Однако именно опыт, приобретенный аутсайдерами в руководстве своими фирмами, побуждает их думать скорее как менеджеры, чем как акционеры.

Весьма впечатляющи наблюдения Карла Икана, к чьим оценкам мы еще вернемся в этой работе. «Я был членом Совета директоров одной компании... Они проводили заседания правления в восемь утра в Кливленде. Вот что там происходило. В буквальном смысле слова половина членов правления клюет носом. Другая половина читает Wall Street Journal. Затем показывают много слайдов, которых никто не понимает, и когда становится темно, то дремать начинают и остальные. Президентом в мое время был человек, чей вид устрашал всех. Большой высокий парень, сильная личность. Он держал правление под контролем. Никто слова единого не мог сказать. Я был единственный, кто владел каким-то капиталом, поэтому у меня был интерес. Я и пытался понять, что же, черт побери, там происходит».

Мысль, будто существует категория идеальных директоров-аутсайдеров, которые одновременно и бескорыстны, и сведущи, настолько же обманчива и невероятна, как представление о старом мудром короле, отправляющем правосудие под тенистым деревом.

Оплата, привилегии и парашюты

Корысть приглашенных членов правления самым очевидным образом проявляется в вопросах оплаты и привилегий. Правления компаний обычно имеют комитеты, которые ведают вознаграждениями и состоят из приглашенных директоров. Естественно, они стремятся предотвратить уход из компании ведущих менеджеров, соблазненных высокими ставками в других компаниях. Поэтому им, как правило, устанавливают достаточно высокие оклады. Эти оклады как раз и становятся ориентиром, точкой отсчета для других компаний. Таким образом, члены этих комитетов знают, что, устанавливая оклады менеджерам, они косвенно устанавливают стандарты собственного вознаграждения. Поэтому на вопрос, кто платит плательщикам, следует ответить: они сами. В результате зарплатки американских боссов растут значительно быстрее, чем у остальных американцев, и быстрее, чем прибыли соответствующих компаний. Если бы акционеры думали и действовали как владельцы, они давно выступили бы против подобных тенденций.

Если приглашенные директора поддерживают инсайдеров в вопросах вознаграждения, то, естественно, так же они действуют и в вопросе гарантий собственного положения. Бум поглощения компаний в 80-е годы встревожил менеджеров, и чем выше была должность менеджера, тем ошутимее его тревога. Во имя собственного спасения решено было использовать «золотой парашют» – компенсации руководящим работникам компании за потерю работы при переходе ее в новые руки.

Золотой парашют – только один из способов защиты руководящих лиц при поглощении компаний, притом довольно мягкий. Существует целый ряд куда более сильных и ядовитых пилюль. В их числе проекты, предусматривающие продажу прибыльных дочерних предприятий или подразделений в случае поглощения компании, массовое переформливание контрактов с поставщиками и персоналом и проч. Конечно, проекты подлежали одобрению правлением и в большинстве случаев его получали.

Возможно, держателей акций устраивает взаимное чесание пяток в правлении, ибо они уверены, что директора хотя бы не позволят компании совершить явную глупость. Но даже столь умеренные надежды могут не оправдаться: компании, несомненно, совершают ошибки, притом с ведома и одобрения директоров. Конечно, таких случаев немного, но, когда подобное случается, это внушает серьезные опасения.

У менеджеров бывают любимые проекты, которые упорно не дают желаемых результатов. Увы, директора узнают о них после того, как компания понесла крупные убытки. Проблемы Allegheny, американской электротехнической группы, накапливались в течение многих лет, а приглашенные директора, видимо, не догадывались, что там происходит что-то неладное. Не знало о деятельности своего председателя и правление Guinness, британского объединения, выпускающего напитки. Примеров такого рода множество. В некоторых случаях можно говорить о прямом мошенничестве менеджеров, в других – об обыкновенной некомпетентности. Но все они указывают на слабость системы, опирающейся на представительство интересов акционеров приглашенными директорами.

Система позволяет директорам проявлять поразительный патернализм – «опекать» акционеров вопреки их желанию. Многие компании, например, буквально сидят на мешках с деньгами. В течение последних пяти лет британская компания GEC располагала наличными и годными для продажи ценными бумагами на сумму 1,46 миллиарда фунтов стерлингов, американская компания IBT – 6,1 миллиарда долларов. Хотя деньги принадлежат акционерам, директора отказываются давать их владельцам. Вместо этого они позволяют менеджерам тратить средства на приобретение или строительство предприятий, часто вовсе не связанных с основной сферой деятельности фирмы.

Компании, добившиеся значительных результатов на основном направлении, склонны расширять номенклатуру изделий. Денег у них хватает, но расширять специализацию обычно непросто. В некоей фирме менеджерам стало скучно, и правление благословило их «разнообразить» производство, провести диверсификацию. Правление, видимо, не допускало и мысли, что у акционеров могут быть свои понятия о расширении «зоны риска».

Эти слабости директорского правления еще 200 лет назад предсказал Адам Смит: «Когда директора... являются распорядителями не своих, а чужих денег, то трудно ожидать, чтобы они следили за этими деньгами столь же ревностно, как партнеры частной компании следят за своими собственными... Поэтому в управлении подобной компанией всегда, в той или иной степени, должны преобладать нерадивость и расточительность».

Вроде бы удивительно, что акционеры англосаксонской компании не принимают ничего против нерадивости и расточительности. Но объясняется это просто: они слишком заняты игрой, определением ставок на следующий забег.

Место рабочих

На другом конце корпоративной лестницы находятся рабочие, миллионы синих и белых воротничков, чья участь опровергла все предсказания марксистов. Они не только стали богаче. У них появился вкус к капитализму. Они приобретают акции и в других компаниях, и, все чаще, в своих. От первых рабочих кооперативов было легко отмахнуться как от безумного романтизма (так делал, например, Карл Маркс). В большинстве своем они быстро терпели крах, ибо мечтали избавиться от боссов, не отличая боссов-менеджеров от боссов-владельцев. Первые важны, последние, видимо, нет.

Об этом свидетельствует опыт сегодняшних фирм, составляющих собственность работающего на них персонала. В их числе такие известные, как Zeiss в Западной Германии и John Lewis в Великобритании, каждая из которых имеет более 30 000 работников-владельцев. Страна басков гордится объединением Mondragon, которое приняло у себя такое количество исследователей рабочего самоуправления, что удивительно, откуда только у его сотрудников находится время на другую работу. Число фирм, принадлежащих рабочим, быстро растет. В Америке их насчитывается 1500, и самая известная из них Weirton Steel.¹ Такие фирмы, большинство которых родилось в результате выкупа посредством льготных ссуд, весьма далеки от романтической мечтательности старомодных кооперативов.

В самом деле, у современной фирмы, являющейся собственностью рабочих, больше оснований считаться детищем тэтчеризма, чем любого левого «изма». Правительство Тэтчер разрабатывает законы в пользу акционерных объединений рабочих и снижает им налоговые ставки с целью стимулирования. Оно признало также «товарищескую компанию», новую категорию фирм, где персонал владеет более чем 50% акционерного капитала.

Хотя сами по себе эти достижения впечатляют, необходимо сделать два предостережения, связанных с финансовой стороной дела. Одно относится ко всякому выкупу: условия, при которых берутся в долг деньги для выкупа, имеют прямое отношение к конечному результату. John Lewis получил в 1929 г. беспроцентный заем; Zeiss был по существу передан новым владельцам бесплатно. И второе. Компании рабочих могут оказаться явлением непостоянным: NFC и Weirton недавно решили продать часть своих акций на фондовой бирже. Это напоминает о том, что биржевой капитализм еще не потерял своей привлекательности.

¹ См. "Страна и мир", № 7, 1985 и № 2, 1989. — *Ред.*

Подведем итоги. Невзирая на закон, ни акционеры англосаксонской компании, ни назначаемые директора не ведут себя как настоящие хозяева. Повторяется история с дворянами XIX века, которые владели землями в Ирландии, но жили в Англии. По прошествии многих лет земельные собственники проснулись в одно прекрасное утро и узнали, что крестьяне въехали в их большой дом.

То же начинается происходить и со зрелым капитализмом, хотя наиболее амбициозные «крестьяне» в наше время имеют собственных высококвалифицированных специалистов по управлению компанией и им никогда ни перед кем не приходится ломать шапку. Многим менеджерам, каким бы высоким ни было их жалование, нравится владеть собственным капиталом. Для некоторых менеджеров, впрочем, и этого недостаточно. Они хотели бы быть – используя модное выражение – «серьезно богатыми». Более того, с помощью выкупа они хотели бы все взять в свои руки. Статус-кво их не устраивает, не удовлетворяют их и более высокие проценты. Они стремятся к коренному изменению теперешнего положения. И поскольку именно они представляют собой наиболее радикальные силы англо-американского капитализма, то заслуживают отдельного разговора.

Дерегуляция и система выкупов

Когда владельцы ведут себя не как владельцы, а потому и менеджеры не управляют должным образом, вполне логичным представляется такой выход, как превращение менеджеров во владельцев. Именно этот довод лежит в основе самой замечательной «перестройки» капитализма со времен создания фондовой биржи. Менеджеры захотели покончить со своим положением наемных работников и получили поддержку достаточного количества людей, располагающих деньгами. Практически они выкупили фирмы при помощи льготных ссуд, занимая больше, чем это было возможно раньше.

Многие полагают, что появление выкупов посредством льготных ссуд прямо связано с дерегуляцией, то есть с сокращением вмешательства государства в дела рынка, и винят ее во всех бедах рынка «бросовых» бумаг. На самом деле связи эти куда более сложны. Американская финансовая дерегуляция, которая началась в середине 70-х годов и продолжается по сей день, затронула прежде всего сберегательные и ссудные кассы страны. Деятельность последних некогда ограничивалась займами на покупку жилых строений. Дерегуляция позволила им заметно расширить поле деятельности, ссужать деньгами кого угодно по своему усмотрению. На рынок ценных промышленных бумаг их привели высокие проценты по акционерным облигациям, и особенно по таким, которые не квалифицировались как инвестиции. К последним относятся облигации менее чем 1% американских компаний, так что вряд ли разумно валить все остальные бумаги в одну кучу, именуя их «бросовыми». Однако слово это уже пришло.

Итак, в США сберкассы стали крупными вкладчиками в «бросовые» ценные бумаги. Пенсионные фонды – тоже. При всех своих отличиях эти две группы имеют общую черту: они застрахованы государством. А это значит, что их свобода ничем не ограничена, ибо ответственность за их потери приняло на себя государство.

Отсюда, конечно, не следует, что дерегуляция была ошибкой. Беда как раз в том, что ее не довели до конца. Коль скоро сберкассам дали пряник – право ссужать клиентов по своему выбору, не следовало забывать и про палку – полную ответственность за свои действия. Тогда и правление, и вкладчики гораздо ревностнее следили бы за тем, что делают сберкассы с их деньгами.

Система рычагов

За рынком «бросовых» бумаг видят обыкновенно одну функцию – финансирование выкупов при помощи льготных ссуд. Но это только небольшая часть его деятельности. Из общей суммы 187 миллиардов долларов, собранных в Америке такими облигациями с 1983 по 1989 г., на финансирование выкупов была направлена лишь четверть. Остальные деньги пошли на открытие новых компаний или развитие старых, а также на спасение признанных компаний, переживающих тяжелые времена. Без «бросовых» бумаг это было бы невозможно.

Что касается выкупов посредством льготных ссуд, то их мрачная репутация преувеличена. Чаще всего дело сводилось к вполне обычным, заурядным операциям. В Великобритании (и в меньшей степени в США) речь шла о выкупе менеджерами небольшого филиала солидной головной компании. В некоторых случаях инициатива исходила от менеджеров, в других – от самой компании, стремившейся улучшить баланс или сузить поле своей деятельности. Прощание проходило мирно, а чтобы будущее было не очень неопределенным, головная компания соглашалась какое-то время покупать продукцию филиала. Менеджеры брали средства в долг (и закладывали свои фирмы) нередко у того же банка, с которым была связана головная компания.

Как бы аккуратно и порядочно ни выглядели эти выкупы, кое-какие вопросы они вызывают. Можно ли, например, считать сделку честной по отношению к акционерам, если до них не доходит информация о будущих планах и стратегиях отделившейся фирмы? Теоретически приглашенные директора обязаны получить эту информацию и проследить, чтобы менеджеры-покупатели выплатили полную сумму. Иногда все происходит именно так, но чаще – совсем иначе.

Второй вопрос касается самой существенной проблемы – эффективности управления такой фирмой. Одного только снижения налоговых ставок, которое правительство предоставляет менеджерам, дабы в новом качестве они работали усердно и искусно, явно недостаточно, если они просто не могут трудиться лучше. Иначе выходит так, что до того они управляли хуже, чем могли бы.

Верно это или нет, судить трудно. Сведения о деятельности фирм, выкупленных менеджерами, противоречивы. Обследование 98 таких фирм в Великобритании показало, что их прибыльность и производительность в течение первых трех лет были выше, чем в среднем для их отрасли промышленности, но затем упали ниже этого уровня. Американские исследователи также свидетельствуют об улучшениях, но не обнаружили последующего спада.

В пользу выкупов менеджерами говорит один бесспорный факт. В типичной англосаксонской компании старшие менеджеры обычно ведут роскошную жизнь за счет фирмы. Если сами они не в состоянии стать «серьезно богатыми», то они по крайней мере могут вести себя как богачи. Поэтому их рабочая жизнь вертится вокруг корпоративной кормушки: шикарные ленчи, личные помощники, менеджерский отдых на Бермудских островах... Все это преподносится как корпоративные расходы. Адам Смит именовал это просто расточительством. После выкупа мотовство сразу кончается...

Важный импрессарио

Хотя детали большинства выкупов не предаются широкой огласке, о некоторых мы знаем достаточно. Такие бизнесмены, как Карл Икан, Т.Бун

Пикенс, а также фирма ККР унаследовали старые традиции американского капитализма, традиции вкладчика-собственника. Общественное мнение, однако, упорно смешивает их с вкладчиками-игроками, каким был, например, Айвен Боски, обыкновенный бесчестный «арб».

В действительности, если не считать естественного стремления заработать, между ними нет ничего общего. Арбитражер – всего лишь крайний случай проявления «игрового» капитализма, тогда как менеджер, выкупающий компанию, предан акционерной собственности и, значит, кровно заинтересован в качественном управлении компанией. Некоторые из них лично участвуют в управлении. Икан в TWA и Рональд Перельман в Revlon доказали, что они не просто охотники за длинным долларом, какими их представляли критики. Они управляют компаниями, которые когда-то приобрели, и, похоже, делают они это удачнее владельцев, которых выгнали.

Число менеджерских выкупов совсем не так велико, всего несколько десятков. Однако их последствия для акционерной Америки чрезвычайно велики. Прежде всего они ускорили процесс, который уже начался (и не только в США), – распад конгломератов. Многие англосаксонские компании, которые в 60–70 гг. решились на диверсификацию, создав конгломераты самых разнообразных предприятий, уже в 80-е гг. от этой идеи отказались, продав свои филиалы, не связанные с их основной специализацией. «Занимайтесь своим делом» – этот лозунг стал руководством для коммерческих школ, консультантов и директоров. Этому распаду выкупы придали дополнительную энергию, что подтолкнуло нерешительных директоров.

С потерей соблазна диверсификации компаниям труднее оправдать накопление больших сумм наличными в их кассах. Так как выкупы обычно финансировались высокопроцентными ценными бумагами, то менеджеры готовы теперь отдать последнюю копейку в погашение долга. По их примеру англосаксонская компания вынуждена снижать свои ресурсы наличных денег и выплачивать больше дивидендов.

Опасения реальные и мнимые

Трудно отрицать необходимость большинства этих перемен. Глупо, однако, думать, будто очистительный эффект выкупов посредством льготных ссуд не связан с определенным риском. После неприятностей, обрушившихся на американский рынок «бросовых» бумаг прошлой зимой, возник даже соблазн вообще избавиться от этого рынка. В результате к реальным опасностям прибавились мнимые. Многие отходные были пропеты лишь в результате случайных совпадений. Тот факт, что изобретатель «бросовых» облигаций – Drexel Burnham Lambert – сам обанкротился, пресса объявила свидетельством конца эпохи.

В действительности это был лишь конец цикла – и цикла экономического, а не нравственного или теоретического. Конечно, выпуск некоторых «бросовых» бумаг плохо вязался с моралью, но винить в этом саму систему можно с таким же основанием, как возлагать всю вину за первородный грех на бедное яблоко из Эдема.

Другие опасения насчет рынка «бросовых» облигаций более разумны. Но это не значит, что они всегда основательны. Скажем, озабоченность, связанная с ориентацией менеджеров на краткосрочные займы. Предполагается, что необходимость выплаты огромных процентов вынудит таковые компании отказаться от проектов, способных дать прибыль лишь в долгосрочной перспективе: исследования и опытные разработки, обучение персонала и т.д. Известно, однако, что большинство выкупов относится к таким зрелым отраслям, как табачная и пищевая промышленность, гостиничное дело и т.п., где исследования и разработки не имеют решающего значения. Исследова-

ние, проведенное одним американским специалистом, показало, что из 76 выкупленных компаний только семь тратили до выкупа на исследовательскую работу более 1% своего оборота.

Наконец, существуют подозрения, что рынок «бросовых» облигаций создан налоговой системой. По закону компании могут вычитать из суммы, подлежащей налогообложению, расходы на выплату процентов по займам, тогда как дивиденды выплачиваются из расчета чистой прибыли, остающейся после выплаты налогов. Это различие, бесспорно, оказывает нездоровое влияние на рынок – как, впрочем, и любой другой вид налоговых предпочтений. Лучший финансовый принцип – государственный нейтралитет, стимулирующий компании и частных лиц делать то, что эффективно с точки зрения экономики, а не выплаты налогов.

Такой нейтралитет, конечно же, снизил бы число выкупов за счет средств, взятых в долг. Неверно, однако, думать, что это привело бы к общему снижению числа выкупов. Стремление порвать с капиталистами-игроками несравненно сильнее любой статьи в налоговой декларации. Менеджеры и капиталисты-собственники всегда найдут вкладчиков, готовых приобрести акции компаний, жаждущих перемен и ради этого идущих на отделение.

Другое критическое замечание по поводу выкупов состоит в том, что они субсидируются налогоплательщиком и приводят в конечном счете к сокращению объемов производства. Этот довод убедительно опроверг Майкл Дженсен, профессор Гарвардской школы бизнеса. Однако Дженсен, по-видимому, слишком оптимистичен в оценке еще одной проблемы, связанной с выкупом: не слишком ли велики долги, которые они на себя берут?

Его главный аргумент: прямой долг лучше выпуска акций, ибо дисциплинирует строже. Может быть, это и так – в среднем для цикла деловой активности. Но средняя величина – плохой ориентир, что может подтвердить каждый, кому довелось в одной майке провести ночь в пустыне (где среднесуточная температура 25°C). Компания, берущая в долг миллиард долларов тогда, когда процентные ставки падают, а спрос повышается, вряд ли ощути́т это бремя. Но тот же миллиард во время спада, когда деньги становятся дорогими, способен погубить компанию. Десятки выкупленных компаний, с трудом поспевающих за уплатой процентов, имеют сейчас возможность в этом убедиться.

При выкупе проблема финансирования носит сугубо конкретный характер. Ответ на вопрос: «Сколько брать в долг?» зависит от типа фирмы, состояния цикла, общей обстановки и проч.

В середине 40-х годов прошлого века около 350 новых железнодорожных компаний выпустили за два года множество акций на английские фондовые биржи. Все они, кроме небольшой горсточки, вылетели в трубу. Их акции, которые покупались с восторгом, позорно провалились, что, однако, не привело к концу фондовой биржи. Это справедливо и по отношению к новым методам финансирования. Банковские ссуды странам Третьего мира не раз оканчивались феноменальными провалами. Вообще при вложении средств в рискованные предприятия разочарование наступало иногда очень рано. Кредиторы теряли деньги, вылетали в трубу и работодатели. Но кое-какие уроки при этом усваивались. Не сомневаюсь, что в будущем мудрые банкиры получат немалую прибыль от скромных ссуд Мексике; приличные доходы принесет капиталистам и биотехнология – дело, тоже связанное с немалым риском. Что касается новшеств, не требующих риска, то их лучше хранить в морге.

Выкупы – самая очевидная форма протеста против капитализма игроков. Разумеется, это не значит, что форма эта – единственная. Англосаксонский вариант биржевой собственности и институционализированных сбережений так и не прижился в ряде стран. Даже в Америке и Великобритании есть за-

метные исключения из этого правила. Все они принадлежат старой традиции – традиции капитализма собственников. Именно этой традиции капитализм обязан своими поразительными успехами. Чтобы убедиться в этом, заглянем в два здания по обе стороны Атлантического океана: небольшой дом в Лондоне и еще более скромная контора в г. Омаха, штат Небраска.

Выбор Баффита

В Омахе базируется компания Berkshire Hathaway, там же живет ее президент Уоррен Баффит. Если попросить студента-старшекурсника охарактеризовать эту компанию в нескольких словах, он скажет, что компания вкладывает средства в различные фирмы и что ее собственные акции котируются на Нью-Йоркской фондовой бирже. Эта характеристика точна, но упускает из виду главное.

Баффит относится ко всем акционерам своей компании как к партнерам, а к ее вкладам – как к долгосрочным имущественным обязательствам. Его стратегия – вкладывать деньги только в американские компании. Не из патриотизма, а потому, что он не может вести себя как собственник по отношению к компаниям, удаленным от него на полмира. Некоторые из вкладов, которыми президент гордится, сделаны в Омахе. Его подход принес ему невиданный успех. С тех пор, как Баффит выкупил Berkshire, 10 тысяч долларов, инвестированных в ее акции, превратились в 1,5 миллиона со среднегодовым темпом роста 23% в год. Фонды компании превышают сейчас миллиард долларов, а в ее ежегодном отчете есть малозаметная сноска: «С 1967 г. компания Berkshire не объявляла о выплате дивидендов наличными деньгами». Президент убежден, что смысл капитализма – в накоплении капитала.

Сам Баффит преуспел в этом деле и стал одним из богатейших людей Америки. Что действительно отличает его (и вице-президента компании Чарльза Мангера), так это подход к делу. Он подробно изложен в ежегодных отчетах фирмы, которые читаются как письма старого мудрого дяди, вернувшегося из поездки по порочному миру. Вот несколько примеров.

О самой компании: «Хотя форма у нас корпоративная, наш принцип – партнерство. наших акционеров мы считаем владельцами, а себя – их партнерами, управляющими компанией. В соответствии с этой ориентацией на владельца наши директора являются главными акционерами компании. Мы едим то, что мы сами себе готовим... С вашими деньгами мы будем делать только то, что сделали бы со своими».

Об акциях компании: «Наши торговые операции с собственностью крайне незначительны. Даже если бы мы руководили частным предприятием с несколькими пассивными партнерами, то расстроились бы, узнав, что партнеры захотели уйти... То же самое мы чувствуем сейчас, управляя открытой компанией».

Наша цель – привлечь долгосрочных владельцев, у которых при покупке нет ни графиков продажи, ни цен, по которым они намерены продать свою часть, зато есть намерение оставаться с нами неопределенно долго. Нам непонятно стремление директора-распорядителя к широкой акционерной деятельности, ибо она предполагает постоянную смену владельцев. Руководители каких других организаций – школ, клубов, церквей и т.п. – радуются уходу их членов?»

Инвестиционная философия компании: «Мы предпочитаем достичь намеченных темпов роста, владея группой предприятий, которые дают наличные средства и приносят прибыль на капитал, превышающий средние показатели. Наша позиция состоит в том, что мы не желаем, независимо от цены, продавать хорошие предприятия, которыми владеет Berkshire, и очень неохотно продаем не вполне преуспевающие фирмы, если ожидаем от них хотя бы

минимума наличных денег и если нас устраивают их менеджеры и трудовые отношения.»

О крахе ряда компаний: «В том, что не соответствующему своей должности директору-распорядителю гораздо легче сохранить место, чем его подчиненному, тоже не отвечающему своему назначению, заключена величайшая ирония... Слишком много на свете компаний, где босс сначала выпускает начальственную стрелу, а затем поспешно рисует центр мишени вокруг того места, куда она попала.»

Эти строки (а цитировать можно еще и еще) замечательны тем, что бесконечно далеки от липовых «фондов роста» и «исключительных возможностей», о которых постоянно твердят американские и британские менеджеры-финансисты. И принадлежат эти мысли не академическому критику капитализма игроков, а практику. Так что всякий раз, когда вы услышите от какого-нибудь типичного менеджера-финансиста, что действия азартного игрока по крайней мере результативны, напомните ему об Уоррене Баффите.

Хватка Хансона

По другую сторону Атлантического океана, почти в 5000 милях от Омахи, расположена другая компания. Формально Hanson – фирма британская, хотя почти половину ее доходов дают операции ее американских филиалов. Там они называются Hanson Industries и входят в число 60 крупнейших компаний Америки. Эта группа, не имевшая ничего в начале 60-х гг., располагает ныне 9 миллиардами фунтов стерлингов, и только за прошлый год ее прибыль составила 1,1 миллиарда фунтов. Компанией по-прежнему руководят два ее основателя: президент лорд Хансон и сэр Гордон Уэйт, управляющий ее американской частью.

Так как компания имеет свою долю в ряде отраслей промышленности (производство кирпича, электробатарей, спортивного оборудования, химикалий и многое другое), то ее часто называют конгломератом. Ничего подобного. Это собственник-инвестор, который активно участвует в деятельности каждой из своих фирм и не теряет времени на попытки координировать их действия так, чтобы усилить общий эффект. Истинное мастерство Hanson, которое одинаково важно как для успеха корпорации, так и для национальной экономики, состоит в умении с максимальной эффективностью использовать свои фонды.

У таких неповоротливых экономик, как британская и американская, очень многие фонды бездействуют. Hanson пускает их в дело, добиваясь этого тем, что предоставляет менеджерам каждой компании оперативную свободу, но предъявляет жесткие требования к результатам финансовой деятельности. Hanson дает менеджерам трудные задания, зато щедро одаривает их, когда эти задания выполняются. На обложке последнего годового отчета группы дана краткая формула, выражающая ее точку зрения: «Управление... наш величайший фонд».

Здесь то же единство интересов собственников и менеджеров, к которому стремится Баффит в Небраске. Но Hanson имеет одну особенность. Прекрасно разбираясь в прибылях компаний, фирма охотно идет на продажу частей почти любой компании, которую она купила. Цель такого подхода – ограничить круг интересов фирмы ее основной специализацией.

Оказывается, результаты такой деятельности тоже могут быть достаточно эффективными. Скажем, в 1986 г. Hanson купил одну американскую фирму за 930 миллионов долларов. К июлю 1989 г. он продал отдельные ее части за общую сумму 1,73 миллиарда долларов. При этом оставшаяся часть оценивается еще в три миллиарда.

Предпочтение зрелым, простым отраслям промышленности объединяет Hanson с большинством американских фирм, возникших посредством выкупов

при помощи льготных ссуд. Новое поколение капиталистов-собственников – и это их счастье – не склонно предаваться иллюзиям. Они не претендуют на роль вкладчиков в высокую технологию. Но они понимают, что при засилии игроков многое в экономической жизни стало бы вялым и унылым.

Капитализм игроков в основном ограничен Америкой, Великобританией и некоторыми другими англоязычными странами, вроде Канады и Австралии. Какова же практика других стран? Самые эффективные экономические структуры последнего десятилетия – страны Азии, недавно ставшие индустриальными, опираются на мощные традиции капитализма собственников. Их лучшие компании начинали как частные или семейные, многие остались таковыми и по сей день.

Конечно, сопоставление не совсем корректно: эти страны малы и пока не достигли высокого уровня развития. Посмотрим, однако, какой капитализм был доминирующим в двух крупных и чрезвычайно успешных хозяйствах – Японии и Западной Германии? Если ответить коротко, то до середины 80-х г. это были разновидности все того же капитализма собственников. Отметим некоторые важнейшие черты действовавших здесь систем.

1. Открытые акционерные компании в Западной Германии и Японии традиционно опирались на займы, а не на акции, поэтому экономический механизм здесь работал в два-три раза эффективнее англосаксонского.

2. Кредиторы – обычно банки – владели значительной долей корпоративного капитала и активно участвовали (особенно в Германии) в делах компаний.

3. Превалировала (особенно в Японии) система перекрестного владения акциями. Скажем, компания А принадлежит 10% акций компании Б, и наоборот. Компании договариваются считать эти акции долгосрочными и не продают их. В результате только около четверти всех акций, котировавшихся на токийской фондовой бирже, реально могли быть куплены и проданы.

4. Открыто котировались акции относительно небольшого числа компаний. В начале 80-х гг. в Западной Германии таких компаний было всего 400, и на долю десяти из них приходилась примерно половина всего оборота фондовой биржи. Напротив, фирм с ограниченной ответственностью насчитывалось около 350 тысяч. Почти все они были маленькими и средними, в каждой из них работало менее 500 человек. Эти фирмы давали половину ВВП и больше половины общего числа патентов в стране. Всего этого они добились, не прибегая к открытому распространению акций.

5. Институциональные вкладчики здесь всегда были гораздо менее активны, чем в Америке и Великобритании. В 1985 г. средний японский пенсионный фонд вкладывал всего лишь 17% портфеля в местные акции, все остальное составляли облигации или долгосрочные ссуды. В конце 1983 г. в портфелях западногерманских пенсионных фондов и страховых компаний немецкие акции не превышали 2,5% общей суммы активов.

6. Дивиденды выплачивались скупое, средства вкладывались в развитие. Обычно так поступало большинство частных компаний, но даже в открытых компаниях Японии в начале и середине 70-х гг. дивиденды составляли не выше 1%.

С тех пор – с середины 80-х годы – многое изменилось. Как в Японии, так и в Западной Германии у компаний появилось достаточно наличных средств, и многие использовали их на выплату долгов кредиторам. Сегодня из ста крупнейших промышленных компаний Японии более половины располагают кассовой наличностью, значительно превышающей их задолженность. Эти деньги в последнее время используются для крупных инвестиций на бирже – знакомая нам тактика игроков. Власть банков в совете ограничена; по закону их участие в капиталах фирмы не должно превышать 5%.

Со временем приток наличных средств в такие учреждения, как пенсионные фонды и страховые компании, резко возрос. Самая крупная японская

компания по страхованию жизни получает теперь ежедневно 12 миллиардов иен (83 миллиона долларов) в виде премий. В Западной Германии стало заметно больше открытых компаний, где можно приобрести акции. Ясно, что интерес к облигациям ослабевает. Сейчас, когда ведутся разговоры о введении в Японии налога на рост рыночной стоимости капитала, вкладчики могут рассчитывать на увеличение дивидендов, фирма будет меньше заинтересована в росте капитала.

Короче говоря, японо-германская модель финансирования корпораций начинает утрачивать те отличительные особенности, которые были ей присущи в 1950–1985 гг. В этой модели все отчетливее проступают черты американского и британского капитализма игроков. Между тем сами американцы и англичане постепенно отказываются от системы, которая явно не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Если Япония и ФРГ будут и дальше идти тем же курсом, останется спорить лишь о сроках, когда фирмы этих двух стран начнут систематически разбазаривать капитал. В их экономике включатся тормоза, тогда как измененная англо-американская система пойдет в гору.

Когда происходят фундаментальные сдвиги

Спросите западных специалистов, что нужно, чтобы экономика работала хорошо. Скорее всего они начнут говорить вам о валютной политике, о гибком рынке рабочей силы и т.п. Однако, как скоро поймут бывшие коммунисты Восточной Европы, это все – еще не самое главное, все это – роскошь. Элементарным условием успешного функционирования экономики является работающая в полную силу система имущественных отношений.

«Работающая в полную силу» – это не просто аккуратно и ясно составленные законы, определяющие, кто чем владеет. Для этого необходимо еще, чтобы люди верили как духу, так и букве закона, и вели себя соответствующим образом. Если такой веры нет, система приходит в негодность, как прохудившаяся крыша над головой нерадивых домовладельцев. Так по существу и случилось с капитализмом игроков. У англосаксонской компании этого типа настоящих владельцев нет, – так, кучка игроков, имеющих на руках купоны, на которых случайно значится имя держателя. В результате директора компаний живут душа в душу с управляющими. Компания существует теперь ради них и штата служащих.

Это не значит, что управляющие или служащие, или даже директора – плохие люди. Они просто попали в вакуум, а потому и заполнили его самым что ни на есть человеческим свойством – корыстью. Если уж кого-то в этом винить, то держателей акций, которые перестали ощущать себя владельцами.

Произошло это отчасти потому, что акции находятся теперь в руках учреждений, которые видят свою задачу не во владении компанией, а в управлении деньгами. Конечно, с их точки зрения, они действуют вполне логично. Если их забота в управлении финансами – уменьшить риск и свести к минимуму возможные потери, то они правы, предпочитая делать много мелких ставок и при малейшей опасности продавать акции.

Чего, однако, никто не может ожидать, так это того, что нынешняя неудовлетворительная система будет существовать вечно. Огромное достоинство свободного рынка в том, что он действительно позволяет всему меняться, более того, обеспечивает всеобщее обновление. Поэтому акционерный выкупщик и появился на сцене и, несмотря на просчеты, эксцессы и жульничество, которые нередко сопровождают его появление, он заслуживает оваций. Именно такие выкупщики и привели к пересмотру принципов акционерного капитализма. Хотя их деятельность до сих пор ограничивалась Америкой и Великобританией, их влияние ощущает сейчас весь остальной мир. Держатели акций стали понимать, что пора сделать выбор: либо оста-

ваться игроками, либо делаться собственниками. Там, где имущественные традиции сильны – в Западной Германии, Японии, во многих азиатских странах, финансисты и правительства, похоже, будут действовать более осторожно во всем, что может приблизить их к капитализму игроков Америки и Англии.

Не придется ли игрокам раскаиваться?

Возможно – но не более того, – что крупные институциональные вкладчики в Америке и Англии откажутся от прежней практики и начнут вести себя как настоящие владельцы. Вероятно, это была бы самая лучшая из возможных реформ. Многим открытым акционерным компаниям она вернула бы ориентиры и дала бы известную гарантию, что свои деньги они будут тратить более разумно и с лучшими видами на прибыль.

Конечно, надежды на проведение кардинальных реформ не слишком велики. Однако суть дела в том, что даже если эти реформы и не будут проведены, сохранить статус-кво не удастся. Положение вещей все равно изменится. Просто перемены будут проходить на условиях, выгодных не собственникам, а бесчисленному штату управляющих и служащих, заинтересованных в том, чтобы сохранить за собой кусок пирога.

Важнее, хотя их и труднее предвидеть, перемены, которые затронут множество частных фирм – и уже утвердившихся, и новичков. Уже сейчас они предпочитают не регистрироваться на бирже. Так, за последние два года число новых выпусков ценных бумаг американскими фирмами было почти на 50% меньше, чем на протяжении предыдущих семи лет.

Отчасти это обусловлено, конечно, крахом биржи в октябре 1987 г., и хотя рынок позднее отвоевал сданные позиции, новые выпуски пользуются незначительным спросом. Цена, которую надо уплатить за превращение в открытое акционерное общество, отпугивает владельцев. При том количестве сведений, которые фирма должна обнародовать, и правилах, которые она обязана выполнять, – и все это лишь затем, чтобы получить в качестве владельцев игроков, – выгода весьма сомнительна.

Деньги найдутся

Итак, спрос на кредиты будет возрастать. А откуда возьмутся деньги? Институциональные вкладчики типа пенсионных фондов и траст-фондов своих средств не имеют. Вопрос, следовательно, сводится к тому, будут ли по-прежнему стекаться к ним сбережения. Отвечая коротко – да, будут. Владельцы небольших сбережений и дальше предпочтут, очевидно, простую систему регулярных взносов в пенсионный фонд или страховых взносов хлопотам и ненадежности прямых вкладов. Тем не менее возможности у институциональных инвесторов, видимо, снизятся.

Во-первых, это обусловлено тем, что изменения в системе налогов стимулируют индивидуальные вложения. Если раньше правительство поощряло вклады во всякие фонды, то теперь, похоже, будет наоборот. Перемены такого рода уже проводятся в европейских странах. Частные инвестиции будут расти и потому, что работники смогут покупать акции собственных фирм.

Во-вторых, люди более состоятельные будут охотнее вкладывать средства непосредственно в мелкие компании, не обязательно собственные. За последние десять лет наблюдался непрерывный рост числа мелких фирм, и многие из них охотно сочетают выпуск обычных акций с использованием ссуд, взятых у друзей и родственников. Легко предсказать, что процесс создания мелких предприятий или их отделения от других будет ускоряться. А это значит, что резко возрастет спрос на прямое инвестирование малых сумм – от 10 до 100 тысяч долларов. Сроки погашения кредитов по таким вложе-

ниям достаточно ограничены, что делает их весьма привлекательными для кредиторов. В этом и состоит их отличие от первых капиталистических предприятий (железных дорог, плантаций и т.д.), отдачи от которых приходилось ожидать годами. Кстати, именно это обстоятельство было одной из причин появления биржевых акций.

С оптимизмом в будущее

В чем значение сдвига в сторону «капитализма собственников»? Прежде всего в том, что заметно возрастет роль мелких и средних фирм. Это не должно вызывать уныния ни у вкладчиков, ни у тех, кто определяет экономическую политику. Ни в одной из стран ОЭСР мелкие фирмы не играют такой заметной роли, как в Японии, средние – как в Западной Германии. Между тем ни о той, ни о другой стране нельзя сказать, что их экономика работает плохо.

При этом очень возможно, что капитализм собственников сохранит и огромные компании. Едва ли не крупнейшая в мире фирма гражданского строительства – американская компания Bechtel – находится в частном владении. Один из самых крупных и динамичных конгломератов в Великобритании Nipon Group, владеющий всем – от бензоколонок до страховых фирм, – также находится в частных руках. Дело не в размерах. Хитрость в том, чтобы при любых размерах фирмы было обеспечено принятие оптимальных инвестиционных решений. А это обычно удается тогда, когда тот, кто принимает решения, является одновременно и собственником.

Теоретически существуют три формы собственности, которые в будущем могут стать преобладающими: собственность управляющих, учреждений (в настоящем обзоре я назвал их капиталистами-игроками) или «чистых собственников» – Баффитов, Хансенов и проч. Легко понять, к каким формам владения будет благоволить каждая из этих трех категорий собственников. На первое место, конечно, каждый поставит ту форму, к которой сам принадлежит. На втором месте как у игроков, так и у собственников, окажется, очевидно, управляющие, ибо теперь все осознали, как хорошо иметь управляющих, которые болеют душой за дело. Одного этого достаточно, чтобы понять, что в целом управляющий-собственник – самая желанная форма. За ними, видимо, идут просто собственники, поскольку управляющие предпочитают иметь дело с владельцем фирмы, а не с абстрактным учреждением-акционером. Многие управляющие считают, что учреждения или невежественны, или недальновидны. Кроме того, они знают по опыту, что человек-собственник всегда позаботится, чтобы управляющему достался солидный ломоть от общего пирога.

Эта мысль и составляет главный пафос данного обзора: структура капиталистических компаний отходит от формы учреждений-акционеров и развивается в направлении собственнической формы владения. Географически это соответствует замене традиционного англо-американского капитализма чем-то напоминающим немецкую модель.

Такой сдвиг будет способствовать лучшему управлению делами фирм. Заявка, конечно, скромная, но если этот сдвиг затронет достаточно много фирм, то экономика в целом будет развиваться лучше.

Подобная перспектива должна привлечь политиков всех рангов. Опасность лишь в том, что они вообразят, будто сами должны заняться реформами. В действительности их помощь должна быть пассивной. Достаточно, если правительства сделают систему налогообложения нейтральной, единой и для частных фирм, и для акционеров, для займов и для акционерного капитала, для людей, делающих вклады прямо или через учреждения.

Государство должно строго контролировать финансовые рынки для выявления мошенничества и гораздо безразличнее относиться к компаниям, выле-

тающим в трубу из-за необдуманных долгов и ссуд. Последний момент предполагает решительный шаг со стороны правительства: сокращение или отказ от страховки вкладов, предоставляемой государством финансовым учреждениям. Эта мера заставит и заемщиков, и работодателей стать осмотрительнее, а осмотрительность частного лица лучше всего цементирует кредитно-денежную систему.

Больше никогда

Даже осуществление всех этих реформ не обеспечит полной идиллии. Хотя финансовая структура компаний влияет на ее эффективность, определяющим моментом всей системы остается конкуренция. Поэтому крайне важно, чтобы вместе с немецкой моделью капитализма мы не восприняли немецкую тенденцию к субсидированию компаний государством, разрешения фирмам объединяться в уютные картели внутри отрасли, учреждения правил и инструкций, дотошно предписывающих фирмам, что им можно, а чего нельзя. Нужна не корпоративность, нужна конкуренция.

Страны, сочетающие капитализм собственников с безжалостной конкуренцией, смогут лидировать в экономике 90-х годов и последующего десятилетия. Было бы, однако, крайне неосторожно утверждать, что этому сочетанию гарантирована вечность. Идеи меняются, мода приходит и уходит. Если в XXI веке издатель настоящей статьи пожелает вновь опубликовать обзор по капитализму, он, видимо, обнаружит, что в этой превосходной системе возникли некоторые неувязки. И тогда он придет к выводу, что практика требует пересмотра устаревших догм, что перемены неизбежны. Собственно, в этом и состоит главное достоинство капитализма: он очень легок на подъем. Именно по этой причине все нынешние некрологи пишутся о коммунизме. Капитализм же уверенно идет вперед. ●

Да, да, я слышал такие рассказы миллион раз... Распишись-ка здесь, парень.

ПОЛИТИКА И ДЬЯВОЛ

- I. Теология дьявола. Почему он не может обойтись без Бога? Политика как великий соблазн. Фома наводит порядок в Божьем мире, однако этот порядок рушится.

Дьявол, по христианским понятиям, неспособен быть творцом. Мир сотворен Богом и, значит, представляет собой безусловное благо. Вся природная целокупность, будучи эманацией Бога, является благой по определению, тогда как злая воля, дьявольская или человеческая, есть чистая негативность. Поэтому для своего разрушительного дела дьявол должен использовать материал, произведенный Богом, не допустив, чтобы он, этот материал, был использован по назначению. Действуя во зло, дьявол паразитирует на совершенстве творения.

В человеческих делах эта деятельность по большей части сводится к тому, что дьявол, который, конечно же, не может не воспользоваться злом, к коему мы причастны в силу первородного греха, вводит нас в искушение считать относительные блага абсолютными, поклоняться второстепенным благам, как если бы они заслуживали божественных почестей, и тем самым подменить Творца тварями. Наши естественные влечения и желания сами по себе благи и законны, если они в конечном счете направлены к Богу как высшему благу, а не являются самоцелью. Наши физические и духовные потребности заслуживают утolenия, коль скоро мы не будем забывать о том, что их высшая цель – Бог. Знание похвально и желательно при условии, что мы употребим наш разум для исследования тайн природы и, значит, научимся лучше понимать божественное мироустройство и Того, кто устроил мир. Приятные стороны жизни ценны, поскольку они служат жизни и поскольку жизнь пребывает здесь, дабы воспеть Бога. Мы любим наших собратьев, так как, собственно, любим в них Бога. И так далее.

К политической сфере это относится совершенно так же, как и ко всему прочему. Если политика сводится к борьбе за власть, тогда она принадлежит по определению, с христианской точки зрения, царству Князя тьмы. Тогда политика выражает лишь нашу похоть власти, *libido dominandi*, – инстинкт, который реализует себя ради себя самого и не имеет вне себя никаких целей. Власть над природой была библейской привилегией человека; богоданным является и политический порядок, необходимый для того, чтобы обеспечить мир и справедливость на земле, благодаря чему люди служат Богу и осуществляют свои планы. Дьявол же и в этой области, как во всех прочих, извращает и отравляет благой естественный порядок. И едва только политические блага обретают самоценность, начинают служить самим себе, они тотчас оказываются на службе у дьявола.

Святой Фома Аквинский создал всеобъемлющий, достойный восхищения порядок логических понятий. Отнюдь не отвергая и не презирая материальные блага, относительные ценности и вторичные причины, этот порядок уделял должное место всякой человеческой деятельности – духовной, политической, художественной, технической. Порядок Фомы был скреплен боже-

ственной мудростью и благом. Все естественным образом устремляется как к последней цели к Богу. В этой системе не было четкого разграничения между законом в чисто нормативном смысле и естественными законами, между предписаниями касательно добра и зла и правилами, регулирующими естественный ход событий. В обоих случаях законоположения получают свою значимость из высшего источника суждений, в котором мудрость и благодать сливаются воедино. И даже если мы в наших поступках вполне очевидно можем преступать законы добра и зла (что невозможно в случае естественных законов), это совсем не значит, что нравственный закон теряет свою силу. Природа наказывает нас, когда мы забываем о ее законах, а Бог карает, когда мы нарушаем его заветы. Естественное право черпает свою силу не из самого себя, но коренится в извечном праве, оно демонстрирует способ, каким вечное право действует в созданиях, наделенных разумом; *lex est aliquid rationis* (закон есть нечто от разума), говорит св. Фома, предвосхищая Канта; закон не может быть отменен «человеческим сердцем».

Этот изящный порядок, где для всех областей жизни, включая политику, находится место в единой и всеохватывающей иерархии, безнадежно рухнул, — таково, по крайней мере, мое впечатление. И мне хотелось бы продумать метафизический смысл этого крушения.

II. Бегство из церкви. Перед дьяволом открываются радужные перспективы.

Вся эволюция Нового времени, начиная от его истоков в позднем Средневековье, может быть представлена как движение, в ходе которого политика, искусство, наука и философия шаг за шагом утверждают свое самостояние, свою независимость от божественного и церковного присмотра. Каждая область была принуждена искать собственную легитимацию, вместо того чтобы выводить ее из библейского предания и учения Церкви. При этом совсем не было ясно, откуда взять это нормативное обоснование и каким образом сфера мысли и действия может создать свои предпосылки *ex nihilo*, если она не хочет быть делом произвольного выбора или каприза и если еще, чего доброго, окажется, что никаких таких абсолютных предпосылок вовсе не существует.

Эта последняя фаза нигилистического освобождения окончательно была достигнута в искусстве, в меньшей степени — в философии и почти не коснулась положительных наук. Что же касается политических учений, то там она никогда не была признана всеми и безо всяких оговорок, хотя Макиавелли и Гоббс довольно близко подошли к ней. Следуя христианской догме (и прежде всего Августину), можно было ожидать, что всякая область жизни, коль скоро она становится автономной и сама выносит суждения о том, что в ней благо, что имеет значение, что является подлинным и превосходным, — подпадает под власть дьявола. Подобные суждения — я продолжаю этот ход мыслей — будут затем предложены людям для свободного выбора, а свободный выбор, не просветленный благодатью, решит, разумеется, в пользу зла, а не в пользу добра. Поддадимся ли мы, делая этот выбор, сатанинскому искушению или уступим собственной испорченной природе, успех в любом случае неизбежно поощрит адские силы.

Скажем, если искусство, вместо того чтобы учить людей добру, посвящать их в христианскую истину, превратится в чистое развлечение, станет полем формальных экспериментов или средством ничем не стесняемого самовыражения, или будет потрафлять низменным вкусам черни, то это не значит, что оно в моральном смысле индифферентно, нет, оно станет глашатаем греха. Или если профанное знание, вместо того чтобы открывать в мире мудрость Творца, презрит истину откровения и начнет служить удовлетворению человеческого любопытства, оно роковым образом превратится в инструмент

безбожия. Св. Бернар Клервоский в трактате о милости Божьей ставит любопытное наравне с гордыней, и то же тысячу раз повторяется в душеспасительной литературе.

Что до злого начала в профанной, светской политике, то с позиций христианской мудрости оно настолько очевидно, настолько бросается в глаза, что вряд ли стоит распространяться на эту тему. Если политическая деятельность не освящена естественным правом (которое в свою очередь основано на божественном законопорядке), то почему, собственно говоря, мы должны ставить справедливость – что бы ни подразумевалось под этим словом – выше несправедливости? Общество оказывается добычей слепых противоборствующих страстей, мир – передышкой, временным равновесием механических сил, а так называемая справедливость свелась бы в этих условиях к бесконечным усилиям борющихся сторон вырвать друг у друга уступки. Конечно, политические мыслители, распрощавшись с Евангелием, могли искать убежища у Аристотеля – что они и делали. Но Аристотель, как бы ни был он почитаем христианами и нехристианскими философами, все-таки не обладал божественным авторитетом, отнюдь не был непогрешим, и всякий мог безнаказанно пренебречь его советом.

О том, что эти представления были вполне обычными для церковной догматики, говорят многочисленные документы, официальные и полуофициальные, да и весь корпус посвященной этому вопросу христианской литературы. Можно даже сказать, что философия Гоббса знаменовала своего рода триумф христианства. Ибо она продемонстрировала, что лишившись религиозного обоснования, нормы и правила политики должны попросту исчезнуть; она, эта философия, доказывала, что все общественное устройство зависит от простого соотношения сил, в нем господствуют страх, алчность и властолюбие, и это, собственно, и есть тот порядок, на котором зиждется мир.

Но если господство божественного права во всех областях человеческой жизни, в том числе и в политике, в самом деле представляет собой неустрашимую часть христианского учения, если нет и не может быть легитимного политического порядка, который не был бы очевидным образом включен во всеобъемлющий божественный порядок, если лишенная этой легитимации общественная жизнь тотчас оказывается в когтях у сатаны, – то не должны ли мы согласиться, что Церковь не может, не вступая в противоречие с самой собою, отказаться от своего превосходства над всеми властями, не следует ли нам подумать, что Церковь должна в согласии со своей доктриной стремиться к теократии, дабы не оказаться пленницей князя мира сего? А ежели это так, то как нам быть с недавними заявлениями Церкви и ее первосвященников, особенно после Второго Ватиканского собора, о полном отказе от теократических притязаний, о признании автономности науки и так далее? Что это, вынужденные уступки духу времени? И разве не противоречат они всем христианским традициям? Правда, некоторые теоретики естественного права, в том числе деисты и атеисты XVII и XVIII столетий, утверждали, что мы усваиваем нормы естественного права благодаря нашим врожденным способностям, непосредственно и без помощи божественного откровения. Мы интуитивно понимаем, что хорошо и что плохо, так как природа вложила это знание в нашу психику. Божье присутствие и божественный закон вовсе не обязательны для уяснения принципов справедливости; эти принципы стоят на собственных ногах, независимо от того, существует ли верховный законодатель.

Эта вера была, однако, подорвана и аргументами скептиков, и в особенности тем фактом, – тем сильнее бросавшимся в глаза, чем больше европейцы знакомились с другими цивилизациями, – что понятия естественной справедливости и естественного права отнюдь не являются всеобщими – ни исторически, ни географически; полагаться на то, что они однажды и навсегда впечатаны в сердце каждого человека, нет оснований.

Неудивительно, что с тех пор как борьба князей и королей против папства не только выражалась в практической политике, но и стремилась найти для себя теоретическое обоснование, в стане защитников светской политики и автономии гражданских властей ощущалась известная неудовлетворенность политическим порядком, не освященным церковным авторитетом.

III. Тактика Бога: почему невозможно одним ударом покончить с сатаной. Свобода творить зло, или, как ее еще называют, Просвещение.

Отсюда родилась идея, что правителю, верит ли он в Бога и бессмертие или не верит, для пользы дела важно использовать религиозный антураж: обряды, изображения, священников и божественные санкции; все это служит интересам власти и охраняет незыблемость общественного строя. Об этом без обиняков писал Марсилиус Падуанский, на это особо напирал – как же иначе? – Макиавелли. Того же мнения держались Гоббс и (менее откровенно, но достаточно определенно) Спиноза, который вдобавок заявил, что людьми нужно управлять так, чтобы они думали, что они сами правят собой. Да и Монтескье устами своего узбека поясняет: если бы справедливость зависела от договоренности людей между собой, нужно было бы скрывать эту страшную истину даже от самих себя. Такое лицемерное использование религии ради политических целей, естественно, оправдывалось тем, что большинство людей либо дураки, либо злодеи, либо то и другое вместе; без страха перед загробной карой невозможно усмирить их темные страсти, которые всегда представляют угрозу общественному порядку. Некогда Бог считался верховным судьей. Теперь получается, что дьявол служит исполнителем воли Божьей, так как он умеет лучше воздействовать на человеческое воображение. Политические теоретики, исходившие из подобных предпосылок, полагали, что если бы не было черта, его надо было бы придумать.

Впрочем, если эти вполне «секуляризованные» наставники на словах готовы были признать христианский тезис о том, что политика не может обойтись без религиозной легитимации, то это вовсе не означало, что священнослужители или папа должны контролировать монарха; это означало лишь, что светский государь должен оказывать услуги Церкви. Тем самым признавалось, что здоровый политический строй нуждается в небесных защитниках – если не реальных, то хотя бы воображаемых – и что самые отъявленные враги Церкви одобряют это подобие извращенной теократии (но не «клирократию»!).

Все это, однако, не так просто. Дьявол старается – и подчас безуспешно – обратить благо во зло. Бог тоже не дремлет. Он знает, чем ответить врагу, и умеет перековывать зло и разрушение в орудия исполнения своих собственных планов. Пускай черту удалось подорвать здоровый порядок, в результате чего политика съехала на второразрядный уровень и власть кесаря обрела приличествующую законность лишь благодаря санкции папы. Нечистый может вернуть политике независимость и право на самоопределение и с помощью искусства и философии. Однако этот разрубленный мир все-таки не ускользает из-под божественного контроля, из беспорядка рождается новый порядок, заговор адских сил побежден, и должен начаться новый этап на пути к совершенству.

Чтобы постичь пути Господни, мы должны отдать себе отчет, по каким причинам Бог не может просто приказать дьяволу исчезнуть, не может его пленить и вывести из игры. Ответ, который дает христианская теодицея на протяжении многих веков, гласит: разум неотделим от способности творить зло (то есть от свободы), поэтому Бог, коль скоро он сотворил существа, наделенные разумом, принужден допустить существование зла.

Это ядро теодицеи четко выкристаллизовалось уже в раннем христианстве. Мы находим его в гомилии Василия Великого, где между прочим сказано: ежели будем бранить Творца за то, что он не создал нас неспособными к греху, то получится, что надо предпочесть неразумную и пассивную природу разумной, активной и свободной. К аналогичному взгляду пришел Ориген. Если, говорит он, человеческие существа слабы, если им приходится страдать и напрягать все силы, чтобы выжить, то причина этому та, что Бог желает подстрекнуть их изобретательность, ум и расторопность; это было бы невозможно, когда бы люди могли вести сытую и ленивую жизнь. Короче говоря, страдание, на которое природа обрекла человеческий род, есть условие прогресса. Боль, которую люди причиняют друг другу, вытекает из их способности творить зло, но эта способность – часть их свободы, той свободы, которая позволяет им делать добро.

В этом и состоит центральный пункт богооправдания: творение есть акт любви, а взаимная любовь между творцом и тварями мыслима лишь постольку, поскольку Божьи дети – это разумные существа, которые могут творить добро по своей воле. Добрые дела, которые совершаются вынужденно, в моральном смысле не являются добрыми; способность же добровольно творить добро предполагает и способность причинять зло. То есть любящий Творец мыслим лишь на фоне зла, лишь при условии существования зла, в противном случае творение лишилось бы цели и смысла. В ранних теодицеях даже признается в неявной форме, что Бог связан законами логической сообразности и потому не может создавать противоречивые миры. Вот почему логически необходимо, чтобы ход вещей в мире был бесконечной игрой, в которой добро и зло пытаются одержать верх друг над другом. Но в конце концов победит добро – таково обетование, данное в откровении.

Допустим, что когда Церковь утратила мировое господство и политика как практическая деятельность и как сумма теоретических установок добилась – по крайней мере на Западе – независимости от церковных институций и доктрин, это было результатом долгих и терпеливых усилий дьявола. Тогда мы, конечно, сразу должны подумать о том, какой ответный ход делает Бог. Но в том-то и дело, что нет уверенности в том, что этот процесс автономизации – дело рук черта и больше никого.

Бесспорно, развитие, в ходе которого разные области жизни получили самостоятельность и были вынуждены создать для себя собственные основания, вместо того чтобы перенять их в готовом виде из религиозной традиции, – было абсолютным условием всех достижений и всех поражений Нового времени. Высвобождение из-под опеки религии дало возможность шире развернуться человеческому потенциалу. Следовательно, в христианских категориях эту историю можно, пожалуй, рассматривать как новую *felix culpa*, как некое повторение первородного греха. Не будь первородного греха, прародители человечества увязли бы, как в болоте, в своей безнадежной невинности и произвели бы потомство, живущее вне истории и не способное к творчеству.

Утвердив автономию всех сфер человеческой деятельности, Просвещение не могло уберечь их от проникновения зла. Эта автономия не могла не привести к тому, что разные сферы деятельности вступили в конфликт друг с другом. Возникла своеобразная метафизическая система *checks and balances*, то есть то, что государственное право именуется принципом взаимозависимости и взаимоограничения разных видов власти. Религия больше не пытается (в западных странах) навязывать свои стандарты науке, искусству и политике. В итоге черти, откомандированные для своей подрывной работы в эти обособленные сферы, уже не могут беспрепятственно сотрудничать, но скорее мешают друг другу.

На первый взгляд кажется, что политика – как и секс – представляет собой любимый охотничий заповедник дьявола, так как именно политика несет

прямую ответственность за войны, преследования и все мыслимые и немыслимые злодеяния, какие порождает борьба за власть. Но когда анализируешь исторические процессы, трудно решить, кто и как конкретно должен за все это отвечать. Что касается искусства, науки и философии, то они по сравнению с политикой выглядят безобидными, однако эта невинность может быть обманчивой, так как искусство, наука и философия оказывают свое действие в куда большем диапазоне времени. Демоны политического департамента могут быть необстрелянными новичками. Зато те, кто орудует в искусстве, в философии, в науке, обязаны быть намного умней, тоньше и осмотрительней. Зло, творимое тиранами и завоевателями, – это зло сознательное, легко опознаваемое и отчасти предсказуемое.

А вот зло, вину за которое на протяжении веков возлагали на великих мыслителей и художников, зло, будто бы причинное творческим гением Платона, Коперника, Декарта, Руссо, Канта или Вагнера, зло, не получившее единой международной оценки, – кто может его идентифицировать и тем более предсказать? Каким надо быть изощренным мастером, чтобы исподтишка отравить достижения всех благодетелей человечества, чтобы предвидеть, к каким изменениям человеческого сознания приведет его деятельность, чтобы направлять эти изменения и использовать их на потребу ада!

IV. Парадокс теократии. Не есть ли это дьявольское изобретение? Комментарий к ответу Инсуса фарисеям.

Отнюдь не доказано и во всяком случае сомнительно, чтобы стремление к теократии изначально содержалось в духовном багаже христианства, а дьявольские силы стремились бы только его реализовать. Вопреки всему, что нам известно о притязаниях Церкви на светскую власть, христианство никогда не было в строгом смысле слова теократическим. Церковь мучеников наверняка не была. Больше того, христиане были склонны рассматривать себя как чужеродное образование в языческом мире, а светские власти – как своих естественных врагов. Но даже когда Церковь одержала победу и находилась на вершине своего, как оказалось, преходящего могущества, не было оснований называть ее теократической.

Конечно, знаменитый документ, который обычно цитируется как свидетельство теократических амбиций и в самом деле ближе всего подходит к этому идеалу, – булла *Unam Sanctam* папы Бонифация VIII (1302 год) – провозглашает приоритет духовного меча перед физическим, устанавливает, что земные власти, коли они отклонились от добра, должны быть исправляемы Церковью, что мужи Церкви суть начальники над светскими правителями и что все люди подчинены папе. Доктринальной основой этих притязаний является представление о непогрешимости Церкви, которая одна лишь способна определять, что есть грех и что добродетель. Во всех делах и начинаниях, к которым примешан грех и которые требуют очищения от греха, при необходимости – мечом, – светские власти обязаны покорствоваться Церкви.

Фактический масштаб притязаний папы на власть зависел от случайного стечения исторических обстоятельств; то, что подпадало под определение «духовных дел», никогда не могло быть однозначным, ведь почти все виды человеческой деятельности так или иначе соотносятся с нравственностью. Кажется, что два постулата: «Церковь не имеет власти в мирских делах» и «Церковь обладает властью в духовных вещах» логически совместимы или по меньшей мере дополняют друг друга. Но так как границу между двумя этими сферами можно проводить очень и очень по-разному, постулаты эти – мы хорошо это знаем – противоречат друг другу. Тот, кто опирается на первый тезис, хочет ограничить либо даже отменить церковную власть, тогда как сторонники второго тезиса стремятся эту власть расширить. Теоретиче-

ски все зависит от того, как мы будем разграничивать *temporalia* и *spiritualia*, «временное» (мирское) и «вечное» (духовное или церковное). Теократические претензии представляются легитимными лишь при условии, что наше поведение так или иначе определяет спасение души.

Но можно взглянуть на дело иначе: можно утверждать, что полутеократические вождедения привнесены в христианство силой дьявольских искушений. С другой стороны, даже самые смелые притязания на мирскую власть – будь то в теоретической форме, как в упомянутой булле и в писаниях Эгидия Римского или в практической политике папства, например, в эпоху Иннокентия III, – строго говоря, не были теократическими. Они не имели целью заменить королевские, княжеские или судебные институты прямой властью клира и не стремились стереть разницу между двумя видами власти.

Аргументом, на который чаще всего ссылались, чтобы обосновать разделение власти, были, разумеется, слова Иисуса: «Отдавайте Кесарю...» (Мф. 22, 15–22; Мк. 12, 13–17). Как мы узнаем из Евангелий, этим ответом Иисус обошел ловушку, которую расставили для него фарисеи. Нетрудно видеть, что это была за ловушка.

Если бы он сказал: нет, не надо платить налогов, он дал бы повод обвинить себя как политического бунтовщика. А если бы наоборот, посоветовал платить налоги, то предстал бы в глазах людей как коллаборант или приспособленец. Ответ должен был заключать обоюдный смысл. Конечно, вычитать из такого ответа общую теократию двух независимых или хотя бы отчасти не зависящих друг от друга и одинаково правомочных сфер власти значило бы дать словам Христа слишком изощренное, натянутое толкование. Тем не менее слово Иисуса полностью согласуется с его учением, если считать, что он хотел сказать следующее: отдай кесарю земные блага, которых он вожделеет; перед лицом грядущего Царства Божия власть кесаря все равно недолговечна; невелика фигура этот кесарь, все его великолепие исчезнет без следа. Близкий и неизбежный Апокалипсис – вот постоянный фон проповеди Иисуса.

Ученики Иисуса не получили от него ни теократических обещаний, ни сколько-нибудь отчетливой теории двойного источника власти. Он заповедал правила нравственности всеобщего значения. Понятно, что его последователям пришлось самим формулировать моральные критерии и оценки во всех областях жизни, включая политику, войны, секс, коммерцию, труд. Задача состояла в том, чтобы решить, что здесь зло и что благо. Учение Иисуса не содержит опорных пунктов, исходя из которых можно использовать инструменты власти с тем, чтобы прямо или косвенно осуществить его указания. Да и вообще странно было бы говорить об этически благих делах, которые совершаются по физическому принуждению.

- V. Хроника военных действий. Неудачная атака дьявола в 30 году н.э. Колебания Лютера и реванш адских сил: идея гуманизма.

Дьявол не дремлет. Бог тоже не спит. Общую историю их борьбы друг против друга можно описать, выделив *четыре фазы*. Первая фаза: дьявол затеял преследование христиан, однако эта лобовая атака обернулась против него самого. Кровь мучеников оросила почву, на которой предстояло расцвести Церкви, как оно и было предсказано. Христианство торжествовало победу. Тогда дьявол решил погубить его блеском светской власти и соблазном евангелизировать мир мечом. Он убедил Церковь в том, что ей необходимо завладеть политическими институтами. Аргумент дьявола был следующий: так как надобно почитать Бога и только его одного, политическая деятельность не может иметь собственных целей, но должна получить их от

Церкви и следовать вердиктам Церкви. Нужно признать, что дьявол необычайно эффективно использовал этот ложный тезис, навязав его Церкви. Все же успех дьявола не был стопроцентным; христианство располагало кое-какими внутренними барьерами, защищавшими его от искушений абсолютной теократии. Одним из этих барьеров было уже упомянутое нами толкование фразы Иисуса о римской монете: светская политика имеет легитимные права в своей области и, значит, обладает определенной автономией (толкование, на мой взгляд, чрезвычайно убедительное, и оно могло бы послужить еще более мощным барьером, хотя и обычная практика была достаточно эффективной).

Другим барьером против дьявольских козней была вера христианства в дьявола, вера в зло и первородный грех. Теократия – это христианская или псевдохристианская утопия, мечта о совершенном мире, который построен на земле под началом Церкви и в котором уничтожен грех. Евангельское предание и традиция Церкви мучеников противоречили этому обманчивому видению; они, эти традиции, внушали мысль, что мученическая кровь будет проливаться здесь и там до скончания времен и что зло, сколько с ним не борись, не может быть искоренено. Рай на земле, моральный или материальный, рай, наступивший до Второго пришествия, есть не что иное, как суеверие, порождаемое человеческой гордыней.

Теократическая мечта предполагает в явной или неявной форме образ человечества, покончившего со случайностью, но также и со свободой: застылое совершенство, в когда у человека отняты всякая возможность и всякий повод грешить, а с ними и всякая свобода; ибо свобода и грех в христианском учении нераздельны. Относительную автономию политики нужно рассматривать как часть неизбежного несовершенства, присущего людям; попытка преодолеть силой это несовершенство принесла бы несравненно больше зла. Пускай Церковь как *corpus mysticum* (мистическое тело) непогрешима, – человеки, ее дети, греховны, им свойственно ошибаться, и потому Церковь – земной организм. Сосредоточение всей власти в ее руках имело бы катастрофические последствия и для эволюции человечества, и для самого христианства. Дьявол, разумеется, это знал. Его первое вмешательство в христианский (или даже еще в предхристианский) миропорядок относится примерно к 30 году нашей эры: это было известное искушение Христа земным величием и царством. Иисус не поддался, но большинство людей клюнуло бы, конечно, на эту приманку.

Так началась третья фаза сражения. Ей предстояло проложить новые пути развития человечества, и заключалась она в прогрессирующем рассеянии власти; политика и другие области, в которых могла найти приложение человеческая энергия, обретают все большую самостоятельность. То была опасная игра. Бог применил тактику, к которой он, как мы знаем из Ветхого Завета, уже не раз прибегал, когда насылал на свой народ через его врагов крушения и войны.

В Новое время ему пришлось, как и прежде, отказаться от намерения улучшить человеческий род, отнимая у него свободу. Чтобы подвергнуть нашу порочность решающему испытанию, Бог должен был двинуть в ход своих собственных врагов, – настала эпоха Просвещения.

Задачей Просвещения было, между прочим, освобождение политики из пут религии. Церковь взяла на себя так много разных видов политической ответственности, захватила такую власть, до такой степени запуталась в военных авантюрах и дипломатических интригах, накопила столько богатств, превратившихся мало-помалу в самоцель, что должна была одновременно – чего и добивался Бог – и очиститься, и вернуться к тому, что составляло ее подлинное назначение, ее собственную задачу. Задачу эту взяло на себя реформаторское движение внутри Церкви. Снова две стороны одной и той же древнеримской монеты.

Дьявол, как и следовало ожидать, усердно трудился над обеими сторонами этого процесса, причем достиг блистательного успеха. В рамках Просвещения его цель была убедить людей, что мало освободить политику от религиозного контроля и отделить Церковь от государства; прогресс человечества состоял, по мнению дьявола, в полном забвении религиозной традиции – если надо, при помощи силы. Он придал Просвещению антихристианскую форму и разработал с помощью многих выдающихся умов идею гуманизма, основанную в первую очередь на безбожии. Тем самым он способствовал формированию представления о политике как беззастенчивой борьбе за власть, борьбе, в которой власть признавалась наивысшим благом.

Гораздо трудней была задача использовать в своих целях идеал христианства, стремящегося отряхнуться от земного загрязнения и вернуться к своей исконной чистоте. Выяснилось, что черт дорос и до этой задачи.

Тоска по утраченной невинности, по апостольской жизни, страстное желание открыть новую эпоху незапятнанного существования составляла сильнейший идеологический заряд народно-еретических движений позднего Средневековья; сюда надо отнести и Реформацию. Судьба Реформации, однако, ясно показывает, как дьяволу удалось обработать для своих целей по видимости безупречное решение Церкви вернуться к бедности и отказаться от посягательств на светскую власть и величие.

Это произошло через немногие годы после впечатляющего вступления Лютера в европейскую историю. Так как дело христианства есть, собственно, спасение индивидуальной души и так как, согласно Лютеру, это спасение совершается через веру, каковая есть дар Божий, то ни папа, ни Церковь в целом не в состоянии простить наши грехи, а так как все, что творится без веры, греховно, то из всего этого естественно следует, что зримой Церкви больше нечего делать и надо бы ее, вообще говоря, просто ликвидировать.

Радикалы разного толка в стане Реформации фактически и сделали этот вывод. Они обвиняли Лютера, который так далеко не шел, в непоследовательности. Вначале Лютер думал лишь об оздоровлении совести христианского народа и, по-видимому, верил, что безнадежно коррумпированный, подпавший под власть сатаны мир еще можно как-то поправить. Решившись реформировать мир, Лютер, однако, был вынужден пойти на компромиссы. Вполне пластичного материала не существует, и коли мы хотим придать ему желательную форму, мы обязаны считаться с его неизменными свойствами, другими словами, отказаться от идеала и искать компромиссных решений между тем, о чем мечтали, и тем реальным материалом, с которым приходится работать. Нужно отбросить радикальную дихотомию «все или ничего» и попробовать улучшить мир, уповая на то, что он все-таки не прогнит до конца.

Но хотя лютерова реформа признавала неизбежность или необходимость зримой Церкви, реформа прервала ее богохранимую традицию, разрушила святость клира и апостольскую преемственность. Церковь стала частью секулярной жизни. Результат был тот, что она оказалась под началом гражданских властей.

VI. Реформация. Дьявол одержал верх и торжествует. Напрасно! Неожиданный контрудар Бога.

Это был грандиозный триумф дьявола. Реформация начала с нападков на христианство, погрязшее в земных вожделениях и возжаждавшее мирского могущества, а кончила идеей, которая перевернула теократию кверху дном; Реформация превратила Церковь в служанку светской власти.

Этого мало. Церковь должна была огосударствиться, то есть секуляризоваться; обратной стороной все той же монеты было освящение секулярных

властей, которые получили теперь прямую божественную санкцию. Что означает это причисление гражданской власти к лику святых, можно понять из знаменитого письма Лютера 1523 года. Каждому понятно, что государству нужны не только ремесленники и крестьяне, но и судьи, палачи, солдаты. Поэтому быть палачом, собственно говоря, ничуть не позорней, чем быть сапожником. Отсюда Лютер весьма последовательно выводит, что Иисус Христос только потому не был сапожником или палачом, что занимался другими делами. Иначе говоря, можно представить себе Иисуса и в должности палача (его земной отец был плотник), и можно вполне допустить, что сам Иисус, прежде чем приступить к исполнению своей миссии в Галилее, был тоже плотником, а это вполне уважаемая профессия; почему мы не можем сказать того же и о ремесле палача? Но и это еще не все. Реформация секуляризовала христианство не только как институцию, но и как доктрину. Это было все равно что воткнуть себе в сердце нож, ничего худшего зачинатели Реформации не могли себе представить. Тут дьявол добился поистине сногшибательных результатов. В свою очередь его достижения привели вот к чему.

Дабы возродить христианскую жизнь в ее исконной чистоте, Реформация отвергла традицию догматических толкований, даваемых папами и соборами в качестве авторитетного источника наряду с Писанием. Отныне Библия должна была оставаться единственным кодексом веры. Но тогда встает вопрос, кто, собственно, уполномочен толковать библейский текст. В принципе это может делать каждый человек, коль скоро он внимает голосу духа святого. А что же Церковь? Церковь как общественная организация в таком случае вообще не нужна, ибо каждый, не исключая одержимых бесом и еретиков, вправе будет претендовать на особое откровение и озарение, никакой обязывающий канон более не имеет значения. Надежная опора толкователей-экзегетов – нерушимый, освященный веками церковный авторитет – исчезнет, и у них останется единственный инструмент – их собственный разум. Но этот инструмент опасен, всегда можно сказать, что он проклят, испорчен или отравлен дьяволом.

Так Реформация, в разительном противоречии со своими исходными импульсами, породила пугающую идею религии разума. Реформация стала школой деизма и рационализма. Боссюэ в своей «Истории многообразных протестантских церквей» (*«Histoire des variations des Eglises Protestantes»*), шедевре контрреформационной литературы, формулирует проблему с подкупающей ясностью: «Говорят, что совесть – истинный суд, на котором всякому надлежит судить о вещах и повиноваться истине. Легко сказать! Меланхтон говорил это, говорили и другие; но в сердце своем он знал, что надобен иной принцип, дабы построить церковь... Должны ли мы распахнуть двери перед каждым, кто утверждает, что он посланец Божий? Что бы мы ни делали, нам придется вернуться к авторитету, которого законность и основательность состоит лишь в том, что он происходит свыше, а не покоится на самом себе... Если бы он (Меланхтон) понимал это, он никогда бы не вообразил, что истину можно обособить от тела, в коем заключены преемство и правильный авторитет».

«Причина брожений, какие мы видели в отделившихся телах, – продолжает Боссюэ, – состоит в том, что они не знали авторитета Церкви и обетований, полученных ею свыше, – коротко говоря, не знали, что такое Церковь... Тем самым еретиков предоставили выводам человеческого разума, предоставили их собственным страстям».

Другими словами, дьявол превратил Реформацию в Просвещение: достижение немалое. Бог, дабы предотвратить опасность теократии, то есть порчи христианства, когда оно становится светской властью, с одной стороны, и удушения творческого потенциала человека – с другой, должен был ослабить связь между религией и политикой и предоставить политике известную автономию – осмелимся думать, скорее институциональную, чем моральную.

Черт встрял в этот процесс и сумел направить его в два русла, которые в конечном счете слились. Он способствовал огосударствливанию религии. И он же придал Просвещению антихристианский облик. В результате политика была вынуждена создавать правила для самой себя *ex nihilo*, отчего она в конце концов съехала на уровень пошлейшей борьбы за власть.

Эти успехи, однако, не удовлетворили черта. Ради достижения своих целей он должен был всемерно поощрять свободу. А свобода есть дело божественное, как бы дьявол ни старался ею злоупотребить и что бы ни говорил о ней Мартин Лютер. Коль скоро политика была предоставлена самой себе, ей пришлось заменить истину консенсусом, чем-то вроде общей договоренности относительно того, что считать истиной. Фактически это один из краеугольных камней демократии; консенсус отнюдь не предусматривает, что его участники – благословенные обладатели истины. Большинство призвано править не оттого, что оно право, а лишь потому, что оно – большинство; иного, большего не требуется.

В намерения дьявола это не входило. Вопреки его ожиданиям, политика, вынужденная сама строить свой фундамент, становилась менее, а не более жестокой (правда, черт мог утешаться тем, что этот неприятный итог – всего лишь религиозный пережиток, уступка традициям; верно ли такое объяснение, этот вопрос я оставляю открытым). Божественный дар свободы получил больше, а не меньше возможностей распространяться и утверждать себя.

VII. Новое оружие сатаны — государство истины.

Итак, дьяволу ничего не оставалось, как применить новое оружие; тут ему в голову пришла самая блестящая идея. Началась *четвертая* фаза соревнования, которая разыгрывается в нынешнем веке, на наших глазах.

Дьявол решил вернуться к старому понятию политики, основанной на *истине*, – в противоположность договору, или консенсусу. Дьявол изобрел идеологическое государство: легитимность этого государства заключается в том, что его правители – собственники истины. Выступая против такого государства или такой системы, мы автоматически становимся врагами истины. Отец лжи обратил идею истины в свое мощнейшее оружие.

Истина по определению универсальна, она не привязана к тому или иному народу или государству. Народ и держава отныне не просто народ и не просто государство, которое отстаивает свои особые интересы, обороняется или расширяется, захватывает новые территории, становится империей и так далее. Теперь государство – это носитель универсальной истины, как в далекие времена крестовых походов.

Дьявол, как любили говорить средневековые богословы, – *simia Dei*, обезьяна Господа. Придумав идеологические государства, дьявол создал карикатурное пособие теократии. На самом деле новый порядок был еще более полным и всеохватывающим, чем христианские государства прошлого, так как порядок этот устранил всякое отличие светских инстанций от религиозных и сосредоточил в одном месте всю материальную и духовную власть. Этому государству дьявол подарил не только инструменты насилия и образования, но и все богатство народа, и даже самый народ. Теократия (точнее алетейократия, господство истины) обрела в определенную эпоху почти совершенный облик.

Характер войн от этого, разумеется, изменился. Со времени Второй мировой войны столкновения происходят главным образом во имя универсальной истины, иначе говоря, становятся гражданскими войнами. Как во время гражданской войны, все правила поведения теряют свою силу. Пленных чаще всего убивают – либо под угрозой смерти заставляют их перейти на сторону их бывших врагов, что не является изменой, так как речь идет о

том, чтобы перейти от заблуждения к истине, а приобщение к истине – не измена, а обращение и просветление... Так что и понятие измены изменилось; его теперь можно применять лишь к тем, кто покидает сторону обладателей истины.

Возникает впечатление, что дьяволу великолепным образом повезло с его новым изобретением; и все же имеются признаки того, что его триумф может оказаться недолговечным, вопреки всем ужасам, которые принесла с собой придуманная им игрушка. Однажды возникнув, идеологические государства обнаружили исключительную сопротивляемость. Тем не менее они явно пришли в упадок. На поверхности они все еще – инкарнация истины, которая обосновывает их легитимность. Но когда им нужно в самом деле подвигнуть к чему-то их граждан, они ссылаются уже не на универсальную истину, а на интересы нации, патриотизм, имперскую славу, государственные соображения, апеллируют к расовой ненависти – что особенно бросается в глаза в коммунистических странах. В известной степени им удается добиться желаемого, но их успехи лишь обнажают гротескный разрыв между реальностью и ее словесным облачением. То, что их «истина» – блеф, обнаружилось с неопровержимой очевидностью. Но признать это открыто было бы катастрофой. И они пускаются на всевозможные полумеры, чтобы как-то подпереть рассыпающееся здание.

VIII. Пока что ничья. Что будет дальше? О красоте истории и величии Творца.

Конечно, в запасе у дьявола есть и другие идеи. Он не только воздвиг бастионы истины, но весьма хитро пытается протащить истину в качестве замены договору и консенсусу в демократические институты. Он ухватился за принцип большинства, чтобы перетолковать его, а именно, он нашептывает на ушко прельстительную идейку насчет того, что, мол, раз большинство всегда право, то оно правомочно поступать, как ему заблагорассудится, а значит, имеет право и отменить самый принцип большинства... Это, как мы знаем, далеко не праздный вопрос: может ли демократическое государственное устройство с согласия большинства лишиться правовой силы само себя? Может ли оно, не противореча собственным принципам и основам, ликвидировать себя, так сказать, совершить самоубийство? (Аналогичный вопрос: может ли папа римский с непогрешимостью объявить, что он не непогрешим?) Над этим задумывались разные мыслители, от Карла Шмитта (до того, как он стал нацистом) до Джеймса Бьюкенена. Поскольку большинство право именно потому, что оно большинство, это может случиться; меньшинство же, будучи по определению сосудом лжи и носителем заблуждения, заслуживает того, чтобы его уничтожить.

Я не верю в то, что дьявол, не мытьем так катаньем, одержит победу в своих усилиях упразднить свободу, то есть человеческое существование. Люди нуждаются в духовной защищенности и как раз поэтому способны уступить дьявольскому искушению идеократического государства. Но люди хотят остаться людьми, то есть отстаивать свою свободу, подвергая сомнению любой порядок, не доверять никаким истинам, вторгаться в неразведанные области духа. Потребность в защищенности свойственна человеку не больше потребности исследовать неизвестное. Клаузевиц замечает в своей классической книге: хотя наш разум стремится к ясности и достоверности, дух наш нередко влечется к неизвестному и неопределенному; он предпочитает в воображении остаться на почве случайности, нежели реально прозябать в нищенской необходимости, он тешится богатством возможностей, и у мужества, которое благодаря этому вновь оживает, вырастают крылья: оно бросается в стихию опасности, как бесстрашный пловец – в ревущий поток. Вот почему везде есть место непредвиденному – в большом и малом.

Клаузевиц знал о чем говорил. Все, к чему прибегают в войне между государствами, применимо и в войне добра и зла в истории. Этой войне никогда не будет конца, ибо материал, из которого мы скроены, питает обе стороны. Если нынешняя эпоха завершится посрамлением дьявольских планов, дьявол наверняка окажется достаточно хитроумным, чтобы найти новое применение своей энергии. Бесполезно, однако, гадать, что он еще придумает.

Эта бесконечная игра – не повод для интеллектуального развлечения. Правда, всевышний, как пишет св. Августин в «Граде Божьем» (XI, 8), обогащает мировую историю с помощью антитезы, так приятно украшающей стихотворение; в истории мира есть своя красота, которую создает антитеза и столкновение противоположностей, – род риторики событий, в дополнение к риторике слов.

Гегель создал подобную симфонию исторической диалектики. После всего пережитого нами в нынешнем веке мы скорее согласимся, что эстетическое или интеллектуальное наслаждение, которое можно получить, обозревая грандиозную панораму истории, сродни удовольствию от приятной музыки, издаваемой быком Фалариса. Согласно легенде, – ее вспоминает Кьеркегор, – у тирана Сицилии Фалариса был бронзовый бык, полый внутри, в котором правитель поджаривал своих врагов. Бык был устроен так, что вопли жертв благодаря особому акустическому приспособлению превращались в сладостные мелодии.

Нет, борьба дьявола с Богом в истории – не забавный спектакль. Единственное утешение дает нам тот простой факт, что мы не только пассивные наблюдатели или жертвы этой битвы, мы ее участники, наша судьба решается на поле, где мы бегаем и играем. Это достаточно тривиальная фраза, но сколько тривиальных истин стоят того, чтобы их повторить!

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

“Страна и мир” №5 (53) и 6 (54). Журнал был противным, потом скучным; теперь он становится... страшным. В нем бурлит и клокочет сжигающая ненависть к России и русским, нечеловеческая, поистине сатанинская. Никакого сравнения с тупыми, наукообразными поклепами национал-социалистических немцев или с идиотской мазней американцев про неполноценность будто бы русских людей, в силу того, что в детстве их пленяют. Здесь – каждое слово полно яду, каждая фраза устремлена оскорбить наш народ, втоптать в грязь его чувства, верования, традиции.

Наряду с отвращением к авторам этих строк, испытываешь... жалость. Несчастные люди! Они не сознают, что разрушают, в

первую очередь, свою же душу... Накаленная злоба взрывает и разъедает изнутри их самих, подобно тому, как крепкая кислота действует на стенки содержащего ее сосуда. Не добро человеку ненавидеть себе подобных, тем более еще – целые народы огулом.

Опыт показывает, что данный тип фанатиков, заживавших некогда костры религиозных преследований, организовывавших концлагеря нашего века, служивших в должности палачей, извлекая из своей работы садистические наслаждения, почти всегда кончают тяжелыми нервными или психическими заболеваниями, быстро теряя вкус и способности для всех нормальных радостей жизни. Что же, оставим их уготованной им участи – помочь им все равно нельзя.

В. Рудинский. Обзор зарубежной печати

**ГОЛОС
ЗАРУБЕЖЬЯ**

№ 57 Июнь 1990

Адрес редакции: V. Piroshkow,

Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80

ПСИХОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

О разрушительных тенденциях единовластия

Рассказ летописца о призвании варягов, — пожалуй, лучшая иллюстрация возникновения государства на основе естественного договора. Князь, его дружина и администрация "легли" поверх уже сложившейся структуры власти, защищая и поддерживая ее. Старая администрация (чьей вершиной, судя по всему, были "старцы градские") продолжает существовать и развиваться, а главное, сосуществует с княжеской властью. Полтора века продолжают такие отношения, устраивая всех: князья собирают дань, ходят в походы и обороняют свое княжество; торговые караваны, защищаемые дружиной, беспрепятственно достигают Царьграда. Раз в десять лет, а то и чаще, смерть родственников передвигает князей из города в город, с одного престола на другой; мало связанные со своим городом, они, кажется, и вовсе не замечают этих переходов.

С середины XI века положение меняется. Войны с половцами, отток населения на север, северо-восток и запад, упадок греческой торговли подрывают сложившиеся между князем и городом отношения. Княжеская власть — обращенная ранее во внешнюю сторону государственной власти (наиболее ярко у Святослава Игоревича), войны, дипломатия, торговля, князь и его дружина как щит государства, как его граница и оболочка — меняет свое направление, поворачивается внутрь своего княжества, где сталкивается с местной властью. Начинается чрезвычайно болезненный период вращая княжеской власти в местную почву, в местную власть. Быстро увеличивается княжеский домен, растет число зависимых от князя людей и его влияние на местные дела.

Обе власти — и старая, местная, и княжеская — освящены традицией. Ни та, ни другая не мыслит своего самостоятельного существования, даже Новгород, где местная власть добилась после 1136 года почти полной независимости, не может обойтись без князя, однако борьба за свою долю власти и влияния внутри общего владения идет долго и ожесточенно (кровавые усобицы между боярством и князьями в Галицко-Волынской Руси); что хочет и чего не хочет каждая из сторон, видно хотя бы по договорным грамотам Великого Новгорода. Борьба этих двух сил продолжается более века. Вращая друг в друга, каждая власть находит в своей сопернице четкий предел своим прерогативам и влиянию. Степень свободы каждой из них близка к нулю. Такова судьба всех русских княжеств — за единственным исключением: Владимиро-Суздальская Русь Андрея Боголюбского.

В сущности, история человечества знает только два вида государства — монархию и республику; крайняя форма первой — восточная деспотия, крайняя форма второй — парламентарная демократия. Принято считать, что если при республиканской форме правления верховная власть ограничена законами и представительными учреждениями, сменяема и разделена, то абсолютизм восточной деспотии ничем не ограничен. На самом деле это не так. Власть восточного деспота почти так же жестко ограничена, однако формы ограничений иные: традиции, обычаи, религия, ритуал, народные представления об идеальной власти.

Для политической системы или, вернее, антисистемы, созданной Андреем Боголюбским, характерны абсолютная власть и абсолютная мобильность власти; сущность этой системы — не в подчинении княжеской властью местной традиционной власти боярства старших городов, а в игнорировании, в самом отрицании их власти, она

отрицает и все традиции, на которых основана не только местная, но и сама княжеская власть. Князь видит теперь корень своих прав, свою высшую санкцию в самом себе.

Появление на северо-востоке Руси такой политической системы — результат исключительных обстоятельств: Андрей Боголюбский был старшим в роду русских князей, носил титул Великого князя Киевского, владел самой обширной и самой богатой территорией, имел самую сильную дружину и самую богатую казну. Вместе с тем в его огромном и редконаселенном государстве связи, традиции, влияние старших вечевых городов были несравненно слабее, чем в других княжествах.

Массы переселенцев, пришедших во Владимиро-Суздальскую Русь с юга в правление отца Андрея Боголюбского Юрия Долгорукого и его собственное правление, никак не связанных с местными традициями и воспоминаниями, еще больше подорвали и размыли эти традиции. Новые поселенцы привыкли смотреть на верховного властителя, как на единственный источник власти, источник законов и традиций, да и сам князь рассматривает земли, на которых он расселил пришельцев, как на особую собственность, независимую и мало связанную с остальным княжеством.

Можно указать на несколько формальных признаков этой политической системы: 1) разделение государства на две части, в одной из которых источником верховной власти все еще является традиция, а в другой — сам князь (Киевский великокняжеский престол и Владимирское княжение, еще отчетливей — Владимирское княжение и собственные владения князя в этом княжестве); 2) новое представление верховной власти о себе самой и новое отношение к другим традиционным властям; ср. переписку Андрея Боголюбского с племянниками Ростиславичами, беспрецедентную в междукняжеских отношениях: "Не ходишь ты, Роман, в моей воле со своей братией, так пошел вон из Киева, ты, Мстислав, вон из Белгорода, а ты, Давид, вон из Вышгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там, как знаете". Один из Ростиславичей, Мстислав Храбрый, отвечал ему: "Мы до сих пор признавали тебя отцом своим по любви, но если ты посылаешь к нам с такими речами, не как к князьям, а как к подручникам и простым людям, то делай, что задумал, а нас Бог рассудит"; 3) власть, выдающая источник всевластия в себе самой (самозванство верховной власти), видит в себе и источник дополнительной власти: Андрей выгнал из княжеств старых отцовских бояр и окружил себя новыми людьми, многие из которых были иноземцы и иноверцы (некоторые из них были им крещены); 4) основание новой столицы: Владимир — столица-новурюш и с точки зрения общерусского центра — Киева, и с точки зрения старших вечевых городов Ростова и Суздаля; наконец, 5) гибель носителя верховной власти или гибель его династии в этих условиях неизбежно означает отказ от преемства власти: верховная власть не распространяется ни на кого, кроме ее непосредственного носителя. Гибель властителя — конец всякой власти вообще.

Смерть Андрея Боголюбского — быть может, самая поразительная картина смерти абсолютной власти. После убийства князя заговорщики опасались, что владимирцы попытаются расправиться с ними. Но никто и не думал вступаться, мстить за великого князя всея Руси, напротив, вслед за убийцами, которые принялись грабить княжескую казну, туда бросилось за своей долей население Боголюбова. Грабежи и убийства продолжались несколько дней по всей волости. Единственный, кто остался верным покойному, был его слуга Кузьма. Когда он стал искать тело, ему сказали: "Вон, лежит, выволочен в огород, да ты не смей брать его: все хотят выбросить его собакам, а если кто за него примется, тот наш враг, уьем и его". Кузьме удалось выпросить у одного из убийц князя, ключника Анбала, ковер, чтобы вернуть труп князя. Старый слуга принес тело в церковь, но ему было сказано: "Брось тут, в притворе, вот носится — нечего делать".

Время Андрея Боголюбского запомнили все. Верховная власть нашла в нем быстрые средства своего усиления, боярство увидело всю зыбкость своего традиционного влияния. Дальнейшая история России во многом основана на том опыте, который вынесли из правления Боголюбского обе эти власти.

Теперь несколько слов о характере русского православия. Презрение и нетерпимость к другим ответвлениям христианства, неотесанность священства, значительная часть которого вплоть до начала XVIII века была неграмотна, пониженное положение духовенства, отсутствие богословия, почти полное незнание мирянами Священного Писания (через весь XIX век проходит упорная, стоившая многим церковным иерархам карьеры борьба между сторонниками и противниками перевода Писания на русский язык (спустя девять веков после принятия христианства все еще раздавались голоса, что народ не созрел для чтения Ветхого и Нового Завета), "Москва — Третий Рим", раскол, ликвидация патриаршества Петром, возрождение мессианской идеи на рубеже XIX—XX вв. и непостижимая легкость отказа от веры в 1917 году — вся эта странная религиозность, как нам кажется, не может быть понята без истории русской колонизации северо-востока Руси. Эта колонизация создала особый фильтр, через который воспринималась и своя вера, и чужая.

Уходя из открытых лесостепных пространств Южной Руси, из многолюдных сел на безлюдный Северо-Восток, русские люди расселились там маленькими и редкими деревнями посреди бесконечных лесов. Не встречая никакого сопротивления от коренных обитателей — многочисленных угро-финских племен, смешиваясь с ними и ассимилируя их, эти пришельцы видели главную угрозу для себя в языческих богах и в самой природе. Они жгли лес, как некогда христиане жгли языческие храмы. Лешие и русалки, водяные, кикиморы и упыри, побежденные на прежней родине, теперь снова пугали и манили в глубь вод и дебри лесов. Вот отчего, быть может, с самого начала расчистка и распашка земель приобрела здесь характер подвижничества, религиозного подвига. Язык запомнил это: в слове "крестьянин" слились два главных понятия — земледелец и крещеный человек. Вырубая и сжигая леса, осушая болота, русский человек боролся с язычеством (отсюда особый пафос преобразования природы, борьба с ней, пафос насилия над ней, так ярко воплощенный в петровских каналах, в Петербурге, наконец, в строительных пятилетках советской эпохи; отсюда же и борьба правительства со старообрядцами: основа господствующих представлений о сущности христианского служения была сохранена). Позже, во времена Московской Руси подвиг переселенцев будет подхвачен монахами — основателями знаменитых монастырей на севере у Белого моря и на островах. Русское христианство в значительной мере сформировано этим героическим одиночеством на маленьких островках, затерянных в лесах или среди холодного моря. Оторванные от мира, окруженные язычеством, а потом басурманством, земледельцы, рыбаки и монахи привыкли смотреть на себя как на единственных христиан, защитников и хранителей истинной веры.

Вера русских христиан, значительная часть которых была оторвана от нормальной религиозной жизни, не знала Священного Писания, не знала и церкви (раз в год в далекую деревеньку приезжал священник, оптом крестил, венчал и хоронил), — эта вера, с одной стороны, приобрела характер вполне земной, — земледельческий труд рассматривался как религиозное служение (русская вера, понятая буквально, — притча о сеятеле), — а с другой стороны, та часть предания и ритуала, которую они запомнили и сохранили, утратила связь с жизнью Христа и всякое обоснование в ней, повисла в воздухе, стала иероглифом, паролем. Когда Никон в середине XVII века начал искать приверженцев на востоке, с тем чтобы связать московскую церковь с их монастырями, исправить богослужебные книги и ритуал по греческим образцам, он встретил яростное сопротивление старообрядцев, которые как раз и исходили из того, что в пароле не может быть изменена ни одна буква, иначе весь пароль станет ложным. На ложный пароль не ответят никто, никто не

откроет дверь. Уходя все дальше из обжитого центра страны на окраины, в леса, старообрядцы обрели ту почву, на которой окрепла их вера.

На рубеже XIII–XIV веков начинается быстрое усиление Москвы. К моменту воцарения Ивана Грозного (1547 г.) территория Великого княжества Московского включает все земли, населенные северным славянством, за исключением тех, которые принадлежат Великому княжеству Литовскому. Собирая русские земли, Москва стягивает к себе и бывшую власть этих земель — удельных князей и бояр, из которых сложилось московское боярство, будущая "аристократическая администрация" (В.О.Ключевский).

Дореволюционная историография создала чрезвычайно точный термин: собирание власти. Присоединяя к себе все новые земли, Москва не изгоняет их прежних владителей, а собирает их у себя, собирает владения и собирает власть. Отношение московских князей к потомкам великих князей других линий, к удельным и служилым князьям, когда те оказывались под началом Москвы, было в целом достаточно мягким и, что особенно важно, строилось, как и с боярами, на договорных началах: абсолютное большинство удельных князей перешло на московскую службу именно по договору, иногда они сами, обеднев, искали московскую службу, как князь Ярославские и Белозерские, которые отдавали великому князю свои вотчины и тут же получали их назад в виде служебного пожалования; вотчины других князей московские князья покупали по договору, оставляя пользование ими в руках прежних владельцев, обязанных теперь служить великому князю (князья Ростовские). Высокое и прочное положение московского боярства, выгодность службы в Москве были важнейшей причиной того, почему многие бояре из других княжений переходили на сторону Москвы: и Нижегородское княжество, и Тверское, и Рязанское — главные соперники Москвы — были повержены и аннексированы в результате измены старших бояр этих княжеств. Договорные начала, связывающие московского князя и его вассалов, так или иначе обеспечивали их права, но также ограничивали власть князя.

История становления Московского государства знает несколько критических периодов, и они дают достаточно материала для характеристики не только политики и интересов, но и той роли, которую сыграло московское боярство в возвышении Москвы. Эти периоды связаны либо с малолетством князей (Дмитрий Иванович Донской, Василий II Васильевич, Иван IV Грозный), либо с внешними обстоятельствами, на время лишаящими московских князей власти (татарский плен Василия II и его ослепление). В это время государством управляют бояре. При этом политика боярства преследовала две цели, во многом противоположные: с одной стороны, расширить и укрепить княжество и, значит, усилить власть князя; с другой — укрепить институты, ограничивающие власть и произвол великих князей.

Сюда относилось прежде всего прочное наследование от отца к сыну (ограничение права великого князя произвольно назначить себе преемника). Старшим сыновьям великих князей, жившим всегда в Москве и часто еще при жизни отцов провозглашаемым великими князьями и соправителями, служили те же бояре или их дети. Сабуровы, Кошкины, Вельяминовы, Морозовы служат великим князьям от начала Московского княжества до Ивана Грозного включительно, в каждом поколении занимающая первенствующее положение. Это ограничивало произвол великокняжеской власти в выборе советников, в назначениях на высшие административные посты.

Стремление бояр к одновременному усилению и ограничению власти великого князя можно было примирить, только придав княжеской власти строго определенное направление, строгую избирательность. Концепция "Третьего Рима" более всего отвечала этим требованиям. Она не только согласовывалась с народным представлением о христианстве — и оттого так легко вошла в народное сознание (И.Е.Забелин когда-то писал: "Народная жизнь не поддается механическим тискам, она отвергает все, что несвойственно ее природе. Путь, по которому она усваивает себе хорошее и дурное, есть путь физиологический, а не механический"), но и подни-

мая на неслышанную до сих пор высоту власть великого князя как единственного истинно христианского, истинно православного государя, она, эта концепция, в то же время уполномочивала князя самолично решать все дела, действовать так, как действовал бы сам Всевышний.

Уже при Иване III влияние боярства слабеет, с каждым поколением оно все менее способно сдерживать и ограничивать верховную власть. Опальный думный человек Василия III Берсень Беклемишев (казненный в 1525 г.) говорил приглашенному с Афона монаху Максиму Греку о времени Ивана III и его сына Василия: "Сам ты знаешь, да и мы слышали от разумных людей, что которая земля переставливает свои обычаи, та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи нынешний великий князь переменял: так какого же добра и ждать от нас!" И далее: "Как пришли сюда греки, так земля наша и замешалась, а до тех пор земля наша Русская в мире и тишине жила, как пришла сюда мать великого князя, великая княгиня Софья с вашими греками, так и пошли у нас нестроения великие, как и у вас в Царьграде при ваших царях". Московское боярство именно с приездом в Москву Софьи Палеолог — племянницы последнего византийского василевса — связывало начало своего конфликта с верховной властью.

В правление Ивана III происходит драматическое накопление силы, власти, влияния, народного престижа великокняжеской власти; территория государства расширяется в несколько раз; стоянием на Угре оканчивается 240-летнее татаро-монгольское иго; после падения Константинополя Иван III становится единственным независимым православным государем, и Москва начинает почитать себя наследницей Византийской империи.

От первого брака с Марьей Тверской у царя Ивана III был сын и наследник Иван, провозглашенный в 80-х годах великим князем-соправителем; в 1490 году он умирает. После него остается его сын, князь Дмитрий. В 1497 г. боярство заставляет Ивана III провозгласить Дмитрия своим наследником, однако через год царь меняет свое решение, налагает на Дмитрия опалу и делает великим князем своего сына от Софьи Палеолог — Василия, будущего Василия III. Начинаются репрессии (казнен князь Ряполовский, пострижены в монахи два князя Патрикеевых, занимавшие первенствующее положение среди бояр Ивана). На вопрос псковичей, почему он сделал Василия своим соправителем вместо Дмитрия, Иван III ответил: "Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжество".

Значение этих слов велико. Впервые власть начинает видеть свой источник не в традициях, а в себе самой. Порядок наследования в великокняжеской семье, основа всего комплекса отношений между князем и боярами, умирает. Легитимизм боярства, преданность и князю, и его наследнику, почитавшаяся высшим достоинством московских бояр, теперь порождает конфликт и разрыв между ними и князем. Раздробив понятие верности, Иван фактически уничтожил и ее, и те отношения, в основе которых она лежала. При крайней нелюбви бояр к Софье и Василию III большинство из них все же предпочло верность князю и его законному наследнику. После смерти Ивана III (1504 г.) царевич Дмитрий остался в заточении, где и умер.

Роль Софьи Палеолог состояла не в том, что она родила Ивану III преемника более знатного, чем сын Марьи Тверской, "царского корня", наследника не только Ивана, но и византийских императоров. Но рожденная и выросшая вне московских правил и обычаев, никак не связанная с ними, она сумела внушить и мужу новый взгляд на отношения князя и его подданных, сумела, так сказать, релятивировать их обязательность. Свежий взгляд на русскую жизнь, который принесла с собой великая княгиня Софья, как нельзя лучше отвечал внутренним желаниям верховной власти; с этой точки зрения права Василия на престол представлялись бесспорными.

В правление Василия III боярство быстро теряет свое влияние. Тот же Берсень Беклемишев говорил Максиму Греку, что "ныне государь наш, запершись сам-третей у постели, всякие дела делает". Тем не менее боярские смуты времени малолет-

ства Ивана Грозного коренятся отнюдь не в ненависти бояр к умершему Василию: раскол в боярской среде, начавшийся еще при Иване III, был связан с вопросом о престолонаследии и продолжал углубляться при Василии III.

Теперь, прежде чем мы перейдем к событиям царствования Ивана IV, стоит хотя бы вкратце заявить нашу позицию.

Русская историография знает три концепции отечественной истории: славянофильскую, государственно-юридическую и марксистскую. Если первая не вышла за рамки публицистики, а последняя, занимаясь преимущественно экономикой, не сумела самостоятельно объяснить ни одно крупное политическое событие, то государственно-юридической школе принадлежит совершенно особое место в нашей историографии: красота и лаконичность этой концепции (государство — основное творческое начало русской истории, ее движущая сила; государство не только само создало сословия, закрепило их и заставило служить себе — каждое на свой лад (всеобщее закрепощение сословий), но оно создало и сам народ, собирая под свою власть отдельных лиц, блуждающих по просторам страны), близость государственно-юридической концепции к источникам, огромное множество удачно объясняемых исторических событий, возможность построить общую органически обусловленную и научно обоснованную историю России, целое созвездие талантливых имен и признание этой школы со стороны чуть ли не всех политических движений, от монархистов до народников, — все это обеспечило ей ведущее положение в русской исторической науке.

Но есть по крайней мере один — чрезвычайно важный — пласт русской истории, с которым, как нам кажется, государственно-юридическая школа не совладала. А именно, она не сумела дать убедительное истолкование событиям XVI — начала XVII веков (деятельность Избранной Рады, реформы середины 50-х годов XVI в., опричнина, закрепощение крестьян, Смута), то есть именно тому периоду, когда завершался процесс формирования русского государства и русского народа, когда русское государство создавало и закрепощало сословия. Причина этого в самой природе государственной школы. Не вызывает сомнения тот факт, что она родилась под впечатлением титанической фигуры Петра I, за три десятилетия радикально перестроившего Россию. И творческая инициатива государства, и закрепощение сословий, и роль государства как высшей формы общежития, как выразителя интересов всего народа — все эти тезисы выводимы из деятельности Петра.

Признание органической связи петровских преобразований с предшествующей историей России задавало историко-государственной школе главное направление ее развития. Далее основные проблемы истории страны решались путем простейших и внешне самоочевидных аналогий и противопоставлений: прогрессивное — реакционное, единое государство — уделы, государственное начало — антигосударственное начало, централизация — сепаратизм. Носитель первого — самодержавие, носитель второго — удельные князья, бояре, их потомки и наследники. Петр I был сопоставлен с Иваном Грозным, благо он и сам считал себя продолжателем дела Ивана (реформы пятидесятых годов XVI века и петровские реформы, Ливонская война и Северная война, внимание к иностранцам, методы борьбы с противниками, опричнина — и расправа со стрельцами и с кругом царевича Алексея).

В конце XIX века В.О.Ключевский сформулировал главное противоречие исторического развития России: "Самодержавие, которое сам ход исторического развития вел к демократическому полновластию, должно было действовать посредством очень аристократической администрации". Но и до Ключевского историки понимали, что опричнина — это и есть та самая попытка центральной власти справиться, сломить аристократическую администрацию, устранить заложенное в русской истории противоречие. Как бы ни относились историки к самой опричнине, — а диапазон оценок, как мы знаем, был очень широк, — наличие исходного противоречия признавали все. Но было ли это вообще противоречием?

Ни одно царствование, ни одна историческая личность не вызывала на Руси столько споров, как Иван Грозный, тем не менее некий общий и более или менее устойчивый взгляд на его эпоху есть. Состоит он опять-таки в том, что (тут нам придется повторить цитату Ключевского) "самодержавие, которое сам ход исторического развития вел к демократическому полновластию, должно было действовать посредством очень аристократической администрации", проще говоря, посредством потомков удельных и великих князей, для которых пора расцвета, власти и самостоятельности была в прошлом и которые теперь отчаянно сопротивлялись самодержавию, пытаясь повернуть ход истории назад. На долю Ивана IV как раз и выпала неблагоприятная задача разрешения этого коренного противоречия русской истории. Успех или неуспех Ивана, обоснованность или бессмысленность мер, принятых им в борьбе с боярством (мнения тут, повторяю, были самые различные), дела не меняют, бороться все равно надо было. С этой точки зрения смысл внутренних реформ пятидесятых годов XVI века, проведенных Избранной Радой, вроде бы не должен вызывать сомнений: боярское правительство, большинство членов которого погибли до и во время опричнины (Курбский бежал), естественно, и политику должно было вести пробоярскую. Однако ничего "пробоярского" в этих реформах нет. Именно с реформами пятидесятых годов связано сначала ограничение, а потом и полная отмена кормлений, которые были основой политической и экономической мощи бояр.

Деятельность Избранной Рады — лебединая песня боярства, некогда построившего Московское государство. Это было подготовлено и падением влияния бояр в предшествующие два царствования, и возрастающей ролью временщиков при Василии III и молодом Иване IV.

Мы уже говорили о том, какое значение имел "чин" царского двора во времена Ивана III и Василия III. Новый этап развития "чина" начался при Иване IV. Он связан с деятельностью одного из членов Избранной Рады, священника Благовещенского собора Сильвестра. Отредактированный, а во многом, очевидно, и заново составленный Сильвестром "Домострой" формально посвящен его сыну Анфиму, но на самом деле адресован молодому царю. С этих пор (начало второй половины XVI в.) "чин" царского двора, прежде регламентировавший по большей части внешнюю сторону жизни монарха, проникает все глубже в личную жизнь царя и его семьи.

"Домострой" Сильвестра открывается разговором о том, как должно относиться к своему исповеднику: "Како чтити детем отца духовного и повиноваться им во всем". Имея в виду Ивана и себя, Сильвестр писал, что сын должен призывать духовного отца "к себе в дом часто", советоваться с ним и "о житии полезном", и о том, "како учити и любити мужу жену свою". Духовнику надо покоряться во всем; если духовник станет "печаловаться" (просить) о ком-нибудь, духовный сын должен внять его требованию.

"Домострой" не только предписывал Ивану, как надо решать повседневные дела, но и как каяться, как ходить в церковь, ездить на богомолье. Написанные позднее письма Грозного к Андрею Курбскому полны жалоб на Сильвестра, которому Иван покорился без всяких рассуждений, но который был с ним так строг, что Ивану буквально ни в чем не давали воли: как обуваться, как спать — все диктовал наставник. "Я же был как младенец". Курбский, правда, рисует положение дел несколько иначе: "Блаженный Сильвестр порицал тебя и осуждал за непотребные дела и коварный нрав". После удаления Сильвестра (1560) царский двор изменился. На смену благочестию пришло дикое пьянство, кутежи, потехи, разврат.

Достигнутое личным влиянием Сильвестра, митрополита Макария, постельничего Алексея Адашева ограничение произвола верховной власти Избранная Рада попыталась закрепить и расширить с помощью широкой программы внутренних реформ. Впервые в истории страны была предпринята попытка ограничить традиционный произвол на всех уровнях всеобъемлющей законодательной системы: был создан новый Судеб-

ник, преобразовано податное обложение, составлено новое уложение о службе, по которому каждый помещик или вотчинник должен был выставлять одного конного воина с каждых 150 десятин земли. Наконец, в 50-е годы происходит постепенная отмена кормлений, с которыми были связаны многочисленных злоупотребления в годы малолетства Ивана IV. Чувствуется стремление Избранной Рады к разделению власти, к расширению слоя лиц, причастных к управлению государством. Вводится выборное начало. Прежде почти неограниченная власть наместников и волостителей теперь подлежит надзору центральных бюрократических учреждений — приказов; с другой стороны, некоторые важные функции прежних наместников, такие, как суд и сбор податей, передаются в руки местных выборных властей.

Косвенное ограничение верховной власти, ограничение вообще всякого произвола, идущее сразу по многим каналам ("чин" царского двора, дополненный личным влиянием Сильвестра и митрополита Макария, местничество, в определенной степени регулирующее назначения на наместнические и воеводские места, возрастание роли приказов и дьяков, создание развитого законодательства, первые элементы разделения и выборности властей), привело к быстрому усилению русского государства. В 1552—1556 гг. Россия добилась, быть может, крупнейших за всю свою историю внешнеполитических успехов: были завоеваны Казанское и Астраханское ханства, наследники Золотой Орды. Начатая в 1558 г. Ливонская война также принесла быстрый успех: в течение первого года была завоевана половина Ливонии.

Рост территории и могущества Русского государства — успехи, которые царская власть считает своим личным достижением, — за одно десятилетие разрушил и без того подорванное равновесие между верховной властью и силами, ее сдерживающими. Впервые со времен Андрея Боголюбского верховная власть получает народный мандат на полную независимость, мандат, который позже народ подтвердил Ивану IV после его лжеотречения и отъезда в Александровскую слободу.

Царь Иван Грозный хорошо понимал направленность политики Избранной Рады и проводимых ею реформ. Грозный обвинял Избранную Раду не в том, что она проводит пробоярскую политику, а в том, что она стремится стать и над боярами, и над государем, "снять с него власть". "Также поп Сильвестр, — писал он Курбскому, — сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: вместо духовных стали обсуждать мирские дела, подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами, а мелких детей боярских по чести вам уподобляли". Далее Иван продолжает: "Затем... они лишили нас прародителями данной власти и права распределять честь и места между вами, боярами, и взяли это дело в свое ведение и усмотрение, как им заблагорассудится и будет угодно, потом же окружили себя друзьями и всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало... Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвинят в нечестии... а если кто раздражит нас или принесет какое-либо огорчение, тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь, пагуба душе и разорение царству".

Не вдаваясь в подробности, скажем коротко, что начиная с 1560 г., после падения Избранной Рады, после устранения А.Адашева и Сильвестра, Грозный начинает создавать политическую систему, которая повторяет систему Андрея Боголюбского. Для системы Ивана IV характерно прежде всего особое представление верховной власти о себе самой и новое отношение к другим традиционным властям. Вот еще несколько цитат из писем царя Курбскому: "Эта ли совесть прокаженная — свое царство в своей руке держать, а подданным своим владеть не давать? Это ли противно разуму — не хотеть быть обладаемому подвластным, это ли православие светлое — быть обладаемому рабами!.. Земля правится Божиим милосердием и родителей наших благословением, а потом нами, своими государями, а не судьями и вое-

водами, не ипатами и стратигами". Вывод: "Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их также вольны".

Царь видит в себе источник всякой власти вообще: история опричнины, опрично-го двора, опричной думы — это во многом история худородных лиц, семей, целых родов, которые возвысились вопреки традиционным представлениям о синклите царском, вопреки представлениям о том, кто может и должен занимать высшие посты в государстве. Воля Грозного подняла их "из грязи в князи". В опричнину попадали только те дворяне, которые могли доказать отсутствие всяких связей с прежними вельможами: каждый будущий опричник подвергался допросу о его происхождении, связях, о родословной его жены. Как и Андрей Боголюбский, Иван охотно приближал к себе иностранцев, не связанных с традициями страны.

Государство делится на две части: в одной источником всякой власти является монарх, в другой — традиция. При этом власть, основанная на себе самой, и здесь стремится к экспансии, в конечном счете — к уничтожению традиций, на которых она основана, но которые ограничивают ее. При Андрее Боголюбском такое разделение было естественным (Владимиро-Суздальское княжество и Киевский стол). Грозному, чтобы уничтожить традиционный порядок, пришлось искусственно разделить свое государство на опричнину и земщину и с помощью опричных повести наступление на земщину. Основана новая столица или постоянная резиденция самодержца: при Андрее — Владимир и Боголюбово, при Иване — Вологда и, в основном, Александровская слобода. Тот же разрыв с традицией, с почвой, на которой выросла царская власть и которая хранит ее.

И, наконец, для этой системы характерен высокий риск насильственной смерти носителя верховной власти, риск гибели его династии либо то и другое вместе. Повторим уже сказанное: отказ от традиции развязывает руки верховной власти, но вместе с тем делает ее чрезвычайно уязвимой. Отказ от традиционного понимания происхождения власти означает подрыв традиции наследования (верховная власть не распространяется ни на кого, кроме ее непосредственного носителя). Конфликт между Иваном IV и боярством вспыхнул, согласно принятой версии, 12 марта 1553 г. из-за отказа думцев во время болезни Ивана присягнуть новорожденному царевичу Дмитрию: "Мятеж велик и шум и речи многия о всех боярах, а не хотят пеленочнику служить". (В русской историографии уже высказывалось мнение о недостоверности этого рассказа. Летописец не называет ни одного боярина, действительно отказавшегося присягнуть Дмитрию. Иван Шуйский лишь хотел целовать крест в присутствии царя, а Федор Адашев говорил, что целует крест наследнику, а не Даниле Захарьину с братьями.) Однако восемнадцатью годами позже уже сам Иван Грозный в присутствии бояр, духовенства и иноземных послов заявляет, что он намерен лишить своего сына Ивана наследственной власти и передать престол датскому принцу Магнусу, а потом, чтобы преградить Ивану путь к престолу, сажает на трон фиктивного царя, касимовского хана Симеона Бекбулатовича. Когда бояре-легитимисты заявляют ему: "Не подобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменника на государство поставляти", он велит их казнить.

Развязка наступает поздней осенью 1581 года. Иван IV сначала избивает беременную жену своего сына Елену Шереметьеву (после побоев у нее происходит выкидыш), а затем убивает сына. После смерти слабоумного царя Федора (1598) линия Калиты пресекается. Остается добавить, что, по мнению многих современников, и сам Грозный был отравлен ближайшими приближенными Богданом Бельским и Борисом Годуновым.

Предложенные историками концепции опричнины не только противоречат источникам, но и не могут, по нашему мнению, удовлетворительно объяснить важнейшие вехи этого периода: учреждение опричнины (1564), Новгородский погром 1570 года, отмену и восстановление опричнины, воцарение Симеона Бекбулатовича.

Потомки удельных князей и бояр, начавших служить московским князьям много поколений назад по договору, и в середине XVI в. все еще считали себя справи-

телями царя. Грозному необходимо было заставить боярство отказаться от их, бояр, собственного, боярского, представления о происхождении, характере и структуре высшей государственной власти; чтобы превратить древнюю знать в обыкновенных подданных, холопов великого государя, надо было уничтожить их прошлое. Именно в этом был главный смысл опричнины. Рабы — люди без корней, без связей, без родины; перебор людшек, переселения, высылка в Казань означали именно такой разрыв с прошлым.

Этого недостаточно. Речь шла ни много ни мало как о полном уничтожении прошлого. Известно, что Иван IV был первым из русских властителей, кто пытался сознательно изменить прошлое. Он неоднократно приказывал переписывать летописи, вымарывая из них имена тех, кто подвергся опале и был казнен, или задним числом внося туда обвинения против опальных.

Чтобы уничтожить представления знати о характере ее власти, надо было искоренить основу этих представлений — ее договорный характер. Иван IV восстанавливает положение, существовавшее при первых князьях московской династии: снова делит русское государство на Московское княжество, абсолютным владыкой которого является он сам, и остальную часть страны, управляемую Боярской думой — потомками бывших удельных князей. Теперь их земли как бы заново присоединяются к Московскому княжеству, но уже не по договору, а военной силой. Все жители этих земель, от холопа до князя, становятся пленниками — рабами московского князя. Источники не оставляют сомнений в том, что набеги опричников и новгородский погром были именно такими — карикатурными, но целенаправленными военными походами, а отнюдь не случайными эксцессами.

Провозглашение Симеона великим князем всея Руси невозможно понять без характерной для Ивана любви к гротескной театральности (черные одеяния и вороньё кони опричников, собачьи головы и метлы, притороченные к седлу, кощунственная пародия на монастырь в Александровской слободе, когда опричники возвращались из своих походов: царь — игумен, звонивший рано утром с пономарем Малютой Скуратовым в колокола, епитимьи, накладываемые на опричников, опоздавших к началу молитвы, и прочее).

Посадив на великокняжеский престол потомка ханов Золотой Орды Симеона Бекбулатовича и посылая ему челобитные, подписанные уничижительной подписью "Иванец Московский", Иван Грозный как бы заново проигрывал русскую историю: воспроизводил отношения, существовавшие во времена татаро-монгольского ига, а затем, свергнув через одиннадцать месяцев Симеона, "освобождал" Россию от татар и во второй раз завоевывал Казанское царство. Вместе с тем, поставив царем татарина, Иван на том же театрально-шутовском языке говорил народу о боярской думе, что считает бояр татарами — вековыми смертельными врагами Руси: как он расправился с Казанским царством, так расправится и с ними.

Эпоха Ивана Грозного и прежде всего опричнина раздробила и разделила на враждебные лагеря два самых сильных сословия России — боярство и дворянство (опричное и земское). В Смутное время ни одно из них уже не сумело породить самостоятельный источник власти (разве что боярство — в короткий период избрания Василия Шуйского на царство, однако старая вражда между боярскими родами возобновилась уже через несколько месяцев после воцарения Шуйского), и они были вынуждены примыкать к другим, возникшим вне их среды центрам власти. Начало XVII века знает два типа таких центров власти: сословные и внесословные. Первые связаны с сословиями, не пострадавшими в опричнину: это, во-первых, черносошное посадское и крестьянское население Севера, взятое Иваном Грозным в опричнину, но сохранившее и там свою автономию и сословную организацию, а во-вторых, казачество — недавно возникшее сословие, пожалуй, даже укрепленное опричниной (его пополнили огромные массы крестьян, бежавших из центра страны во второй половине XVI — начале XVII в.) и имевшее собственную организацию — казачий круг. Летописец сообщает, что избрание Михаила Романова на царство решилось,

когда его имя одновременно назвали (компромисс между прежними врагами) дворянин из северного города Галича и казак. Что касается внесословной власти, то она так или иначе связана с иностранным вмешательством.

Возникновение и гибель за каких-нибудь семь-восемь лет, с 1605 по 1612 гг., многочисленных центров власти (только общегосударственных добрый десяток: царь Борис Годунов, Лжедмитрий I, царь Василий, Иван Болотников, Лжедмитрий II, Владислав и поляки, Сигизмунд и поляки, первое ополчение, второе ополчение...) сильнейшим образом деформировало этику того времени. Одних самозванцев Смутное время насчитывает около восьмидесяти, самые известные из которых, кроме названных, — "царевич" Петр и псковский Сидорка. Самостоятельными центрами власти были почти все военные формирования: шведские, польские, русские, — и все стремились распространить свое господство на территорию всего государства.

В Смутное время исчезает понятие предательства и измены, для него нет или почти нет точки отсчета. Измена чему? Это "что" зыбко, аморфно, недолговечно и само по себе является отступничеством прежнего дела, место которого оно хочет занять. Почти все крупнейшие политические деятели Смутного времени без конца переходят, "перелетают" из одного лагеря в другой. Показательна биография рязанского дворянина Прокопия Ляпунова. При Борисе он подвергся опале за незаконные связи с казаками, участник движения Лжедмитрия I и свержения Годуновых, сподвижник Болотникова. Во время битвы под Коломенским Ляпунов переходит на сторону Шуйского, затем требует низложить Шуйского и посадить на престол его племянника Скопина-Шуйского, после смерти Скопина и поражения войск Дмитрия Шуйского добивается, наконец, свержения и пострижения Василия Шуйского, чтобы в союзе с русскими тушинцами посадить царем королевича Владислава, сына Сигизмунда III; когда выяснилось, что Сигизмунд хочет сам занять русский престол, Ляпунов организует первое земское ополчение. При осаде Москвы его убивают казаки — союзники, заманившие его в "круг".

Когда Лжедмитрий II, не сумев взять Москвы (где сидит Василий Шуйский), окопался в Тушине, здесь появляется и второй "государев двор". Как и в Москве, здесь имеется своя Боярская дума, жалуются чины и земли, благо отряды Лжедмитрия контролируют добрую половину страны. И уже через несколько недель после начала осады начинаются "перелеты": в Тушину прибывают перебежчики из Москвы, в том числе представители знатнейших русских фамилий. Здесь они легко получают думные чины, огромные поместья, но при удобном случае перебегают назад в Москву; Шуйский, нуждающийся в людях, охотно принимает их, в свою очередь награждая измену.

Минуя семнадцатое столетие, перенесемся теперь в век Петра. Напрашивается множество параллелей. И Петр I, и Иван IV посажены на трон в детстве, оба познали страх, бессилие и унижение; их власть долгое время оставалась церемониальной, а в начале их самостоятельного правления произошли восстания (бунт 1547 г., вызванный пожаром Москвы, и стрелецкий мятеж 1689 г.); оба царя бежали из столицы. Старинный порядок наследования от отца к сыну был прерван: у Ивана правлением Елены Глинской и боярских группировок, у Петра — правлением его старшего брата Федора, соправителя Ивана, царевны Софьи. Расстояние от беглеца, спасающего свою жизнь, до всемогущего владыки, оказалось ничтожным; то был не путь, а разрыв с прошлым, его отрицание. Власть без предварительного воспитания: царь — почти самозванец. Отсюда и многочисленные легенды о самозванстве молодого Петра (царица родила Алексею Михайловичу девочку, которую подменили "немчком"; нынешний государь — жидовин или немчин, а настоящий царь "в немцах" был посажен в бочку и пущен в море). Убийство Иваном IV своего сына — наследника Ивана, повторяется в истории царевича Алексея, умерщвленного в Петропавловской крепости.

Пьяные оргии монахов-опричников в Александровской слободе, бесчинства Ивана после изгнания Сильвестра в Кремле, когда царь силой заставлял стариков-бояр напиваться до бесчувствия, весьма близко напоминают празднества в Легнем саду при Петре I: в дубовой роще на садовых скамьях собиралось высшее общество, царь беседовал с гостями, затем неожиданно появлялись гвардейцы с ушатами сивухи, часовые получали приказ никого не выпускать из сада, майоры гвардии потчевали всех за здоровье царя. Современники писали, что те, кому удавалось ускользнуть, почитали себя счастливыми. Прямым наследником пародийного опричного монастыря Ивана Грозного была петровская "коллегия пьянства", "сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор", возглавлял его "набольшой" шут, носивший титул князь-папы и всешумнейшего и всешутейшего патриарха Московского, Кокуйского и всея Яузы. При "папе" был конклав из двенадцати кардиналов и огромное количество духовных чинов, все имели нецензурные прозвища. В этой церкви были свои облачения и молитвословия, и песнопения, были и свои игумены. Прозелитов по аналогии с древним "веруеши ли" спрашивали: "Пиеши ли?" И так далее.

Любопытная черта петровского правления, также сближающего его со временем Ивана: абсолютная верховная власть, нигде и ни в чем не видящая границ своему произволу, как бы пытается уничтожить и ту границу, которую она кладет себе сама, пытается стать независимой от царя, ее носителя, в котором видит такого же холопа, как и в его подданных (самоуничижительные письма Ивана Грозного — "Иванца Московского" к Симеону Бекбулатовичу; Петр, в свою очередь, величает князя Федора Ромодановским королем, государем, "вашим пресветлым царским величеством", а себя называет "всегдашним рабом и холопом Питером" или "Петрушкой Алексеевым").

Петр повторяет Ивана, Иван — Андрея Боголюбского. Власть, которую отказ от традиции делает абсолютной, представляется вместе с тем и чрезвычайно уязвимой. Отказ от традиционного понимания происхождения власти означает и отказ от традиции наследования власти, верховная власть не распространяется ни на кого, кроме ее непосредственного носителя. Петровский закон о престолонаследии сводился к тому, что самодержец назначает наследника по собственному усмотрению. Мы хорошо знаем, к чему это привело после неожиданной смерти Петра. Заметим также, что четырехлетнее правление Павла I (1796—1801), сменившее блестящий век Екатерины, многими существенными чертами повторило петровское. Оно началось с такого же мгновенного перехода от ненависти и боязни за свою жизнь — к абсолютной власти. Оно было лишено всякой преемственности по отношению к предыдущему царствованию. Попытки или замыслы неслыханных преобразований. Опалы и аресты сподвижников Екатерины, введение при дворе этикета, повторяющего петровскую регламентацию внешнего вида (обязательные косицы, "не носить башмаков с лентами, а иметь оные с пряжками", "чтоб никто не имел бакенбардов"). Торжественное перезахоронение останков Петра III и посмертная экзекуция над светлейшим князем Г.Потемкиным, олицетворением екатерининского века. Уравнивательные тенденции абсолютной власти; в основе их та же мысль: все рабы. При коронации Павла ему присягают и крепостные крестьяне; введены телесные наказания для дворян. Увидев однажды денщика, несшего шубу и шпагу офицера, император разжаловал офицера в рядовые, а денщика сделал офицером. "Различие сословий ничтожно" (Я.И.Санглен, глава тайной полиции при Александре I). "Русский государь — глава церкви" (изречение самого Павла). Именитому иностранцу царь разъясняет: "Господин посол, знайте, что в России нет важных лиц, кроме того, с которым я говорю, и пока я с ним говорю". Вновь, как при Иване IV и Петре I, расцветает система политического сыска и доносительства, вновь неясность с наследником и т.д.

Нужно ли добавлять, что разрушительный (а не созидательный, как уверяла нас государственно-юридическая школа) характер высшей власти возобновился и проявил себя с удесятенной силой на новом витке российской истории — при советской власти? ●

Галина БЕЛАЯ (Москва)

ИСКУССТВО ЭПОХИ БЕЗВРЕМЬЯ

Человек, который хотел бы дать оптимистическую картину состояния современной советской культуры, при желании мог бы найти в ней все: «задержанные» произведения давних и недавних лет; книги эмигрантов, которые, предполагается, должны со временем занять свое место в литературном процессе; религиозно-философские статьи начала XX века и то, что писалось вослед России высланными из нее в первые же пореволюционные годы философами; картины «забытых» художников, вытасненные из запасников, и выставки тех, кто, казалось, навсегда пропал без вести.

Но это никого не может обмануть: надо всем господствует ощущение сокрушительного краха еще недавно могущественной советской цивилизации, и разнообразные явления, которые кажутся богатством, на самом деле – обломки разных культурных миров, случайно встретившихся в эпоху безвременья.

Да, признаемся: «перестройка» – еще не революция, пока это только крах. Наше прошлое лежит в развалинах, оно осознано как неудавшийся трагический эксперимент; наше настоящее – не стабильно; наше будущее зависит от обратимости или необратимости социальных и нравственных перемен. И поэтому единственной достоверной реальностью является сегодня *ситуация распада* беспримерной по жестокости советской системы. Что же касается «ростков нового», то пока они еще слабы и не дают представления о том, какова будет новая, незнакомая цивилизация, когда может быть, возродится жизнь на обломках самовластья.

В эпоху безвременья люди не знают, что их ждет. Зато они помнят, что было и чего они не хотят. Поэтому-то в сегодняшнем советском обществе так быстро прорастает все, что замешано на отрицании. Такова семиотика эпохи.

Под знаком отрицания развивается и современное советское искусство.

Это не значит, что литература социалистического реализма умерла. Нет. Искусство, где доминирует идея «должного», где писатель предписывает жизни, какой ей надо быть, где он паразитирует на идее социальной активности искусства, – не отошло в прошлое. Чем очевиднее распад тоталитарной системы, тем громче звучат голоса тех, кто считает, что народ «устал» и что искусство должно быть «учебником жизни». И ясно, что наша неперестроенная, но лишь слегка видоизмененная гласностью реальность будет сохранять и поддерживать этот художественный канон до тех пор, пока не рухнет сама Система. Сегодня же она не только охраняет таких монстров соцреализма, как И.Стаднюк, П.Проскурин или А.Иванов, но и вербует в свои ряды даже тех, кто раньше стоял на других эстетических позициях (например, писателей-«деревенщиков»). В.Белов, например, написал не только хрестоматийно-советский роман «Все впереди», но и в другой книге с драматическим материалом («Год великого перелома») полностью соответствует принципам социалистического реализма, ибо во главу угла ставит обслуживание заданной, априорной идеи, достаточно политизированной, не облеченной в кровь и плоть образа.

Агония нынешней инфраструктуры обнаружила не только то, что более семидесяти лет мы жили в ирреальном, выморочном мире, но и что искусство внесло свою лепту в эту грандиозную мистификацию. Каждый из писателей, кто шел от «социального заказа» (а таких, мы знаем, было большинство), принимал за реальность те абстракции (народ, патриотизм, героизм и т.п.), которые ввела в жизнь официальная идеология. Тем самым неизбежно искажалась картина мира. Пользование готовыми блоками (как в жизни, так и в литературе), замечает М.Мамардашвили, было порочно потому, что они не имели опоры «во внутреннем развитии субъектов, ими оперирующих». Естественным следствием заглывания готовой пищи было то, что «субъекты на самом-то деле пропустили какие-то моменты

интеллектуального и духовного развития» («Театр», 1989, № 3, с. 93). Дело не только в том, что в реальности зачастую не было того, что было в языке, и что этим языком люди «ускоряли» реальность. Порок мистифицированной интерпретации явлений жизни состоял в том, что он приводил к псевдоинтерпретации, атрофии личностного интеллектуального усилия. И это, говорит Мамардашвили, в конечном счете сдерживало интеллектуальное развитие народа. Последствия этого саморазрушения сказались не только в том, что миллионы людей вдруг почувствовали себя живущими в замке, построенном на песке, но и в том *смутном сознании*, которое все еще заставляет их пугать местами причины и следствия, создавать химеры и искать врагов там, где надо бы оборотиться на себя (пример тому – современный русский шовинизм).

Это сюрреальное сознание является самым тяжелым продуктом эпохи распада. Поэтому борьба с фиктивностью зрения ощущается сегодня наукой и искусством как назревшее, первоочередное, но крайне трудное дело.

«Время трагическое, – говорил год назад, выступая по телевидению, ленинградский режиссер Л. Додин, – ты должен узнать правду, которую не хочешь знать; вчера ты еще думал, что знаешь все, – сегодня ты понимаешь, что это только часть правды.

Хватит ли нам на это мужества и сил?»

Несколько минут спустя он произнес слова, которые резко очерчивают новую установку современной советской культуры: «Искусству надо дать возможность видеть и ставить диагноз».

Именно устремленность к акту осознания реальности придает сегодня единство поискам самых разных писателей. «Мастера культуры» пытаются прежде всего разрушить мир сюрреальных представлений, в которых живет советский человек. Созданная за семьдесят лет цивилизация справедливо изображается ими как абсурд, который должен быть дезавуирован. Но путей – много, и порой они принципиально различны.

С легкой руки С. Чупринина одно из самых серьезных направлений в современной литературе получило название «другая проза» (хотя, если бы мы не боялись слов, вернее ее было бы назвать советским сюрреализмом конца XX века).

«Это проза вчерашних неформалов, литературный «самосев», – пишет В. Потапов. – Формируясь и самоутверждаясь вне рамок официально признававшегося литературного процесса, в условиях, когда путь социализации был ей заказан, «другая» проза должна была выработать, и выработала, свои общие черты – черты «наперкорности», оппозиционности тому, что казалось ей официозом (а официозом для нее было чуть ли не все, что печаталось)» («Новый мир», 1989, № 10, с. 251).

В годы «гласности» скептическое отношение к реальности не только легализовалось, но и усугубилось. Жесткость зрения стала установкой беспощадной новой стилистики, срывающей фиктивные лохмотья с обезображенной советской действительности. Колорит этой прозы – мрачный и суровый, ибо она растет не из пересозданной официальной идеологией реальности, но из самой реальности. Про что я все время пишу? – размышляет драматург А. Галин. «... Про то, как человек вынужден в неестественных условиях жить. И чем ближе мне герой, тем горше мысли о нем» («Литературная газета», 26 июля 1989 г.). Поэтом А. Галину кажется недостаточной формула творчества Л. Петрушевской, созданная критикой: «Она пишет, как видит, а видит как есть» (И. Борисова). Нет, как бы говорит Галин, это не то, и добавляет: Петрушевская доводит «нечеловеческие условия существования человека до предела их нечеловечности». В этой формуле – суть метода «другой прозы», ее принципиальная новизна: она не «улучшает» советское искусство, – она нацело отвергает его менталитет.

Энергия отрицания в «другой» прозе направлена на все прежние художественные каноны. «Классовая семантика», как называл систему социалистического реализма Н. Я. Берковский, предписывала следовать только одной традиции – традиции «социального романа» 40-х – 60-х годов, – сегодня даже «толстовский» роман, будь то «Жизнь и судьба» В. Гроссмана или «Красное колесо» А. Солженицына, многим «молодым» кажется наследием авторитарного искусства. «Классовая семантика»

предполагала, что в иерархии жанров высшей ценностью является идеологический роман, – «другая проза» пародирует любую идеологизацию содержания. «Классовая семантика» предполагала, что автор в основном пишет «перипетию социальных состояний, затем судит и присуждает». «Другая проза» иронически относится к самой возможности «судить» и «присуждать», идея истины в последней инстанции, исходящей от автора, господство «авторского вердикта» кажется ей таким же грехом тоталитаризма, как и сюжет, замешанный на принципе «идеология против идеологии, класс против класса» (Н.Я.Берковский. Мир, создаваемый литературой. М., 1989, с. 5–50). Социалистический реализм возвел в канон «героическую действительность», а «грандиозность» жизненного материала считал исходным условием успеха художественного произведения, – нынешнее же искусство масштаб жизненного материала ставит ни во что, «бытие» перестает рассматривать как некий «монолит» и не столько стремится оперировать такими абстракциями, как «народ», сколько хочет рассмотреть «крупинку монолита» (И.Борисова). Герой с «правильной» классовой психологией – для него фикция, герой-коммунист – фикция вдвойне. И если бы автору «другой прозы» сказали, что в искусстве «движение фабулы» – это «движение классовых сил» и главное – создание «эмоции несравненной идеологической чистоты», он просто не понял бы, чего от него хотят, или рассмеялся в лицо.

Уже на первом этапе существования «другой прозы» она вступила в полемику с одним из самых лживых мифов советского государства: с его мнимым народолюбием, его народопоклонничеством, мирно уживавшимся с истреблением целых народов. При этом Л.Петрушевская, например, начавшая писать в 60-е годы, уже тогда полемизировала не только с официальной идеологией, но и с писателями-«деревенщиками», которые в своем, резко отличном от государственного народолюбия тоже строили мифологему о народе-«праведнике». В сущности, все семьдесят лет сохранялся главный принцип советского художественного менталитета: центральным всегда оставался «лучший человек», представитель «отборных качеств» общественного класса или группы. (Даже крестьянские «праведники» 60-х – 70-х годов были элитой своей группы, представителями «отборных» качеств народа.) Сегодня же «другая проза» «вводит нас, – как пишет И.Виноградов о повести С.Каледина «Смирненное кладбище», – в мир людей, которым не выпадало еще, кажется, выступать в роли не эпизодических, а главных героев литературного произведения» («Новый мир», 1987, № 5, с. 82). Раньше все это был бы «социальный мусор», – сегодня же жизнь бичей или кладбищенских рабочих показана как «реальный слой реальной народной почвы», жестоко искаженной, но остающейся почвой. «Социальное дно» не разоблачается, а изображается как нормальное явление ненормальной жизни, как модель общества и его реального состояния.

Герой по кличке Воробей, кладбищенский забудлыга, роет могилу умершему знакомому попу («Смирненное кладбище» С.Каледина). «Земля – сплошняком камни, кирпичи, железки со старых времен от стройки остались... ни ломом не возьмешь, ни лопатой. И костей было – чуть не на полметра; сколько их тут, попов, нахоронено. Воробей, как дьявол какой, по пояс в бульонках стоял: и наверх не вытщишь – у церкви народу прорва, и в яме с ними не развернешься. Так и корячился до темноты, а начал рано».

Где нерв этой «стилистики»?

Не в подробном и дотошном описании груды костей, не в грубом слове «корячился», а в слове «бульонка», взятом из неожиданно другого рода: «бульонка» бывает только у животного. Сказать о ноге человека, тем более умершего, «бульонка» нельзя, с точки зрения нормального человека это кощунство, скотство. Но для Воробья это привычно. Слово здесь резко преображено контекстом и говорит о падении и опрошении человека больше, чем десяток привычных, казалось бы, более адекватных слов.

Таков же смысл эксцентричности сюжета в рассказе Вяч.Пьецуха «Билет». Кажется, что его центром является идея Новосильцева-сына раскопать могилу Новосильцева-отца, чтоб проверить, не в его ли костюме остался выигравший, как оказалось, машину лотерейный билет. На самом деле кульминацией рассказа является

эпизод, когда бич Паша Божий, падший человек, которого такие же «бомжи» одели в неизвестно где взятый чужой костюм, обнаружив в своем кармане билет, возвращает его Новосильцеву-сыну. Паша Божий не только не получает ни от кого благодарности, но производит на людей впечатление юродивого, сумасшедшего, дурака... Читателю остается судить: кто же из героев нормальный и кто не в своем уме?

Отвергая искажающий реальность знаковый язык, «другая проза» как бы заново маркирует явления жизни – человеческие отношения. Удостоверив, что современное бытие выморочно, эта проза рисует жестокие законы, определяющие отношения между современными людьми. Жизнь такова, утверждает она, ее механизмы примитивны и грубы, она не знает исключений, несчастливы все: и победители, и побежденные.

И – нечего возразить. Это – правда. Наверное, в эпоху безвременья искусство не может большего, как только предельно приблизить нас к жизни, чтобы мы отпрянули в ужасе: что же мы натворили? Или – для тех, кто послабее: что же с нами сделали?

Есть люди, которые считают, что «шоковая» терапия – наилучшее лекарство. Не знаю, может быть. Но мне ближе та струна боли, сострадания, щемящей жалости, которую я всегда слышу в рассказах одного из лучших наших писателей – Л.Петрушевской: «Некоторые скажут, что победитель-то победителем, но кого тут было побеждать – стариков, женщин и невротиков, что ли? Другое дело, что таковыми мы все являемся.

Опять же другое дело: что такое суть победы над нами? И не поддержать ли ту мысль... , что любые победы суть явления временные, что жизнь такова, что она все изворачивается, все поднимается после ударов, все растет и пучится?..

Однако шуткой-смехом, шуткой-смехом, как говорит одна незамужняя библиотечарша, шуткой-смехом, а все-таки болит сердце, все ноет оно, все хочет отщепения. За что, спрашивается, ведь трава растет, и жизнь неистребима вроде бы. Но истребима, истребима, вот в чем дело... ».

Читая «другую прозу», мы сталкиваемся со сложнейшей этической проблемой нашего времени: что есть норма? И есть ли она вообще? В сознании современного советского человека этическая норма низведена до уровня музейного раритета, романтической, книжной химеры, своим несовпадением с реальностью способной вызвать только горький смех.

Может быть, нигде об этом не рассказано с такой силой, как в «рождественском» рассказе Л.Петрушевской «Гирлянда птичек» («Литературная газета», 10 января 1990 г.). Едкая горечь этого рассказа может быть понята только тем, кто сумел сохранить в своей душе представление о «нормальном» доме, где под Новый год детям устраивают елку, мама с папой живут в мире, а елка украшена сверкающими игрушками.

В рассказе «Гирлянда птичек» мама с папой, проломившие друг другу голову в драке, сидят в тюрьме; елку девочка добывает себе сама, и добывает ее не в лесу, а в парке; вместо сверкающих игрушек она вешает на елку связку прошитых веревкой битых синих кур из бабушкиного холодильника. И в конце концов все кончается, на ее взгляд, благополучно: «Таким образом, у девочки оказалась елка с гирляндой птичек, а тут и папа с мамой вернулись домой. Там, в тюрьме, они простили друг друга, и под Новый год в доме было все: и пожар, и драка, и битая посуда. Только гирлянда птичек держалась и колыхалась в воздухе, как живая, как будто битые куры собрались в перелет вон отсюда...» Патология жизни рисуется не как нечто исключительное, но как заведенный порядок бытия. Обыденность маразма, высвеченная внутренним светом нормы, вызывает шок.

«Остранение» достигается в рассказе изображением такого отклонения от нормы, которое невольно поднимает со дна памяти читателя архетипы нормы.

Поэтика «другой прозы» продолжает ту традицию искусства, которую когда-то называли органическим творчеством: ее идея отрабатывается в самом акте художественного познания действительности. Картина мира – при всей кажущейся сверхобъективности, многими принимаемой за бесстрастие, – вбирает в себя и мысль художника о мире, и живописное его изображение.

Но нельзя не заметить, что молодыми художниками этот путь нередко воспринимается как старомодный. Его суровый реализм кажется им слишком тождественным самой реальности. И вот уже не из уст соцреалистов, а из уст «молодых» вырывается крик протеста: «Если бы действительность копировала самое себя, Дарвин не написал бы «Теорию происхождения видов». Ящер не стал бы археоптериксом, если бы не вообразил себя птицей. Не действительность, а мечта придумывает полет. Да здравствует мечта! Да здравствует возвышающий обман... Мы обращаемся к м и р у частной ж и з н и...»

Но этот вопль не есть возвращение на круги своя. Глубокое отрицание безобразной реальности и искусства, которое эту реальность как бы удвоит своей верностью бесстрашной правде, нашло характерное выражение в маленькой книжечке «Волшебный яд любви» («альбом галантной лирики», созданной «орденом куртуазных маньеристов»; Москва, изд. «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. Издание осуществлено за счет авторов). В «Манифесте куртуазного маньеризма» молодые стихотворцы (Вадим Степанцев, Андрей Добрынин, Виктор Пеленягрэ, Константин Григорьев, Дмитрий Быков) формулируют то, чего они не принимают: «Жизнь прекрасна только лишь потому, – заявляют они, пародируя пафос «высокой» советской литературы, – что она удивительна. На этом, покуда, ее прекрасные черты исчерпываются». Оттолкнувшись от привычного пафоса, они дают резко саркастическую картину того, что есть современная жизнь: «Сегодня мы наблюдаем, как толпа бывших рабов, в одночасье ставших вольноотпущенниками, побивает камнями трупы Цезаря и его присных, а заодно и бранные останки автора «Программы накормления пятисот миллионов голодных пятью хлебами». В то же самое время другая толпа таких же вольноотпущенников рыдает в голос, оплакивая Императора, шлет проклятия на головы своих сорвавшихся с цепи товарищей и обращается к Сенату с мольбой вновь приладить к их шеям рабское ярмо. Чуть в стороне толпа бывших рабов-пафлагонцев дерется в кровь с толпой бывших рабов-ассирийцев. Причина побоища в том, что одни говорят по-пафлагонски, другие – по-ассирийски. Grimаса отвращения искажает наши благородные лица, когда из своих бойницзираем мы на это непрерывающееся кишение протоплазмы, на эту бесконечную войну лягушек и мышей...

Когда же вы опомнитесь, глупые рептилии?! Когда же вы, наконец, почувствуете себя людьми – высшим продуктом Вселенского Разума, – призванными вносить Любовь, Мир и Гармонию в неотстоявшийся хаос бытия?»

Это отвращение к социуму советской жизни не наиграно. Для многих молодых (как свидетельствует печальное знакомство с нынешним студенчеством) история – действительно нечто внеположное им. С презрением и отчуждением смотрят они на наследие отцов и не хотят принимать его. «Левые» и «правые» им равно противны; они отрицают самый менталитет, где принимают всерьез гражданские страсти и романтические иллюзии. Они не хотят эту жизнь переделывать, – они отвергают ее с порога. «О, этот мир с его эгоистическими интересами, когда независимость может позволить себе описывать все, что выбирает, а не то, к чему вынуждают! – восклицают они. – Стоит ли досаждать читателю своими жестокими наблюдениями над несовершенством человеческого общежития? Спросите о том у читателя!

Литература должна оставаться литературой. Нам предстоит вызвать из униженного положения интеллектуальную аристократию, олимпийскую касту творцов, за которой потянется оглушенный средствами массовой информации ценитель изящного».

Что же хотят восстановить творцы прекрасного?

«Независимость духа, эстетизм, достоинство писателя, искусство ради искусства...» Надеюсь, что «над Третьим Римом занимается новая заря», они хотят восстановить отношение к искусству как к и з я щ н о й с л о в е с н о с т и.

«Маньеризм» сохраняет художественную плоть традиционного искусства и потому, что верит в ее силу, и потому, что хочет пародией на серое искусство убить и его, и неоавангард.

Это не случайно. Отрица реальность, многие «молодые» уверились, что кризис прежнего мировоззрения с неизбежностью влечет за собой кризис изобразительных средств.

Замечено, что и в рок-культуре, и в музыке, и в поэзии, и в прозе их создатели стремятся к разрушению художественной ткани вообще – будь то слово или звук (писатели-авангардисты оказываются при этом сопоставимы с рок-культурой; см. П. Вайль, А. Генис. «Новый мир», 1989, № 10, с. 249). Как всегда, когда намеренно рвется художественная ткань искусства, возникает мотивировка, связанная с «острашением», преодолением автоматизма восприятия.

Пластическая стилевая форма в таком случае начинает казаться сомнительной, устаревшей, недостаточно энергичной. Если она могла скрывать в себе ложь и служить оправданию тирании – что толку в ней? Долой ее! И те, например, кто называют себя «авангардистами», рвут художественную ткань во имя, как им кажется, высшего смысла: воссоздания кричащей муки самой реальности.

В этом убеждают, в частности, произведения, собранные в восьмом номере журнала «Даугава» за 1989 год (новый поэтический язык Льва Рубинштейна, стихотворения Саввы Варяжцева, Алексея Ивлева и других. Многие из этих материалов публиковались в «Митином журнале»).

Здесь лягушечий клан за гроздь гроздь весной
вспузыривал. Побродим вдоль силымальских канав.
Огромный облак влип в грунт полудня, незван
зернистой синевой, конфорочной, густой.

(С. Варяжцев)

Или:

Полет поцелуя над свалкой, над сварой
псов, взрыв
цистерны у виадука.
Живые факелы автомобилей,
автопилотов.
Хороводы бульдозеров вокруг кладбищ.
Ты новое время танцуешь, божество сновидения,
пальцы в струнах вязнут, гитара узлом,
ты танцуешь головокружение
и бред и полувстречу.
и губы полуоткрыты.

(А. Илев)

Идеи «молодых» об искусстве особенно рельефно выражают себя в их статьях, где форсируется чувство разрыва с прошлым искусством: концептуализм, например, осознает себя как искусство, которое «растет и развивается в атмосфере релятивизма и скептицизма» («Даугава», 1989, № 8, с. 107), находится в «поиске и становлении какого-то нового качества, нового измерения нашей культуры» и располагается на границе «между эстетическим и этическим, эстетическим и познавательным, познавательным и этическим, между знаковым и незнаковым вообще, между литературой и жизнью вообще». Он стремится «все выделить, обнажить и все объять, охватить, все различить, разграничить и все связать, соединить». Для концептуализма «все есть язык, а язык есть все. Мир рассматривается как некоторого рода Текст, а Текст – как Мир». Естественно, что теоретиками концептуализма провозглашается «парадоксальное отсутствие в текстах «я», создавшего концептуальный текст», и уж совсем закономерно, что «важнейшим принципом или способом существования в творчестве является для концептуализма эксперимент». Мотивировкой всех новшеств концептуализма является стремление «сохранить чистоту взгляда»; конечной же его целью объявляется «проверка истинности и достоверности наших мнений и знаний о мире, – и своеобразное поэтическое «моделирование», создание разнообразных возможных предложений, формул, конструкций, могущих стать актуальными в некой новой модели Мира» (там же, с. 108, 112).

Экспериментальное искусство хочет выстроить картину сюрреального мира, который был хлеще самой реальности. Оно эпатирует и шокирует. Оно считает, что отказ от этики и эстетики может быть беспределен. Так, в статье «Некроэстетика» один из создателей «параллельного» кино заявляет, что не понимает слов «застой», «гласность», «политика». Он декларирует новые принципы искусства – принципы «некроэстетики»: ему, например, нравится снимать... труп. Да, труп, потому что, объясняет он, «труп есть труп. Простолюдin или политик – это меня не интересует. Меня интересуют его метаморфозы». «Метаморфозы чего?» – спрашивает его собеседник. «Формы, цвета, – отвечает он. – Своего рода некроэстетика» («Искусство кино», 1989, № 6, с.135). Когда же его спрашивают о близких ему по духу художниках, он называет тех, кто «по степени маразматения уже близки к барьеру, за которым начинается нечто метафизическое...»

У этого искусства есть свои поклонники. Как правило, это молодые гуманитарии. Им нравится «крутяк», «свежак», «чернуха» – в общем, то, о чем можно «сладко выдохнуть: аванград». Так пишет о сборнике повестей и рассказов молодых писателей «Встречный ход» студент (вероятно) В.Лужин в только что созданной газете тартуских студентов «Alta mater». Само заглавие сборника, как кажется критику, удачно выражает интенцию современного искусства. И это правда.

«Встречный ход», пишет В.Лужин, – это значит, что «в отличие от живых (или почти живых) классиков современной литературы, чьи собрания сочинений все еще выходят и чьи книги все еще никто, кроме гоголевского Петрушки, не читает», повести и рассказы, напечатанные в сборнике, написаны «живыми людьми». Их «отличить можно, – уверяет критик. – Хотя бы по отсутствию языковой ржавчины. Авторы «Встречного хода» обходятся со словами по-разному, иногда даже амикошонски, но никогда – в тех лучших традициях, которых хуже нет». Во-вторых, в сборнике есть «остраненность», «расподобление приемов», «поток сознания и подсознания», «карнавальное начало» и все, что входит в понятие авангард. Это – «Новая Литература», заверяет нас автор.

Такую оценку подтверждают и более опытные критики. Они тоже считают, что «массовый выход на поверхность сугубо литературной литературы» есть «наиболее важное явление периода гласности» (П.Вайль и А.Генис. «Новый мир», 1989, № 10, с. 247). Они как будто не замечают, что современный авангардизм во многом повторяет то, что уже было в 20-е годы. Он может казаться новым только тому, кто не читал ни В.Хлебникова, ни В.Шершеневича, ни Б.Пастернака. Сегодня, как и в эпоху 20-х годов, мы сталкиваемся с тем, что рядом с творчеством новых форм идет и то, что Пастернак называл «хаосом» и «распадом форм». Как и тогда, эксперимент сопровождается не только удачами, но и «оскудением мысли, засоренным и неровным слогом» (Б.Пастернак. Воздушные пути. М., 1983, с. 448). Вновь и вновь вспоминается, что нет тождества между распадом социальной системы и формотворчеством. Впрочем, это признает и наш юный друг из Тарту, сказав напоследок, что «двойное снятие запретов – на идеологию и на поэтику – штука хорошая, но само по себе оно весны не делает». И потому он предлагает «Новую Литературу» воспринимать снисходительно – как «шум времени».

Опыт мировой культуры подсказывает: в эпохи кризиса переоценка ценностей начинается с переосмысления представлений о человеке. То, что советская система с ним сделала, многими серьезными людьми воспринимается как необратимая антропологическая катастрофа. Так ли это? Обыденному глазу кажется – да. И потому море отчаяния грозит затопить нашу жизнь. Тогда останется уповать только на то, о чем когда-то сказал Пастернак: «Образ человека – выше человека». Не отрываясь от реальности, разделяя с людьми их трагедию, искусство самой памятью о предзначении человека способно стать сегодня силой, возмещающей, что еще не все потеряно, что еще брезжит надежда и что искать ее нужно в недрах человеческого духа.

Может быть, это и есть самое главное, что должна сохранять культура в эпоху безвременья.

ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

Чужими глазами

В какой-то момент бывает нужно перечесть написанное глазами читателя, постороннего, чужого. Или, скажем, иностранца: взгляд не просто отстраняется, — воспринимаешь себя как бы в иной системе координат.

Я начинаю читать только что законченный рассказ. "Пришли: иов с иконостасиком на пиджаке, небольшим, ленточек семь... Решено проводить перерегистрацию прямо по месту прописки..."

Боюсь, никто, кроме нас, не сможет этого воспринять без многословного комментария. И дело не просто в непереводаемости понятий, реалий, которые есть в любом языке, в любой культуре.

Словарь таких понятий заучивают в платоновском "Котловане" колхозницы, собравшиеся в "избе-читальне по делам культурной революции". По алфавиту, на букву А: авангард, актив, аллилуйщик, аванс, архилевый, антифашист. На Б: буржуй, бессменный председатель, браво-браво ленинцы! Представим, что это читает, допустим, Чехов, не доживший до описываемых времен всего двадцать с небольшим лет. Он мог бы понять все у Бунина, современника своего, но здесь, как и Бунин, понял бы, и то недостоверно, лишь отдельные слова; контекст ему бы пришлось объяснять, как иностранцу.

Мы только сейчас начинаем до конца осознавать, что Октябрьская революция породила не просто новый общественно-политический строй, систему власти и экономики, но поистине новую, небывалую цивилизацию, со своей историей и мифологией, своей системой ценностей, эстетикой и моралью, культурой и литературой; она не просто провозгласила целью создание нового человека, но реально сформировала его.

То, что сейчас происходит, — крушение, распад этой цивилизации, отнюдь не ограниченной пределами одной или даже нескольких стран: обвал всемирно-исторический. Есть особая наглядность в том, что начало и конец этой цивилизации практически вместились в срок одной человеческой жизни, — доживают свой век те, кто никакой другой, в сущности, не знал. (Теперь-то очевидно, что дольше она едва ли могла продержаться: у истории все-таки есть закономерности, в том числе и временные.) Для миллионов людей это глубоко личное потрясение: рушатся опоры духовного существования, внутренней устойчивости, самоутверждения в мире, крошится панцирь, защищавший и даже как будто гревший; многие ощутили себя неуютно под голыми небесами — в чем укрыться, за что ухватиться?

Для кого-то, как для меня, этот процесс совершился много раньше и по-другому; кто-то никогда не ощущал своей принадлежности к системе и не жил ее мифами; им требуется усилие, чтобы представить искренности этой веры и глубину потрясения, они воспринимают происходящее даже не без удовлетворения, пусть хотя бы морального. Ибо удовольствие, что говорить, невелико, никому из нас не приходится особенно уважать себя за якобы сохраненную "внутреннюю свободу", — гордиться нечем. Мы не обеспечили нашим детям достойной жизни, мы передаем им растерзанную, дезориентированную, как после тяжкого похмелья, страну — если еще не убегаем из нее вместе с ними.

Между прочим, и тому же иностранцу не стоит смотреть на наши судороги совсем уж свысока, как на экзотику, — не только потому, что среди тех, кто

сейчас покачивает головами и пожимает плечами, немало недавних восторженных читателей красного цитатника. В нашей судьбе и в нашем конкретном опыте надо увидеть что-то общезначимое для всей мировой цивилизации — нечто важное для будущего.

О провинциализме

Когда сейчас слышишь ходовые рассуждения о провинциализме нашей жизни, много лет отгороженной от мира, его новейших достижений и мод, о провинциальной психологии людей, нигде, кроме своей страны, не бывавших и не желающих бывать, даже не представляющих возможности другой жизни, — тем более, что от рождения приучены были верить именно в свое превосходство, — не будем забывать, что представления о провинции относительны.

"Где вам шили такой костюм? В Париже? Это далеко от Жмеринки? Три тысячи верст? Надо же, такая провинция, и так шьют!"

Не будем забывать, что наша революция совершалась людьми, ненавидевшими и презиравшими именно провинциальную обывательскую жизнь, ставившими перед собой цели всемирно-исторические, не менее, — для них много лет именно буржуазный Запад был подлинной провинцией. Эта революция, в сущности, лишь придала особое измерение общему кризису, обозначенному Мировой войной.

Я позволю себе процитировать героя своей книги "Провинциалы", рассуждавшего когда-то на эту тему:

"Начало века затосковало, как вы понимаете, по духу трагедии. Высокие умы смутило, не торжествует ли в мире идеал земного довольства, буржуазной пошлости, посредственности и мещанства. Они, лучшие-то умы, носились, как с находкой, с идеей, что счастье вовсе не может быть целью человечества. Известное довольство, конечно, желательно, без него и дух захиреет, это, как говорится, условие развитой жизни. Но только условие. Цель — нечто более высокое. Истина, там, или красота. Или добро. А счастье может лишь сопутствовать этим высшим устремлениям. Но не обязательно и ненадолго. Не в нем дело. Упаси Бог осуществиться когда-нибудь счастливому идеалу, — Достоевский заранее его опровергал. Ницше плевался от отвращения. (А в душе подозревали и надеялись, что это невозможно.) Лучше быть недовольным Сократом, чем довольной свиньей. Добродетель сродни пошлости, она урезывает аппетит, полагает предел стремлениям и страстям ради устойчивости и покоя. Я, кажется, цитирую, только не помню кого. Занятно, что наши именно идеалисты особенно ужасались торжеству западного мещанства после каждой их очередной революции. Обыденное счастье ведет к мельчанию человека, спокойное благоустройство предвещает упадок народа, страны, человечества, наконец. Опять же приносится в жертву что? — Свобода. Стремление к свободе неизбежно трагично, как стремление к истине, к совершенству, как трагична неизбежная смерть. Но с этим трагизмом связано самое прекрасное в жизни, поднимающее нас над посредственностью и пошлостью. Без него не будет прогресса, только застой. Жизнь начнет гнить. Ну и так далее. Об этом целая литература, вы сами знаете..."

Год назад в другой статье я пересказывал и дальнейшее рассуждение того же персонажа: "Опасность жизненного застоя и загнивания... существует вечно, и всегда в противодействии начинали работать механизмы, подпускавшие страстей и крови... Удовольствие, согласимся, сомнительное. И главное, чем дальше, тем сомнительней... Похоже, в самом деле приближается пора устроить людей окончательно. Без потрясений, кризисов, войн, полководцев, героев. Кстати — мечта и замах любой революции. А отчасти русская христианская мечта о конце истории".

Я теоретизировал на эту тему не без иронии, не предполагая, что как раз в это же время пишется вполне серьезная работа, где долгожданный конец истории

провозглашается и впрямь как реальный результат мирового развития. Американский профессор Френсис Фукуяма именно так озаглавил свою нашумевшую статью¹: "Конец истории". Автор связывает этот конец с обозначившейся и уже бесспорной победой во всем мире идеи западной либеральной демократии. Все окончательно становится на места, уходит в прошлое "борьба, требующая отваги, воображения и идеализма", не нужна теперь "готовность рисковать жизнью ради абстрактной цели", "вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изошренных интересов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии, – констатирует или предсказывает Фукуяма, – есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории".

Провинциализм как отгороженность от мира и провинциализм как уход от исторических бурь... Когда-то об этом рассуждал герой моего романа. Картина, в конце концов, вполне даже приятная. И ведь есть что-то провинциальное в толпах туристов, щелкающих первоклассными японскими аппаратами перед европейскими соборами, чтобы потом вставить одинаковый комплект снимков в одинаковые семейные альбомы; или в тех, кто часами сидят за столиками прекрасных западных кафе, попивая на зависть прекрасные напитки и перебрасываясь время от времени фразами ни о чем. Нам бы все это... Кстати, автор статьи "Конец истории" признается, что при всем удовлетворении по поводу окончательного торжества либеральных идеалов испытывает все-таки чувства противоречивые, – ему уже видится перспектива многовековой скуки... Быть может, именно эта перспектива, – задается он под конец вопросом, – вынудит историю взять еще один, новый старт?

А ведь и о скуке успели уже порассуждать мои герои. И как о самом реальном противоядии говорили они, между прочим, об искусстве, которое в условиях устоявшейся, спокойной, безопасной жизни могло бы играть роль совсем особую, удовлетворяя человеческую потребность в страстных переживаниях на уровнях игры, иллюзии, не доводя до губительных крайностей... Но это уже совсем другой разговор.

Искусство после катастрофы

Нам ли сейчас фантазировать на темы безмятежного постисторического будущего? Мы не знаем, что станет со всеми нами, пока эти вот строки дойдут до читателя: в любой момент и в любом месте может произойти взрыв, подобный чернобыльскому. Что говорить, такое ощущение придает жизни остроту, хотя не упрощает ее.

Для творческого самосознания сейчас важнее другое: мы все больше отдаем себе отчет, что катастрофа уже произошла, произошла еще на заре века; наша цивилизация явилась ее крайним порождением. Мы прожили в условиях катастрофы свою жизнь, и у старших из нас мало надежды застать ее окончательное завершение: желанный или проблематичный конец истории. Еще падают камни, рушатся продержавшиеся дольше других опоры и перекрытия, еще надо выбираться из-под обломков. Но пока мы выжили, мы можем надеяться, и кто порасторопней, уже устраивает художественные забавы с этими обломками, словарем, остатками символов, идеологием – используя их как материал для концептуальных игр, насмешливых коллажей в духе соц-арта, переосмысливая, пародируя. В моду вошли скепсис, цинизм, кощунство – все, что способствует дальнейшему разрушению, дефилологизации и, как выражаются люди ученые, "десемантизации": необходимый для расчистки пространства и дальнейшего созидания этап. Пройдет немного вре-

¹ Статья Ф.Фукуямы "The End of History" опубликована в русском переводе в журнале "Страна и мир", 1990, № 1(55), а затем в "Вопросах философии" (Москва), № 3. – *Ред.*

мени, и кровавая эпоха может стать совокупностью безобидных знаков; среди них найдут свою роль и Сталин, и Берия, и государственные символы, и плакаты, и цитаты из песен, речей. Изделия в таком духе особенно популярны у иностранцев — им это доступней: экзотика своеобразной цивилизации.

Пусть забавляются сувенирами — художого в этом нет. Мы же обратим свой взгляд в сторону, для постороннего взгляда менее понятную.

Общим место стало сравнивать нас с кем угодно по компьютерам или состоянию больниц. Но есть один существенный пункт, по которому мы, пожалуй, ни с кем не сравнимы: вряд ли где-нибудь все еще так много значит литература.

Мы отвыкаем заботиться об устройстве своих жилищ и своего быта, у нас все меньше настоящих мастеров простого положительного ремесла. Но я не могу представить другой сравнимой с нами страны, где такое множество разновозрастных людей годами корпело бы над листами бумаги на каких-нибудь тесных кухоньках, под шуршание больших жирных тараканов, без надежды не просто на успех — на публикацию, почти даже не думая о ней. И ведь не все из них графоманы, меньшинство озабочено проблемами формального эксперимента. Нет, этими странными провинциалами движет, как внутренний зуд, потребность осмыслить с пером в руке что-то в своей жизни, судьбе, истории. Как евреев называли в разные века народом Книги, так разноплеменное население России, может быть, назовут когда-нибудь народом литературы. Это все еще не профессия среди прочих, как на Западе. Даже чтение книг становится у нас потребностью особой, связанной с экзистенциальным напряжением, с коллизиями драматическими и даже трагическими.

“Я знаю только одно средство, помогающее в наручниках читать наизусть Блока. Читать и ходить надо так, чтобы рифмы, шаг и импульсы боли совпадали или чередовались в определенном ритме”.

Так мог написать только человек, проведший годы в наших тюрьмах и лагерях, — башкир Низаметдин Ахмедов, сейчас обосновавшийся в Гамбурге.

Известность получили слова Т.Адорно: “После Освенцима нельзя писать стихи”. Страшный опыт нашего века, пожалуй, как никогда обострил сомнения в смысле, даже в нравственной дозволительности искусства и литературы. Но этот же опыт дал, быть может, и самый потрясающий, неожиданный в своей убедительности довод об их необходимости.

В рассказе “Афинские ночи” Варлам Шаламов напоминает рассуждения Томаса Мора о четырех основных потребностях человека, удовлетворение которых способно доставить ему блаженство. В нечеловеческих условиях колымского лагеря выяснилось, что не менее насущной оказывается для человека пятая потребность — потребность в стихах.

“У каждого грамотного фельдшера, сослуживца по аду, оказывается блокнот, куда записываются случайными разноцветными чернилами чужие стихи — не цитаты из Гегеля или Евангелия, а именно стихи. Вот, оказывается, какая потребность стоит за голодом, за половым чувством, за дефекацией и мочеиспусканием.

Потребность слушать стихи, не учтенная Томасом Мором.

И стихи находятся у всех”.

Поразительное, не подлежащее сомнению (при всех возможных оговорках) свидетельство. Существенно, что именно в гибельных, нечеловеческих условиях стихи (которые представляют здесь за литературу, за искусство вообще) становятся в ряд насущных, природных потребностей.

Не подтверждает ли это мысль, что произведение искусства как порождение творческой воли по самой природе своей есть акт преодоления хаоса, распада, а значит, сопротивления смерти, небытию? И не потому ли оно способно служить жизни, поддерживать ее, как о том свидетельствуют выжившие — в том числе и выжившие благодаря стихам?

“Страшные переживания, которые привели меня как человека на край смерти и сумасшествия, научили меня писать. Если бы я не умела писать, я не выжила бы. Писать меня научила смерть”. Это свидетельство Нелли Закс, пережившей трагедию в другой стране.

И если это так — нет ли здесь урока для многих искренних наших писателей, которые считают достаточным долгом добросовестно документировать переживаемый нами распад, воспроизводить хаос едва ли не в адекватных формах, без попытки его преодолеть, воспротивиться гибели, без усилия, которое — кто знает? — могло бы оказаться для кого-то спасительным?

Сейчас, я знаю, многим работается как никогда трудно. Причины разные; одна из них, по моему опыту, — чувство, что все написанное не дотягивает до значительности, серьезности происходящего реально. Но, может, это необходимый кризис, который в свой срок еще даст свои плоды? Со времен Достоевского в нашей традиции общим местом стало мнение о творческой плодотворности страдания. Увы, простой зависимости тут нет — иначе величайшего творческого взрыва следовало бы сейчас ждать, скажем, от натерпевшихся кхмеров. И все же я продолжаю верить, что наш трагический опыт окажется небесплоден для духа. Познавшему страдание и потрясенность, пережившему подлинное отчаяние полной может открыться величие бытия как незаслуженного дара — и здесь уже выход в более высокое измерение, к чему-то, что может быть названо трагическим весельем.

Людмила ДЫМЕРСКАЯ (Иерусалим)

ТОМАС МАНН И “РУССКИЙ СОБЛАЗН”

Духовная биография Томаса Манна не очень типична для интеллигентов того круга, к которому Манн принадлежал по своему немецко-патрицианскому происхождению, традициям, шкале ценностей. Большая часть тех, кто, как и он, видел в немецкой культуре протест против эгалитарной цивилизации Запада, приняли национал-социализм. Приняли его не только как идеологическое резюме своих романтически-националистических концепций, но и как политическую реальность. Мартин Хайдеггер вступил первого мая 1933 года в национал-социалистическую партию. Нацистский режим приветствовали Герхарт Гауптман и близкий друг Т.Манна Эрнст Бертрам. В 1935 г. Манн писал: “Я едва ли не единственный из немецких писателей, кто боролся против того, что надвигалось и ныне добилось абсолютного господства в Германии”.

Уже в двадцатых годах Томас Манн рассматривает национал-социалистическое движение в контексте и перспективе не только немецкой, но и общеевропейской истории. Нацизм представляется ему феноменом новой эпохи в истории Европы, начало которой положил “большевистский переворот в стране Толстого” (“Гете и Толстой”, 1922). Русский коммунизм и немецкий национал-социализм поставлены писателем в ряд однотипных явлений потому, что сущность обоих — диктатура и террор; оба питаются из во многом близких друг другу духовно-национальных источников; оба — фашизм и коммунизм — результат европейского кризиса, катастрофы Мировой войны и крушения старой Европы; оба знаменуют конец буржуазно-гуманистической эпохи. Томас Манн осознает вину и ответственность интеллектуалов (не без оснований причисляя к ним и себя), внесших вклад в идеологическое

оснащение истребительных диктатур. Противостоять тоталитарному господству, основанному не на праве, а на силе, может только другая сила. Такую силу Т.Манн видит в демократии.

1.

Этот вывод, сформулированный в конце 1922 года, дался Манну нелегко. В годы войны писатель прошел трудный путь самопознания. Именно так он оценил продолжавшуюся более трех лет, с 1915 по 1918 г., и стоявшую ему "мучительных усилий" работу над 900-страничным эссе "Betrachtungen eines Unpolitischen" ("Размышления аполитичного"; в СССР не издавались). "Я писал эту книгу, — вспоминал он в статье "Культура и политика" (1939), — страстно отдаваясь самопознанию и пересмотру всех основ моего мировоззрения, всех унаследованных мною традиций, — традиций аполитичной немецко-бюргерской духовной культуры". Во имя этой культуры Манн, по его словам, всеми силами сопротивлялся тому, что он называл демократией, подразумевая под этим словом политизацию духовной жизни. В одном из писем тех лет он говорит: "По моему мнению, притязания демократии на "дух" — дерзость. Ее дух — стремление к успеху в политике, дух, из которого можно извлечь выгоду... Это дух прессы. Демократия симулирует тождество между прессой и духом".

Демократия представлялась Т.Манну продуктом западной — французской и английской — утилитарно-рассудочной цивилизации, которую он, следуя многим, противопоставлял духовной культуре Германии. Спустя неделю после подписания Версальского договора Манн, не скрывая горечи, писал: "Победа Англии—Америки завершает ход цивилизации, рационализации, утилитаризации Запада... Великая немецкая идея от Лютера... до Бисмарка и Ницше опровергнута и обесчещена — факт, который многие из нас приветствуют (курсив Т.М.), который будет закреплен хорошо продуманными условиями мира и который я хотел предотвратить в своей борьбе против литератора от цивилизации". Кто такой был "литератор от цивилизации", хорошо известно: Генрих Манн. В объемистом очерке "Золя", опубликованном в ноябре 1915 г., старший брат утверждал неизбежность и желательность поражения кайзеровской Германии. Младший брат парировал: "Я заявляю, что по моему глубочайшему убеждению немецкий народ никогда не примет политическую демократию. Я предвижу, что столь часто осуждаемое "авторитарное государство" — самая приемлемая для него форма правления и что ее-то он в глубине души и желает". Всеобщее равенство и права человека — идеи, исходящие от носителей "того галльско-еврейско-интернационалистического интеллектуализма, который заставляет немецкую душу смириться под его тиранством" (письмо к Гансу Йосту, 1920). Так выглядела аполитичность в 1920 году: Томас Манн все еще не отказался от идей, выдвинутых в полемике с братом и повторенных в небольшой статье 1917 года "Мир во всем мире?" Учению о "добром народе", либеральному оптимизму, "то есть вере в политику, в муравейник, в социализм и republique sociale et universelle" здесь противопоставляется "русский и немецкий дух, Достоевский и Шиллер", те, кто, как заявляет Манн, "согласны в том, что проблема человека может быть решена не политическим, а лишь психологически-нравственным способом..." Стоит отметить, что в "Размышлениях аполитичного" Т.Манн часто и охотно цитирует "Дневник писателя" Достоевского, в частности, пассажи, где русский писатель противопоставляет Германию Западу, немецкую историю — Риму.

Последовавший в январе 1918 г., вслед за публикацией статьи "Мир во всем мире?", обмен письмами между братьями привел к окончательному разрыву отношений. Томас Манн на некоторое время уходит в "свободное музицирование" — так в отличие от "писательства" (эссеистики, публицистики) он называет свое художественное творчество. Он создает несколько новелл, а главное, возвращается к

начатому еще до войны роману "Волшебная гора", в котором "пытается своеобразно, иронически и несколько пародийно возродить старонемецкий роман воспитания типа "Вильгельма Мейстера", плод нашей великой бюргерской эпохи" ("Любек как форма духовной жизни", 1926).

Но уже с 1921 года "музицирование" вновь перемежается с "писательством". Две работы этих лет — эссе "Гете и Толстой" и речь "О немецкой республике" — Манн впоследствии назвал "непосредственными прозаическими ответвлениями романа". Эссе "Гете и Толстой" с подзаголовком "Фрагменты к проблеме гуманизма" появилось в конце 1922 г., после выступлений в Любеке, Праге, Брюнне (Брно), Вене, Будапеште, Мадриде, Франкфурте-на-Майне, предваривших эту публикацию. В письме к Эрнсту Бертраму, отправленном незадолго до франкфуртского доклада, Томас Манн сделает важнейшее признание: "Мысль, по-настоящему мною сейчас владеющая, — это мысль о новом, личном осуществлении идеи гуманности — в противоположность, однако, гуманному миру Руссо".

Эссе как "критическое наблюдение под собственной жизнью" всегда было, по словам Т.Манна, необходимой принадлежностью его творчества. Прямое и многократное обращение писателя к разноразнонациональной европейской аудитории показывает, между прочим, сколько поучительными считал он эти наблюдения над своей жизнью, ибо не приходится, например, сомневаться в том, что эссе, в котором сопоставляется жизнь и творчество великих наставников двух народов — немецкого и русского, было одновременно исповедью самого Томаса Манна.

Статьи, речи, письма Манна о пережитом в годы Мировой войны и уроках, извлеченных из пережитого, "обозначают выходящие за пределы литературы высокие моменты моей личной жизни" ("Очерк моей жизни", 1930). Он работал над ними, по его словам, в то "нещадно понуждавшее думать время", когда "требования со стороны внешнего мира неминуемо должны были множиться". Легко понять, что он имел в виду: падение четырех империй, и прежде всего Германской и Российской, появление на политической карте Европы новых республик. Российская советская республика приняла свою конституцию 10 июля 1918 года; конституция Германии, провозгласившая республиканский строй, была принята в Веймере 31 июля 1919 г. Опыт первых же лет существования этих государств побуждает автора "Волшебной горы" по-новому трактовать свою излюбленную тему противостояния духа и жизни, культуры и социальной действительности, культуры и цивилизации. Делается важный вывод: "Культура оказывается перед лицом грозной опасности, если ей недостает политического инстинкта и воли".

2.

В какую форму должны воплотиться "политический инстинкт и воля", дабы культура осталась жива? Ответ писателя однозначен: республика, демократия. Демократия определяется как "политический аспект духовного, как восприимчивость духа к политике". Свои мысли Томас Манн изложил в речи "О немецкой республике", произнесенной в Берлине в октябре 1922 г. на вечере в честь 60-летия Герхарта Гауптмана. "Я собираюсь, — пишет он Э.Бертраму, — придать статье ко дню рождения Гауптмана вид некоего манифеста, взывающего к совести молодежи, которая ко мне прислушивается".

Молодежь, которая внимает его голосу, — это, конечно, одна из иллюзий Томаса Манна. Речь, построенная, между прочим, и на искусной интерпретации идей великого немецкого романтика Новалиса, прерывалась откровенно враждебными выкриками, когда докладчик говорил о пагубности романтизации войны, "сентиментального обскурантизма", открывшего дорогу террору и запятнавшего страну "отвратительными и безмозглыми злодеяниями". "Топот ног" и "шум в зале" (эти ремарки по желанию автора были включены в напечатанный текст) сопровождали и попытку убедить слушателей в пользе и необходимости республики (так Т.Манн определял

потом цель доклада), в том, что немцы должны проникнуться республиканским духом в интересах гуманизма, ради достойного соединения национального с общечеловеческим.

Не только те, кто сидел в зале, но и многие другие, в том числе близкие друзья, отнеслись к выступлению Томаса Манна как к "предательству, измене самому себе, отречению от собственных поступков". Так писатель описывал реакцию на свою речь в одном из писем тех лет. Много позже, в письме к Герману Гессе (1947) Т.Манн утверждал: "...за тридцать лет я весьма существенно менял свои мнения, не ощущая в общем-то никакого перелома, никакого разрыва в себе". Не ощущал он внутреннего разброда и в 1922 году, говоря, что его речь "О немецкой республике" — "прямое продолжение существенной линии "Размышлений". Существенное — это гуманизм и его специфически немецкое воплощение: духовная культура бюргерства. Во имя немецкой гуманности он отрекался прежде от политики, во имя той же гуманности он считал теперь своим долгом отречься от позиций аполитичного, ибо становится ясно: не сама по себе гуманистическая культура, а ее государственно-политическое воплощение — демократия — может выстоять против "фашистско-экспрессионистского бушевания", против реакции, "привораживающей уставшее от релятивизма и жаждущее абсолюта человечество" (письмо к Иде Бой-Эд, 1922).

В июне следующего, 1923 года отмечается годовщина убийства Вальтера Ратенау, писателя и видного политического деятеля Веймарской республики. В Мюнхене Томас Манн произносит речь "О духе и сущности немецкой республики" — резюме идей, изложенных в первой "республиканской" речи в Берлине.

Теперь Манн определяет республику как "единство государства и культуры", республиканская идея, говорит он, означает, что "политика перестает быть просто политикой, она возвышается до *гуманности*" (курсив Т.М.). Романист видит, как далек провозглашенный им идеал от веймарского воплощения. Но это не основание для отказа от идеала. "Единство государства и культуры, которое является основным принципом идеи республики, должно быть главной целью не только для немецкого, но для всех народов, к ее достижению следует приложить все усилия, на какие только способен человек, иначе Европа потеряет себя..." Уже тогда Т.Манн прозревает универсальность "порожденного депрессией антигуманизма", считая его наиболее очевидными проявлениями большевизм в России, фашизм в Италии, реакцию в Венгрии, распространение националистических идей во Франции. Он объясняет, почему большевизм, "хотя он и проникнут революционным и радикальным духом", есть плод и проявление депрессии. "Большевизм, как бы ни расценивать его и его значение, отнюдь не является ни демократией, ни свободой, ни гуманностью: это диктатура и террор". Он видит в нем часть того "мирового движения", для которого в целом "характерна диктаторско-террористическая тенденция".

Частью этого мирового движения является и нацизм, в политическом терроризме и диктаторских устремлениях которого Томас Манн сразу же распознал тоталитарную альтернативу республике. Но в Веймарской республике "порожденный депрессией антигуманизм" лишь набирал силу. В России он уже стал всеохватывающей реальностью.

3.

Как это произошло? Манн рассматривает политическое и социальное в жизни личности и народа прежде всего как гуманист: с точки зрения сохранения и приумножения человеческого в человеке. Его не занимает, как и какими силами был осуществлен "большевистский переворот в стране Толстого", для него важнее духовные истоки русского устремления к абсолюту и тяги к обскурантизму — "опасности

любого времени, которое вожделеет абсолютного". Томас Манн основательно и с большим пиететом изучал русскую литературу, его вывод: глубокое духовное сродство, сближающее Россию и Германию, во многом определяется одинаково критическим отношением германо- и славянофилов к Западу, его политической культуре и его духовным ценностям. Но именно эта близость, резонанс, который получила в кругах немецких и русских интеллигентов философия жизни (*Lebensphilosophie*) с ее апологетикой "природы", "почвы", народа, архаики, популярность антизападничества в обеих странах, — вызывает у него озабоченность и тревогу: подобно русским, презревшим гуманистические ценности собственной культуры, немцы тоже могут пойти "диктаторско-террористическим путем". Писатель апеллирует к тем свойствам немецкого духа и гуманистическим традициям, которые могли бы стать преградой на пути "русского соблазна" (выражение Ник.Бердяева). И в Германии наблюдалась "тяга к абсолютному", тем более опасная, что послевоенное поколение восприняло идеи гуманизма, либерализма, демократии, суверенности личности "как осужденные временем и отжившие свое". На смену им поднялось "нечто совсем иное, противоположное этому. Не индивидуализм, а общность, не свобода, а железное обязательство, безоговорочный приказ, террор" ("Дух и сущность немецкой республики").

Надежду на то, что это "иное" не восторжествует в Германии, что ее не постигнет страшная участь России, Томас Манн основывает на принципиальном различии взглядов двух равновеликих наставников своих народов: "небожителя" Гете и "великого писателя земли русской" Льва Толстого.

Какую роль сыграл "писатель земли русской" в совершившемся в его стране перевороте? Оценивая значение "европейско-прогрессивистской идеи", с одной стороны, и толстовства — с другой, Томас Манн пишет: "Западно-марксистский чекан, ярко осветивший грандиозный переворот в стране Толстого (подобно всякому свету, озаряющему покров вещей), не мешает нам увидеть в большевистском перевороте конец петровской эпохи — либеральствующей *европейской* (курсив Т.М.) эпохи в истории России, которая с этой революцией снова поворачивается лицом к Востоку. Отнюдь не европейски-прогрессивистская идея уничтожила царя Николая. В нем уничтожили Петра Великого, и его падение расчистило перед русским народом путь не на Запад, а в Азию" ("Гете и Толстой"). Писатель рассматривает процесс, который взрыхлил почву для восприятия идей коммунистического мессианства. "Обратный путь" России в Азию во многом, полагает он, был подготовлен распространением и усвоением философско-морализаторских и педагогических идей Льва Толстого. Он называет Толстого *пророком* того исторического поворота, после которого "появилось в Западной Европе ощущение, что и Европа, и мы, и весь мир, — а не только Россия, — присутствуем при конце эпохи, эпохи буржуазно-гуманистической и либеральной; она, эта эпоха, родилась в века Возрождения, достигла своей вершины во Французской революции, и сейчас мы присутствуем при ее агонии".

В итоге Томас Манн следующим образом оценивает толстовскую философию: "То, что Толстой думал, было, как правило, бесконечно ниже того, чем он *был*" ("Гете и Толстой", курсив Т.М.) Манн пишет о "мятежном христианстве" Толстого, отмечая его "враждебность духу культуры, противоположной всему первобытному".

Педагогические воззрения Толстого носят, как считает Т.Манн, нарочито антипрогрессивистский характер. "С этими воззрениями тесно связан анархизм Толстого — его вера в анархический принцип как единственно разумную основу человеческого общежития, его догмат, согласно которому абсолютная свобода делает окончательно излишней дисциплину".

Великий немец находит, что "в анархическом учении великого русского его азиатство... вступает в соединение с западноевропейскими революционными элементами, с педагогическими идеями Руссо и его ученика Песталотци, в которых про-

должен жить, хотя и под другим обликом и окраской, этот же элемент антицивилизационности и возврата к первобытному состоянию, словом — анархический элемент". В отрицании культуры Манн видит то общее, что объединяет пророка "большевистского переворота" с духовным вдохновителем Французской революции. А в полемическом призыве Толстого не изучать античные языки звучит "протест русского народничества против гуманистической цивилизации; в нем проявляется враждебное классической культуре язычество Толстого..." Толстовское противопоставление "истинного воспитания, которое дает жизнь", университетскому, отрицанию ценности классического образования характеризуют отношение Толстого к Западу, к цивилизации, "его народническую ненависть к ненародному, чужому, образующему, словом — раскрывают возмущение древней Руси против Петра". События, разыгравшиеся в Европе, заключает Т.Манн, "позволяют нам воспринять педагогические теории Толстого как пророчество".

Речь шла о послевоенной Европе. Антигуманизм, восторжествовавший в стране Толстого, все громче заявлял о себе и в стране Гете. Здесь он воплотился в "этническую религию, которой ненавистно не только международное еврейство, но и христианство — как человеческая сила". Так определяется немецкий фашизм в эссе "Гете и Толстой". В идейном оснащении фашизма, его "националистическом язычестве", "романтическом варварстве", в стремлении вытеснить из культурно-воспитательной области *humaniora*, классическое образование, писатель видит наследство философии жизни, восславившей иррациональную стихию исконно-почвенного и примитивно-физиологического (ближайшим представителем этой философии для Т.Манна был Людвиг Клагес, певец "космогонического эроса" и автор объемистого трактата "Дух как противник души"). Томас Манн убеждает своих читателей, что "сейчас не время ополчаться на гуманизм, брать за образец... педагогический "большевизм" Толстого... Наоборот, для нас наступил момент со всей силой подчеркнуть и со всей торжественностью восславить наши великие гуманные традиции..."

Эти традиции восходят к Гете. "Гуманистическая божественность Гете, — пишет он, — совершенно явно принимает какие-то иные черты, чем глыбистая первобытно-языческая божественность Толстого..." "Европейский гуманист" Гете отличается от "апостола восточного мира" Толстого своим преклонением "перед нравственной культурой христианства, иначе говоря, перед его гуманизмом, его просветительской, антиварварской тенденцией". В духе именно этой тенденции Гете "считал своей задачей, своим национальным призванием быть прежде всего просветителем", и в этом — высшее выражение его немецкости, ибо в просветительстве Томас Манн видит историческую миссию немецкого народа, которому "предназначено подняться до такой ответственности, чтобы стать образцом для других".

Завершают эссе "Гете и Толстой" размышления о "срединном" — географическом и духовном — положении Германии. "Этому срединному народу — гражданину мира — пристали пафос и мораль, соответствующие его ситуации". Идея "срединности" немцев, их уникальной способности сочетать в себе природное начало с духовным, их органической чуждости всякому экстремизму, философскому и политическому, преподносится читателю как парадигма национального воспитания и в романе Томаса Манна "Волшебная гора". "Немецкий дух, — говорил автор, объясняя главную идею этого романа, — значит то же, что "середина", а "середина" — то же, что бюргерство... Немецкий характер как таковой и есть бюргерство, бюргерство в высоком смысле слова, мировое бюргерство, мировая среда, мировая совесть, мировая умеренность, которая не дает увлечь себя ни вправо, ни влево и критически отстаивает идею гуманности, идею человека и человечности от всех крайностей" ("Любек как форма духовной жизни", 1926).

Роман "Волшебная гора" был, по словам Манна, особого рода попыткой возродить классический немецкий роман воспитания. Вольно или невольно принимая на себя роль наставника (чаще Т.Манн предпочитал говорить о "представитель-

стве”), писатель стремится свое собственное постижение идеи серединности превратить в общенациональное достоинство. Пока нацистская идея существует как потенция, пока не обнаружались реальные масштабы ее влияния, он убеждает себя и других в том, что единственное подлинно немецкое — это гуманность. Оно равнозначно общечеловеческому и, в сущности, неистребимо.

4.

Путь “середины”, путь возвышения национального до общечеловеческого, путь, на котором “происходит торжественная встреча духа и природы”, — становится основным мотивом “поэмы о человечестве” — цикла романов об Иосифе Прекрасном.

Замысел эпопеи обретает четкие формы в 1923 году. “Мне неслучайно захотелось прочитать Библию, — вспоминает Т.Манн в докладе “Иосиф и его братья” (1942). — Я был предрасположен чувствовать и мыслить в общечеловеческом плане..., а эта предрасположенность, в свою очередь, была продуктом эпохи исторических потрясений, поставивших перед нами вопрос о человеке, проблему гуманизма во всей ее широте”.

Жизненный путь Иосифа, траектория его духовного развития — перифраз жизни самого романиста. Отказ Т.Манна от аполитичности в пользу демократии, защита разума против обскурантизма, борьба против истребительного варварства — все это нашло опору и выражение в сверхромане, который создавался 20 лет (1923—1943). “Эпический труд, прошедший вместе со мной через все годы изгнания и придавший цельность моему бытию”, — так оценивал значение тетралогии об Иосифе ее автор (“История “Доктора Фауста”. Роман одного романа”, 1949). За годы, прошедшие от начала работы над “Иосифом” до публикации первого тома (сентябрь 1933 г.), завершила свою краткую историю Веймарская республика, так и не оправдавшая надежд писателя на “единение государства и культуры”. Не стала действительностью и преподанная немцам в качестве исконно национальной гуманистическая идея — идея “серединности”.

Семнадцатого октября 1930 г., через семь лет после речи “О немецкой республике”, Томас Манн выступил с речью “Призыв к разуму”, где пытался проанализировать причины “сенсационного волеизъявления народа во время выборов”. Речь шла о только что прошедших выборах в рейхстаг: гитлеровская партия получила 6,4 млн. голосов и 107 депутатских мест против 810 тысяч голосов и 12 мест на выборах в 1928 г. “Доказавшее свою огромную притягательную силу” национал-социалистическое движение Томас Манн и теперь связывает с происшедшим в России “историческим поворотом, который являет собой конец начатой Французской революцией буржуазной эпохи и ее идейного мира”. (Эта точка зрения отчасти возродилась в современном споре историков в ФРГ.)¹ В новом мире нет места вере в разум, принципы свободы и равноправия отменяются. Возвращение к язычеству, к “радикально враждебному гуманности вакхическому культу природы”, отвержение духа как “убивающего жизнь начала”, “восславление животворных сил бессознательного” — все это он сызнова определяет как духовные источники национал-социализма. Не будь их, нацизм едва ли приобрел бы власть над душами, какой он достиг, став в буквальном смысле выразителем чаяний масс

Томас Манн говорит и о переживающей коллективизацию России, где “думают утолить голод тех, у кого отняли хлеб..., кровью расстрелянных контрреволюционеров”. И в нацистской Третьей империи, и в стране, реализующей “пролетарское учение о конце света”, “фанатизм становится принципом спасения, восхищение — эпилептическим экстазом, политика — массовым наркотиком. Разум отвратил свой лик от людей...”

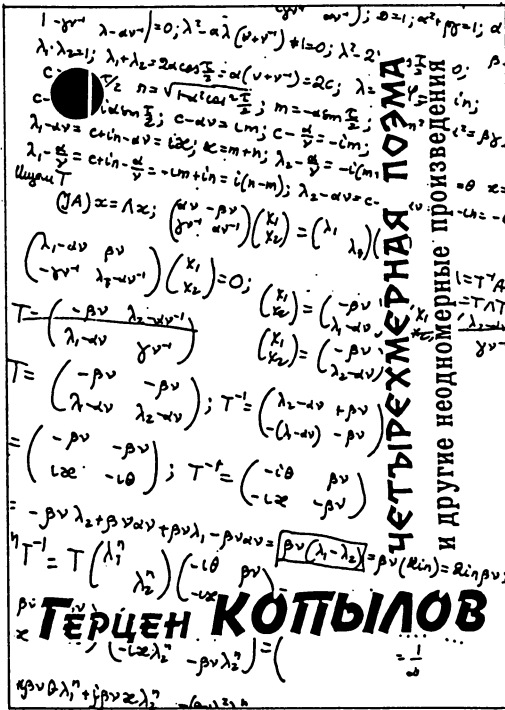
¹ О “споре историков” в Германии см. статью “Прошлое, которое не хочет уйти” в № 1(43) за 1988 год. — *Ред.*

И на этот раз доклад прерывался топотом ног, воем и руганью. От расправы докладчика спас его друг дирижер Бруно Вальтер, который вывел его через запасной выход к машине. Было совершенно очевидно, что Германия "творит самое откровенное националистическое бесчинство", как писал Манн графу Кайзерлингу. 27 февраля 1933 года нацисты подожгли рейхстаг. За две с половиной недели до этого (Гитлер был уже рейхсканцлером) Томас Манн прочел доклад "Страдания и величие Рихарда Вагнера", приуроченный к пятидесятилетию смерти великого композитора; доклад вызвал новые нападки. На другой день после доклада Томас Манн отправился в лекционное турне по Европе. День отъезда — 11 февраля — был первым днем его "полудобровольного-полувынужденного" изгнания из Германии, ставшего пожизненным.

В дневнике Т.Манна (ныне опубликованном) мы находим замечательную запись, относящуюся к этому времени. "Заявление Димитрова о том, что ван дер Люббе (обвиненный в поджоге рейхстага. — Ред.) был использован врагами коммунизма, звучит убедительно, — пишет Манн и добавляет: — Авторство может быть приписано и тем, и другим, ибо граница между ними в духовном и личностном отношении столь же размыта и нечетка, как граница между национал-социализмом и коммунизмом вообще. Я склонен усматривать подспудный смысл процесса в выявлении близости, родства, даже идентичности национал-социализма и коммунизма. Его результатом будет доведение *ad absurdum* ненависти и идиотской страсти к уничтожению друг друга. По существу же этого вовсе не требуется, они лишь различные, — как различаются между собой братья, — выражения одного и того же исторического явления, одного и того же политического мира... Символические акции, такие, как поджог рейхстага, мы и ощущаем, хотя это невозможно увидеть, как их общее дело". Нельзя не поразиться пронизательности немецкого писателя. Советский "поджог рейхстага" — убийство Кирова — произойдет менее чем через два года после нацистской инсценировки. Не обманули Томаса Манна и последовавшие за этим убийством судебные процессы.

В отличие от многих, принявших на веру то, что происходило на московских процессах 1936—1938 гг., Томас Манн прекрасно понимал, чего стоили покаянные признания обреченных. Сообщения московского радио о процессе троцкистов, записывает он в дневнике 20 августа 1936 г., "по степени пропагандистской лживости не уступают фашистским достижениям такого рода — по стилю они весьма схожи". Причина та, что и в Германии, и в России восторжествовал тип государства, которое "не только является основой власти, но подчиняет себе все, включая культуру, и даже прежде всего культуру, командует ею, знает, какой она должна быть, диктаторски беря себе исключительное право руководства и не допуская противоречий, сокращает ее до своих понятий..." (8 сентября 1933 г.).

Итак, если прежде речь шла о близости идейных источников антигуманизма в стране Гете и в стране Толстого, то теперь Томас Манн приходит к выводу о тождественности политических форм его воплощения в обеих странах: тоталитарного типа государство в равной степени враждебно западной цивилизации, свободе, истине, праву и человечности и в открыто провозгласившей диктатуру Германии, и в декларировавшем демократию, интернационализм и антифашизм Советском Союзе. Это глубокое политическое и духовное родство обеих систем — коммунистической и нацистской — Томас Манн осознал намного раньше многих политиков, социологов и публицистов.

НОВАЯ КНИГА

Издательство "Страна и мир" выпустило в свет полное собрание литературных произведений Герцена Копылова: "Четырехмерная поэма и другие неоднмерные произведения". Доктор физико-математических наук Герцен Исаевич Копылов (1925-1976) был крупным физиком. Он работал в г.Дубна, в Объединенном институте ядерных исследований. Другая сторона его деятельности читателю практически неизвестна. Он — автор ярких публицистических статей, распространенных в самиздате под псевдонимом "Семен Телегин", поэмы "Евгений Стромьинкин", целого ряда стихотворений. Главный литературный труд его жизни — "Четырехмерная поэма", блистательный "лубок" (по определению самого автора), своеобразная энциклопедия советской жизни, написанная насмешливо-язвительным, но и горько-сочувственным пером.

За редчайшими исключениями все тексты публикуются впервые. Книга снабжена комментариями канд. физ.-мат. наук К.Любарского.

В книге 354 стр. Цена книги 25 н.м. Издательство принимает заказы.

Нет, не атака, не подкоп,
не гнев, не пафос...
А — бойкот!

Бойкот их преступлениям,
бойкот их съездам-пленумам,

бойкот их местным выборам,
бойкот их мерзким выгодам,

уродству их духовному,
совету их верховному,

победному их плясу,
ракетному их мясу,

психозов их истории,
их звездной оратории,

законам их драконьим,
казенным их дреколям,

их просвещению в потьмах,
их освящению бумаг,

их правдам трехкопеечным,
парадов громким перечням,

их гениям, их премиям,
их прениям, их велььям,

всей уголовной их возне,
всей либеральной их весне,

единству их арабскому,

сценарию дурацкому
их представлений в космосе,

их совести бескостности,
их трупов оживлению,
их трутней ожирению,

их собственным Платонам —
сексотственным парторгам,
правителям бездарным,
философам, жандармам,
быков несметной гвардии...

Бойкот бессмертной гадине!
Бойкот — затее их любой!
Пока бойкот.
А будет бой.

Будущее — во тьме, прошлое завершено и закрыто. Минувшие события не подлежат изменению. Но эта история, неопровержимая сама по себе, не всегда и отовсюду выглядит одинаково. Одно и то же прошлое будет выглядеть совершенно иным по сравнению с 1973 годом, когда на него посмотрят в 2073 году из Китая или в 2173 году из Нигерии...

Вплоть до наших дней, начиная с истоков цивилизации, важнейшим институтом человечества остаются государства. Множественность государств существовала всегда, но в отличие от человеческих групп времен палеолита и деревенских сообществ неолита, государства в эпоху цивилизации не были изолированы друг от друга; это порождало войны, худшую из болезней цивилизованного человечества.

Наиболее распространенный тип государственности — независимое региональное государство. В наше время таких государств около ста семидесяти; их политическая структура та же, что в Шумере третьего тысячелетия до Р.Х.

Независимое региональное государство — это беспомощное образование. Ни рыба ни мясо, — ведь даже государство-город, не говоря уже о национальном государстве или союзе государств, слишком велико, чтобы, будучи социумом, находить опору в личных, насыщенных живым чувством отношениях людей. С другой стороны, даже огромное государство — всего лишь одно из многих. Оно может вести войны, но не в состоянии обеспечить мир. Где и когда бы ни существовали региональные государства, они всегда и везде воевали, всегда пытались поглотить соседей. Империя фараонов в Египте имела ту неповторимую особенность, что хотя ее история началась с насильственного объединения, это государство возникло не в ходе длительных войн; и замечательно, что египетская цивилизация оказалась самой устойчивой, самой долговечной из всех когда-либо существовавших на земле.

И сегодня независимые государства не способны ни обеспечить мир, ни оградить биосферу от загрязнения; не в силах они и сохранить невозполнимые запасы сырья. Эта политическая анархия не может больше продолжаться в ойкумене, технически и экономически давно уже единой. То, в чем человечество нуждается уже пять тысяч лет, что стало насущно необходимым в последние сто лет, — это всемирная политическая организация, состоящая из ячеек размером не больше деревенской общины неолита, то есть столь малых и легкообозримых единиц, что каждый будет там знать каждого — и вместе с тем будет гражданином мирового государства.

Арнольд Джозеф Тойнби,
"Человечество и мать-Земля" (1973 г.)

Вождь